

Д Е. В. Яровой
**ревнейшие
скотоводческие
племена
Юго-Запада
СССР**

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
Отдел этнографии и искусствоведения

Е. В. ЯРОВОЙ

ДРЕВНЕЙШИЕ
СКОТОВОДЧЕСКИЕ
ПЛЕМЕНА
ЮГО-ЗАПАДА СССР
(классификация погребального обряда)

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Н. Я. Мерперт*

Рецензировали и рекомендовали к печати
доктор исторических наук **П. О. Карышковский**,
кандидаты исторических наук **Н. А. Кетрару** и **И. Т. Черняков**

Монография посвящена анализу древнейших подкурганных захоронений скотоводов Юго-Запада СССР. На основании их изучения автор дает подробную характеристику погребального обряда скотоводческих племен, классифицирует погребальный инвентарь и определяет культурно-хронологическое место данных памятников. Особое внимание в работе уделено взаимоотношениям скотоводческих племен с ближайшими соседями и реконструкции некоторых исторических процессов в степной полосе Юго-Запада СССР эпохи энеолита — ранней бронзы.

Книга предназначена для археологов, историков, краеведов, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов.

ВВЕДЕНИЕ

Степные пространства Юго-Запада СССР с древнейших времен служили связующим звеном между первым для нашего континента центром производящей экономики в Балкано-Дунайском регионе и бескрайней полосой Каспийско-Черноморских степей, скотоводческое население которой сыграло столь значительную роль в культурной и этнической истории древней Европы. Особое значение межплеменные контакты на данной территории приобрели в конце энеолита и в раннем бронзовом веке, когда степи Восточной Европы покрылись первыми тысячами курганов. Сложное взаимодействие первых кочевнических объединений привело к определенной близости не только в материальной, но и в духовной жизни скотоводов и к созданию значительных культурных общностей. Уже установлено, что древнейшей из них является ямная культурно-историческая общность, занимающая гигантскую степную территорию от Южного Урала на востоке до Балканского полуострова на западе. Но один из самых важных и интересных регионов области — территория Юго-Запада СССР — до настоящего времени находится в числе наименее изученных. Особенно это касается Днестровско-Прутского междуречья, которое в течение длительного времени вообще не привлекало внимания археологов, разрабатывающих проблемы эпохи бронзы. Археологические памятники степных культур энеолита — ранней бронзы на территории Юго-Запада СССР еще не были темой специального исследования. Источники по исследуемому периоду не обобщены и не систематизированы. Между тем решение вопросов происхождения и исторических судеб некоторых скотоводческих и земледельческих культур Причерноморья и Подунавья во многом зависит от археологического изучения и анализа древнейших скотоводческих памятников междуречья Днестра, Прута и Дуная.

В последние годы на Юго-Западе СССР сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, первые скотоводческие памятники региона вызывают всевозрастающий интерес не только в нашей стране, но и за рубежом, и главным образом у исследователей индоевропейской проблемы. На их основании выдвигаются различные, зачастую взаимоисключающие теории относительно происхождения, культурной принадлежности и исторических судеб древнейших степных племен. Причину, видимо, следует искать в отсутствии четко разработанной источниковедческой базы. С другой стороны, хотя в последние два десятилетия здесь развернулись небывалые по своим масштабам полевые исследования, приведшие к стремительному накоплению новых источни-

ков, введение их в научный оборот все еще значительно отстает от темпов раскопок в зонах новостроек.

Имеющийся к настоящему времени в Молдавии и сопредельных областях материал позволяет с новых позиций рассмотреть некоторые узловые проблемы истории древнейших скотоводов. Для успешного их решения необходимо, в первую очередь, провести обобщение и систематизацию накопленных сведений. Поэтому главная цель настоящей работы — классификация и анализ погребального обряда как основного источника для памятников рассматриваемого времени. Изучение его в комплексе, а также введение в научный оборот основного фонда материалов дает возможность сделать попытку исторической интерпретации последних и осмысления культурного своеобразия данного региона. Но следует оговорить, что ограниченный объем работы позволяет остановиться только на самой общей характеристике основных исторических процессов, происходивших на Юго-Западе СССР в эпоху энеолита — ранней бронзы.

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ КУРГАННЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДА СССР

С глубокой древности курганы привлекали к себе живое внимание, давали богатую пищу пытливому уму. Пожалуй, первым сообщением о курганных памятниках Юго-Запада СССР является известный рассказ Геродота о гибели последних киммерийских царей. Передавая легенду, греческий историк отмечает, что всех павших киммерийцы похоронили у реки Тирас и «могилу царей там можно видеть еще и поныне» (Геродот, 1972, 190). Таким образом, уже с античности исследователи нисколько не сомневались относительно происхождения курганов. К сожалению, в более поздние периоды упоминания о курганных древностях края почти не встречаются. Исключение составляет, пожалуй, только сообщение турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби о ряде курганов на молдавских землях, возведенных, по его мнению, над захоронениями турецких военачальников и их воинов (Эвлия Челеби, 1961, 51, 164).

Русские исследователи обращаются к изучению курганов только в начале XIX в.

В целом всю историю исследования курганных памятников на Юго-Западе СССР можно условно разделить на три этапа.

Первый этап. (начало XIX в. — 1912 г.). Присоединение Бессарабии к России в 1812 г. сыграло положительную роль не только в экономическом, но и культурном развитии региона. Уже в 1816 г. при русской армии была учреждена специальная военно-топографическая комиссия, которая развернула широкие работы по картографированию на топографической основе вновь присоединенных территорий (Рафалович, Кетрару, 1966, 95). Безусловно, полное картографирование Бессарабии преследовало, в первую очередь, чисто практические цели, однако его значение для археологии трудно переоценить. В результате этой огромной работы на военные карты было нанесено большинство курганов края с указанием местоположения и высоты. Впоследствии их неоднократно использовали при составлении археологических карт региона.

Значительная роль в пробуждении научного интереса к курганным памятникам края и собиранию курганных древностей принадлежит основанному в 1825 г. Одесскому городскому музею древностей (ныне Археологический музей) и учрежденному в 1839 г. Одесскому обществу истории и древностей (ООИД) (Фабрициус, 1951, 6; Сеницын, 1960, 8—9; Черняков, 1976, 61). Если первоначально основное внимание археологов привлекали исключительно античные памятники, то с начала 40-х гг. XIX в. в научных кругах проявляется определенный интерес и к курганам.

Уже в 1840 г. президент Одесского общества истории и древностей Д. М. Княжевич на торжественном собрании общества указал на необходимость составления специальной карты курганов юга России. Первыми данную работу начали осуществлять члены общества В. И. Григорович и А. П. Чирков, которые составили археологические карты Херсонских побережий Днестра и Днепра с обозначением курганов и городищ (Ястребов, 1894, 63). В 1843 г. член общества Т. Олофсон с целью учета и фиксации курганов совершил специальную поездку в Бендерский уезд Бессарабской губернии. Здесь он обнаружил и описал 14 наиболее интересных с его точки зрения крупных курганов и курганных групп уезда (Олофсон, 1850, 550—554). Научным результатом этой первой разведочной археологической поездки в Бессарабию (раскопок Олофсон не проводил) явились доклад на заседании общества и издание упомянутой статьи. На многочисленность курганов в Бессарабии указал и другой член ООИД — Н. Надеждин. В 1844 г. он произвел разведку в окрестностях села Пересечино Оргеевского уезда и зафиксировал в пойме реки Реут, в районе современных городов Оргеев и Бельцы, ряды «бесчисленных курганов, из которых многие имеют вид укреплений» (Надеждин, 1844, 255).

Таким образом, до середины XIX в. научных раскопок курганов не производилось: их изучение носило самый общий, предварительный характер и ограничивалось разведочными поездками.

В начале 50-х гг. XIX в. археологическую поездку по Северо-Западному Причерноморью совершил известный русский археолог А. С. Уваров. Итогом ее стало издание сводного описания древностей Южной России, в котором содержится много интересных данных по археологии, эпиграфике и нумизматике. В частности, он точно зафиксировал многочисленные группы курганов на побережье Черного моря и Днестровского лимана. Не ограничившись простой фиксацией курганных насыпей, Уваров произвел раскопки одного из наиболее крупных курганов у с. Шабалат на Днестровском лимане. Отсутствие находок, явившееся следствием несовершенства методки, привело А. С. Уварова к ошибочному выводу, что курган был сторожевым и использовался «для наблюдения за окрестностями в случае нападения». Однако предпринятые местными крестьянами после его отъезда грабительские раскопки кургана привели к открытию в нем каменного сооружения и нескольких каменных плит крупных размеров (Уваров, 1856, 181).

Раскопки А. С. Уварова стали первыми археологическими исследованиями курганных древностей на Юго-Западе СССР, предпринятыми с научной целью.

Значительную роль в активизации научных исследований на юге России сыграл проходивший в 1884 г. в Одессе VI археологический съезд. Показательно, что в программе были заявлены сообщения А. С. Уварова об определении начала и конца бронзового века и о связях памятников эпохи бронзы Европы и Азии,

: также профессора Киевского университета В. Б. Антоновича об определении погребальных типов в курганах Днестра и Южного Буга и сопоставлении их с аналогичными памятниками Южной России (Труды..., 1886, 24—25). О возрастании интереса к курганным древностям свидетельствует также опубликование редакционным комитетом съезда в 1884 г. реферата В. Б. Антоновича о раскопках курганов в поречьях Днестра, Буга и Ингула (Антонович, 1884, 14).

Одесский археологический съезд пробудил интерес археологов к доисторическим курганным древностям Северо-Западного Причерноморья. Так, в 1888—1889 гг. профессор Киевского университета Ф. И. Кнауэр раскопал шесть курганов у с. Сарата, а в 1891 г. — три кургана у с. Павловка Аккерманского уезда в Южной Бессарабии. Курганы представляли собой сложные погребальные комплексы со значительным числом погребений ранней и средней бронзы (Кнауэр, 1889, 32—49; 1890, 30—41; 1892, 10—12; 1902, 150—151). Статьи Ф. И. Кнауэра, посвященные исследованиям в Аккерманском уезде, представляют собой научное изложение материала с элементами анализа. К сожалению, описательная часть его работ страдает чрезмерной лаконичностью. Зачастую качеству и сохранности костей уделяется больше внимания, чем описанию археологических комплексов. Отсутствуют рисунки находок и подавляющего числа погребений, многие находки лишь упоминаются в тексте, описание захоронений не унифицировано и т. д. По существовавшей в то время методике все курганы были раскопаны колодцем, что привело к недоисследованию насыпей.

Относительно низкий уровень полевых исследований, тем не менее, не помешал Ф. И. Кнауэру сказать свое слово в археологической науке. Он делает весьма важное замечание о необходимости исследования курганных насыпей полностью или «по крайней мере на три четверти основания» (Кнауэр, 1889, 40—41). Характеризуя курган у с. Сарата, ученый приходит к справедливому заключению о том, что данный памятник находится на рубеже каменного и бронзового веков, пишет о курганах как о семейных усыпальницах, отмечает «этажность» насыпей — это стало одним из первых указаний на сложную и относительную стратиграфию курганов (Кнауэр, 1889, 44). В курганах он выделяет захоронения трех эпох: 1) эпохи каменного века и начала бронзового; 2) скифской; 3) начала переселения народов (Кнауэр, 1902, 151). В целом работы Ф. И. Кнауэра, при всем их несовершенстве, следует оценивать положительно, поскольку он пришел к ряду объективных выводов, касающихся не только улучшения полевой методики, но также характеристики и датировки древнейших подкурганных захоронений.

Большой интерес к раскопкам в Аккерманском уезде проявил В. Б. Антонович. Именно ему принадлежит первенство в отнесении древнейших погребений кургана у с. Сарата к «пограничью веков каменного и металлического», а впускных захоронений —

к более позднему времени (Антонович, 1890, 15). Он также пришел к убеждению об «этажности курганов». Объективность выводов В. Б. Антоновича подчеркивает и высказанное им мнение, что железо, обнаруженное у окрашенного охрой костяка, попало в захоронение случайно и не может служить характерным признаком (Антонович, 1892, 13).

Одновременно с полевой деятельностью продолжаются работы по составлению археологической карты Северо-Западного Причерноморья. В 1894 г. выходит в свет интересный труд преподавателя Елизаветградского реального училища В. Н. Ястребова, посвященный древностям Херсонской губернии. В. Н. Ястребов проделал огромную работу по фиксации и систематизации различных археологических памятников, особое внимание уделив многочисленным курганам края (Ястребов, 1894, 63—176). Показательно, что только по Одесскому и Тираспольскому уездам он дал информацию более чем о пятистах курганных насыпях. Характеристика некоторых курганных памятников отличается достаточной полнотой. Безусловно, работа значительно пострадала из-за отказа ООИД напечатать карту, иллюстрации и чертежи, приложенные к рукописи. Однако вряд ли можно согласиться с мнением, что статьей В. Н. Ястребова трудно пользоваться по причине неудобства распределения сведений (Фабрициус, 1951, 6). Эта работа содержит одну из наиболее полных сводок древностей Северо-Западного Причерноморья, написана на высоком для своего времени уровне и отличается четкой структурой, основанной на объективной классификации различных археологических памятников.

В 1879 г. в поисках могил киммерийских царей профессор Д. Я. Самоквасов осмотрел северное и южное побережья Днепровского лимана, где отметил пять наиболее крупных курганов. Однако он приступил к расколкам лишь в 1906 г., «ограничившись» исследованиями 20 насыпей «средней и малой величины» в окрестностях сел Шабалат и Катаржи Аккерманского уезда. Как оказалось, 18 из них были возведены над сарматскими погребениями, а два — над «киммерийскими» (Самоквасов, 1908, 21—22). Судя по описанию, в одном было обнаружено основное усадовское погребение, в другом — парное захоронение в каменном ящике и два скорченных костяка со следами дерева. В 1908 г. Д. Я. Самоквасов опубликовал монографию, которая представляет, по его утверждению, систематический свод дневников раскопок, проведенных с 1871 по 1891 г. В ней ученый относит все открытые им погребения к десяти различным народностям и выделяет пять основных культурно-исторических периодов. Опираясь на письменные источники, автор делает вывод, что в припонтийских степях древнейшей народностью являлись киммерийцы и потому к ним следует относить все захоронения «народов каменной культуры» (Самоквасов, 1908, 45). Общая структура монографии Д. Я. Самоквасова достаточно стройная и продуманная, количество опубликованных погребений огромно, а географичес-

охват полевых исследований — самый широкий в дореволюционной историографии. Но все же общий уровень публикации и интерпретации «киммерийских могил» недостаточно высокий и полноценное использование этих источников в современных исследованиях крайне затруднительно.

Довольно широкие раскопки курганов были предприняты в 1899—1900 гг. в среднем течении Днестра. Здесь, у с. Каменка Сельгопольского уезда Подольской губернии, заведующий Артиллерийским музеем в Петербурге Н. Е. Бранденбург раскопал 20 курганов различных исторических эпох. Чисто описательной работой явилось посмертное издание его полевых дневников. Хотя ученый обнаружил на левобережье Днестра всего лишь несколько захоронений эпохи ранней бронзы, их описание характеризуется особой тщательностью и упоминанием мельчайших подробностей. Некоторые из погребений проиллюстрированы чертежами, дающими полное представление об исследованных комплексах. В двух курганах были открыты три погребения эпохи ранней бронзы с инвентарем (Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга, 1908, 173—175). Два из них были отнесены Н. К. Качаловой к культуре шаровидных амфор Подолии, а одно — к культуре шнуровой керамики Прикарпатья (Качалова, 1974, 12—13). Хотя все курганы были исследованы колодцем и в монографии нет рисунков находок (но в каждом случае имеется ссылка на инвентарный номер в коллекции Артиллерийского музея), издание материалов Н. Е. Бранденбурга является одной из наиболее полных и подробных публикаций археологических источников, описывающих курганы Молдавии.

Наряду с профессиональными археологами раскопки курганов продолжали вести и любители. В этом плане следует упомянуть созданную в 1884 г. Бессарабскую ученую архивную комиссию, которая одновременно с архивной деятельностью пыталась проводить и археологические исследования. Так, осталось свидетельство о том, что в 1902 г. правитель дел комиссии И. Халиппа и член комиссии А. Крылов в течение одного только дня «раскопали» шесть небольших курганов у с. Чеколтены Оргеевского уезда. Никакой научной документации, конечно, не велось и составить представление о характере курганов невозможно (Рафалович, Кетрару, 1966, 103). К сожалению, от подобной «научной деятельности» было не столько пользы, сколько вреда, так как в результате уничтожались археологические памятники, сведения о которых практически не доходили до научных кругов. К счастью, благодаря отсутствию средств научная деятельность комиссии скорее декларировалась, чем велась на самом деле.

Гораздо большую ценность представляла деятельность комиссии по составлению на основе разведок и опросов корреспондентов «Археологической карты Бессарабской губернии». По сведениям И. Халиппы, в 1899 г. к открытию XI археологического съезда в Киеве карта была готова. Она зафиксировала среди других археологических памятников 1464 кургана и 84 «менгира»

и дополнялась таблицами с различными категориями древностей. Однако карта опубликована не была и ее дальнейшая судьба неизвестна (Рафалович, Кетрару, 1966, 103).

В какой-то мере аналогичная работа была проведена Н. К. Могилянским. В 1913 г. он разослал анкетный листок по адресам корреспондентов статистического отдела губернского земства. В нем содержались вопросы об имеющихся на месте памятниках старины и обнаруженных за последние годы археологических находках. Обработав полученные сведения, Н. К. Могилянский составил специальную анкету по археологическим памятникам Бессарабии, которая была издана два года спустя Я. Эбергардтом. В анкете автор отметил 1049 курганов и 94 древних кладбища. Он разделил курганы «по роду и назначению» на могильные и сторожевые, а по времени возникновения — на киммерийские, скифские, дакийские и народов позднейших эпох (Эбергардт, 1915). Следует подчеркнуть, что Н. К. Могилянский не ограничился механическим перечислением местонахождения курганов и их описанием, а произвел и определенную научную классификацию. Для своего времени эта работа была проведена на достаточно высоком научном уровне: кроме описания различных археологических памятников упоминаются и описываются многие обнаруженные там находки. К сожалению, анкета не получила широкой известности и впоследствии была незаслуженно обойдена вниманием специалистов. А между тем содержащиеся в ней сведения могут быть небезынтересны и для современных археологов.

Но, безусловно, самыми масштабными и плодотворными полевыми исследованиями в дореволюционный период были раскопки курганов в Тираспольском уезде, проведенные смотрителем земской больницы в Тирасполе И. Я. Стемпковским. С незначительными перерывами раскопки велись с 1896 по 1911 г. С 1898 г. активное участие в них принимает жена исследователя Л. П. Стемпковская — одна из первых в России женщин-археологов (Фабрициус, 1951, 15; Черняков, 1976, 63). За указанный период И. Я. и Л. П. Стемпковскими на левобережье Днестра в районе Тирасполя и близлежащих сел было исследовано более 400 курганов различных исторических эпох.

В целом методику И. Я. и Л. П. Стемпковских следует признать передовой для своего времени: в большинстве случаев ими исследовалась основная часть впускных и материковых захоронений. Источниковедческую базу «тираспольских курганов» трудно переоценить: на левобережье Днестра было открыто несколько сот захоронений различных археологических культур. К сожалению, авторы раскопок не сумели полностью обработать и издать накопленный ими огромный научный материал. Тем не менее данные источники не потеряли актуальности до настоящего времени и по-прежнему продолжают привлекать внимание археологов различных специальностей.

Активно занимался собиранием материалов к археологической карте Херсонской губернии археолог и собиратель древностей В. И. Гошкевич. Результатом его работы стало издание книги, посвященной кладам и курганным памятникам края. В ней автор дал краткий очерк археологических исследований в Северо-Западном Причерноморье и сделал попытку классификации источников указанного региона. В частности, В. И. Гошкевич пришел к объективному выводу о том, что древнейшими в курганах являются те погребения, где костяки лежат в скорченном положении и окрашены охрой. Как и его предшественники, В. И. Гошкевич объединил данные захоронения в единую группу и отнес ее к киммерийцам. Датируя эти погребальные комплексы XII в. до н. э., автор писал о торговых связях киммерийцев с древними греками, якобы поставлявшими изделия из золота, бронзы и керамики (Гошкевич, 1903, 98). Но ошибочность некоторых выводов В. А. Гошкевича не делает его книгу менее ценной: она содержит сводку о курганных древностях Херсонщины, о результатах ряда полевых исследований и случайных находках, не отраженных в других изданиях. Нельзя не отметить и те высокие научные требования, которые автор предъявлял к раскопкам курганов (Гошкевич, 1903, 91).

Переломный этап в изучении древнейших курганных культур связан с исследованием в 1912—1913 гг. знаменитого Одесского кургана. Члены ООИД М. Ф. Шкадышек и А. В. Добровольский по поручению общества произвели доисследование полуразрушенного кургана на территории больницы в Слободке-Романовке (окраина г. Одессы). Стратиграфия кургана оказалась довольно сложной. К чести М. Ф. Шкадышека и А. В. Добровольского, они подготовили и издали достаточно квалифицированную и полную для того времени публикацию материалов памятника (Шкадышек, 1915, 3—9; Добровольский, 1915, 123—145). Следует особо отметить комплексность исследований: авторы не ограничились только археологическим заключением, но и привлекли к исследованиям антрополога (Третьяков, 1915, 25—40), а также провели химический анализ охры и металла. Ознакомившись с данными публикациями и полевыми отчетами, выдающийся русский археолог А. В. Городцов посвятил отдельную статью классификации погребений из Одесского кургана (Городцов, 1917, 117—142). Он проделал большую и очень тщательную работу по анализу стратиграфии памятника. Используя метод стратиграфических таблиц, он показал, что в Одесском кургане имеются четыре группы захоронений: ямные, катакомбные, ящичные и в насыпи (Городцов, 1917, 127). Характеризуя древнейшие ямные погребения, он пишет, что население этой группы принесло в Россию курганный обряд захоронения и было знакомо с металлургией и скотоводством (Городцов, 1917, 142). Статья А. В. Городцова занимает в историографии особое место, так как в ней была предложена универсальная периодизация курганных памятников эпохи бронзы для южнорусских степей. Именно с работ А. В. Го-

родцова, посвященных курганам Бахмутского и Изюмского уездов, а также Одесскому кургану, начинается качественно новая эпоха в изучении и осмыслении курганных древностей Северного Причерноморья (Городцов, 1905; 1907; 1917, 144—161; 1927).

Таким образом, начальная стадия изучения курганов в регионе исчерпывается разведывательной и описательной деятельностью первых русских археологов и непрофессионалов-любителей. С середины XIX в. делается робкие шаги полевая практика, которая, как правило, ведется случайно и в ограниченных масштабах. К концу XIX — началу XX в. археологические исследования активизируются и объемы полевых работ значительно расширяются. Однако в подавляющем большинстве эти раскопки велись на довольно низком научном уровне. Необходимо отметить и невысокое качество публикаций археологических источников, некоторые ошибочные исторические выводы. Вместе с тем многие исторические интерпретации открытого археологического материала объективно отражали характер исследованных памятников. Можно констатировать, что теоретическая часть работ данного этапа несколько опережала общий уровень полевых исследований. Переломный момент в изучении эпохи бронзы южнорусских степей связан с раскопками Одесского кургана, последовавшими затем публикациями и созданием А. В. Городцовым универсальной в своей основе культурно-хронологической периодизации. С этого времени научный уровень изучения степной бронзы качественно меняется. Полевая же практика с началом первой мировой войны практически прекращается.

Второй этап охватывает период с 1946 по 1964 г. Первым курганным памятником, исследованным в послевоенное время на территории Юго-Запада СССР, стал ямный курган у с. Валя-Пержей Чимишлийского р-на МССР. Он был раскопан в 1946 г. сотрудниками Киевского института археологии Д. Т. Березовцом и Т. Г. Оболдуевой. Ими было открыто 23 погребения ряда археологических культур, подавляющее большинство которых составляли захоронения различных периодов эпохи бронзы (Оболдуева, 1955, 31—48). Курган длительное время оставался единственным памятником ямной культуры в Молдавии, и его материалы часто использовались в научной литературе.

В 1957 г. в пгт Черноморка под Одессой охранные раскопки разрушающегося кургана произвел М. С. Синицын. Он обнаружил ряд захоронений эпохи ранней бронзы, а также антропоморфную стелу у ямного погребения (Синицын, 1959, 191—193).

Год спустя, в 1958 г., Н. А. Кетрару осуществил раскопки одиночного кургана у с. Зырнешты Кагульского р-на МССР. Особый интерес в нем представляют два основных ямных погребения, в одном из которых было зачищено два костяка, а в другом — три (Кетрару, 1969, 35—54).

Отметим также случайно открытое Л. Л. Полевым одиночное безы Inventарное погребение в пгт Новые Анены МССР. В 1955 г. он обнаружил его в профиле глиняного карьера на глубине 3,5 м

определил как ямное. Однако следов курганный насыпи над ним зафиксировано не было (Дергачев, 1973, 53—54).

Небольшие по объему раскопки курганов были проведены А. И. Мелюковой в Нижнем Поднестровье. В 1959 г. она раскопала четыре кургана у с. Оланешты и два — у с. Тудорова в Суворовском р-не МССР. Здесь открыты погребения ряда культур, большинство которых относилось к различным периодам эпохи бронзы (Мелюкова, 1962).

В 1960 г. группа молдавских археологов доисследовала разрушенный курган у г. Комрат. Здесь также было обнаружено одно плохо сохранившееся захоронение ямной культуры (Дергачев, 1973, 27).

Второй этап, как видим, хронологически самый короткий. Он начинается с исследования одиночного кургана в пойме р. Когильник и заканчивается с началом работы Днестровско-Дунайской новостроечной экспедиции в Одесской области. Данный этап характеризуется небольшими по масштабам раскопками (в основном одиночных курганов), которые носили спасательный или незапланированный характер. Общее количество раскопанных курганов невелико и источниковедческая база крайне незначительна.

Третий этап начался в 1964 г. и связан с деятельностью Днестровско-Дунайской новостроечной экспедиции под руководством Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова в зоне строительства Татарбунарской оросительной системы. За девять лет экспедиция исследовала несколько десятков курганов в ряде районов Одесской обл. (Шмаглия, Черняков, 1970а, 109—120; 1971, 36—40; 1972а, 36—42). По масштабам и объемам работ полевая практика экспедиции выгодно отличалась от ранее проведенных исследований. Основной ее целью стало планомерное и широкое (чего не было до сих пор) изучение археологических памятников в Нижнем Подунавье, попадающих в зону новостроек. Только за первые три года раскопок экспедицией было открыто более трехсот захоронений, из которых около ста отнесены к ямной культуре (Шмаглия, Черняков, 1970, 90). Материалы различных культур, обнаруженные экспедицией в 1964—1966 гг., вышли в свет в 1970 г. (Шмаглия, Черняков, 1970, 5—115). Авторы не ограничились простой публикацией источников, но дали им обобщенную и развернутую характеристику. Значительная часть работы была посвящена анализу погребальных комплексов ямной культуры.

Наблюдения над стратиграфией кургана 9 у с. Нерушай привели авторов к выводу о существовании трех хронологических периодов в истории ямных племен Нижнего Подунавья (Шмаглия, Черняков, 1970, 105—106). На материалах своих раскопок Н. М. Шмаглия и И. Т. Черняков описали эволюцию погребального обряда и пришли к заключению, что с течением времени происходит усиление скорченности в положении на спине, а также на боку. В результате к концу позднего этапа ямной культуры, по их мнению, положение костяка трансформируется — от скорчен-

ного на спине к скорченному на левом или правом боку (Шмаглий, Черняков, 1970, с. 97—98).

Подробно рассматриваются и другие элементы погребального обряда: устройство погребальных ям, перекрытий, планировка курганов и т. д. Отдельно дается развернутая характеристика инвентаря и его положения в захоронениях, анализируется ориентировка костяков, рассматривается вопрос о коллективных погребениях периода. Особое внимание в работе уделено датировке и функциональному назначению антропоморфных стел. Касаясь проблемы взаимоотношений синхронных культур, авторы подчеркнули, что обнаруженные материалы не позволяют говорить о прямых контактах усатовских и древнеямных племен. Скорее наоборот: залывшие ровики вокруг усатовских курганов, по их мнению, свидетельствуют о некотором хронологическом разрыве между ними. В пользу этого говорят и обнаруженные в ровиках ямные захоронения (Шмаглий, Черняков, 1970, 93). Наконец, обобщив весь материал, Н. М. Шмаглий и И. Т. Черняков пришли к выводу о проникновении ямных племен в степи между речья Дуная и Днестра на раннем этапе их истории. Авторы отметили длительность существования ямной культуры в данном регионе, а также челночный характер движения степных племен, которые зачастую возвращались в Северное Причерноморье. При этом они обратили внимание на отсутствие здесь поселений данной культуры, объяснив этот факт «мобильным образом жизни ямников» (Шмаглий, Черняков, 1970, 107).

Работа снабжена большим количеством рисунков, чертежей и фотографий, позволяющих достаточно полно представить общий характер исследованных памятников. Нельзя не отметить и подробного описания захоронений, достоверность их культурного определения и датировки. Однако приходится с сожалением констатировать, что ценность работы в значительной степени снижается небрежностью в оформлении иллюстративного материала. Чертежи курганов и их профилей схематичны и неоправданно мелки по масштабу, большинство рисунков без масштаба, иногда на них нет ссылок в тексте. В работе также нередки расхождения между рисунками и описаниями погребений, что в определенной степени затрудняет работу с источниками. Вместе с тем в сводной статье авторы затронули практически все вопросы древнейшей истории степных скотоводческих племен. По количеству опубликованных материалов и их теоретической интерпретации работа Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова до настоящего времени остается самой крупной и одной из наиболее важных и интересных. Она впервые ввела в научный оборот значительные комплексные серии источников по различным степным культурам Юго-Запада СССР и служит, даже спустя два десятилетия, отправной точкой для дальнейших исследований по курганной проблематике региона.

В 1968 г. Н. Я. Мерпертом была подготовлена обобщающая работа «Древнейшая история населения степной полосы Восточной

Европы», полностью посвященная первым подкурганным памятникам. Автор впервые обобщил и систематизировал имевшийся к тому времени и доступный ему материал по всей ямной культуре. Сопоставив погребальный инвентарь из различных районов распространения культуры, он пришел к выводу, что ее следует рассматривать не как единую культуру, а как культурно-историческую область, т. е. как зону тесного взаимодействия ряда локальных групп, развивавшихся на единой экономической базе в близких и специфических условиях степной полосы (Мерперт, 1968, 7). Определенное своеобразие материальной культуры различных районов ямной культурно-исторической области позволило Н. Я. Мерперту выделить внутри нее девять значительных территориальных вариантов, или территориальных групп. Отметив, что пути продвижения степных племен не могли миновать современных юго-западных территорий нашей страны, автор выделил юго-западный вариант ямной культуры, в который включил современную Одесскую область Украинской ССР и Молдавскую ССР. Значение этого варианта, по его мнению, было особенно велико, поскольку скотоводческие памятники исследуемых районов являются связующим звеном между Балканами и основными степными пространствами Северного Причерноморья.

В результате анализа погребального обряда была разработана хронология варианта. В ее основу легли материалы «тираспольских курганов» (из раскопок И. Я. и Л. П. Стемпковских), которые все еще оставались наиболее крупными из известных серий источников ямной культуры. Показательно, что в то время было известно только более ста ямных погребений региона. Принимая во внимание положение положения костяка и его ориентировку, Н. Я. Мерперт выделил в Тираспольском районе четыре хронологических группы захоронений. В дальнейшем он пришел к выводу, что и другие погребальные комплексы региона полностью соответствуют данным «тираспольской группы» (Мерперт, 1968, 38). Одновременно он отметил активные связи между ямными и усовскими племенами и, кроме того, подчеркнул прохождение через Северо-Западное Причерноморье наиболее ранней древнеямной волны (Мерперт, 1968, 39). Из-за количественной неполноты источников по юго-западному варианту Н. Я. Мерперт вынужден был опираться в первую очередь на архивные данные о дореволуционных раскопках, а также на крайне немногочисленные публикации о современных раскопках. В этой работе дана только общая характеристика особенностей и основных черт каждого варианта, что требует отдельного и более детального их анализа.

Рецензия Л. С. Клейна на сводную работу Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова содержит не только ее оценку, но и нозу интерпретацию опубликованных источников (Клейн, 1975, 297 — 303). Он высоко оценил значение монографии для изучения степных культур Северо-Западного Причерноморья, но одновременно остановился и на ее недостатках. Пожалуй, одним из наиболее

ценных для того времени было указание на необходимость раскопок степных курганов с оставлением дополнительных бровок. Справедливо критиковались бессистемность таблиц и находок, отсутствие необходимых в публикации профилей захоронений, схематичность планов и другие недочеты.

Л. С. Клейн пришел к выводу о необходимости пересмотра традиционного представления о ямной культуре как о единой культурной общности. По его мнению, особенности положения костяков в погребениях, а также керамика не подтверждают культурного единства различных районов. Рассматривая материалы из Буджакской степи, автор отказывается видеть в них черты ямной культуры, считая, что здесь существовала другая культура, к которой, по-видимому, принадлежат и многие «погребения с охрой» Румынии, Болгарии и Венгрии, а также некоторые восточные комплексы, примыкающие к Буджаку. Поскольку детали погребального обряда и состав инвентаря здесь несколько иные, чем в ямной культуре, Л. С. Клейн предлагает назвать эту культуру «нерушайской» — по первому памятнику, где она была исследована (Клейн, 1975, 298). Однако основные ямные захоронения автор не включает в «нерушайскую культуру» из-за однообразной ориентировки, отсутствия керамики и основных коллективных погребений. Два из основных захоронений, в которых было найдено по сосуду в форме кубка, составляют, возможно по мнению Л. С. Клейна, особую категорию внутри «нерушайской» культуры или ее более раннюю стадию. Он даже считает целесообразным объединить эти погребения в отдельную «баштановскую группу», не исключая выделения ее в будущем в самостоятельную культуру (Клейн, 1975, 298—299).

Затрагивая соотношение ямной и усоватской культур, автор подчеркнул, что сделанный на материалах Нижнего Подунавья вывод о смене усоватской культуры ямной бесспорен для определенной группы памятников, но его нельзя автоматически переносить ни на другие степные комплексы сопредельных территорий, ни на основные ямные погребения Буджакской степи. Кроме того, он остановился на вопросе заселенности Северо-Западного Причерноморья в ямное время, а также на характеристике коллективных захоронений и основных форм керамики исследуемого периода. Особое внимание в рецензии было уделено интерпретации ориентировки подкурганных погребений (Клейн, 1975, 300).

Следует отметить, что большинство высказанных в рецензии положений носит гипотетический и рекомендательный характер и, следовательно, строго не аргументируется. К тому же некоторые выводы автора об основных чертах погребального обряда и инвентаря скотоводческих памятников свидетельствуют о его недостаточном знакомстве со всеми материалами, уже обнаруженными к тому времени в Северо-Западном Причерноморье. Но выдвинутые Л. С. Клейном предложения вышли далеко за рамки рецензии: в работе был поставлен вопрос о выделении внутри

этой ямной культурно-исторической области не отдельных локальных вариантов, а различных вполне самостоятельных культур.

Аналогичную точку зрения на характер древнейших подкурганых памятников Северо-Западного Причерноморья высказал И. Т. Черняков (Черняков, 1979, 8—10). Указанный регион он называет «открытым окном» для контактов местных степных культур с культурами балкано-дунайского и центральноевропейского ареалов. Эти контакты отразились на культурном своеобразии памятников и определили их отличие от ряда культур степной зоны южнорусских районов. Автор считает, что общепринятое направление движения племен с востока на запад не всегда носило доминантный характер. Оно сменялось бурным развитием местных культур, иногда тесно связанных с культурами Карпато-Дунайского региона. Особое положение Северо-Западного Причерноморья И. Т. Черняков видит в образовании здесь в середине III тыс. до н. э. усатовской культуры. Полное заселение района племенами поздняямной культуры, в керамическом комплексе которых ощутимо проявляются контакты с западными соседями, он относит к началу II тыс. до н. э. Некоторые отличия их захоронений от более восточных памятников И. Т. Черняков объясняет участием остатков усатовских племен в формировании особой культуры поздняямного времени смешанного характера, которую он предлагает назвать «бужацкой» (Черняков, 1979, 9). Нельзя не заметить, что И. Т. Черняков полностью разделяет основные положения, высказанные ранее Л. С. Клейном, предлагая лишь более широкое название культуры. Он также приводит ряд аргументов в пользу автономного и своеобразного развития степной полосы Северо-Западного Причерноморья. Однако историю степных культур региона автор начинает с усатовских памятников и совершенно не затрагивает вопрос о взаимоотношениях ямных и усатовских племен, хотя и высказывает мнение об их различной хронологии (Черняков, 1979, 9).

В обобщающей работе В. Н. Даниленко дана широкая реконструкция сложной картины развития древнеямных племен (Даниленко, 1974). Древнеямная культура, по его мнению, никогда не была и не могла быть однородным массивом в этнокультурном отношении, но, образуя единую этнокультурную область, распадалась на ряд локальных культур, тесно связанных между собой (Даниленко, 1974, 85). Автор предлагает разделить всю историю ямной культурно-исторической общности на пять больших хронологических периодов, связанных с крупными волнами расселения скотоводческих племен. Последнее шло в двух направлениях: каспийско-волжском и азово-днепровском. В. Н. Даниленко считает, что около середины IV тыс. до н. э. antagonистические отношения между земледельческими и скотоводческими племенами достигли того критического уровня, когда установившаяся между ними граница по Днепру не могла не нарушиться. Это подтверждается открытием основного парного погребения у с. Суворово в Одесской области, в котором был обнаружен ре-

листический каменный скипетр в виде головы коня. Появление скипетров — знаков племенной власти — служит, по мнению автора, свидетельством важных общественных сдвигов, в частности зарождения древнейшего всадничества. Находки скипетров у с. Суворово, на территории Румынии, Болгарии и Югославии свидетельствуют о проникновении определенной части племен скотоводов в Европу уже в середине IV тыс. до н. э. В отличие от Н. Я. Мерперта, В. Н. Даниленко считает, что в данном случае проникновение шло волнами, а не носило характера постепенной инфильтрации в новые районы (Даниленко, 1974, 85—86). Широко привлекая различные материалы из всех районов Каспийско-Черноморских степей, В. Н. Даниленко ставит вопрос не только о контактах степных энеолитических племен со своими земледельческими соседями уже в середине IV тыс. до н. э., но и предполагает их непосредственное проникновение в Северо-Западное Причерноморье. Несмотря на дискуссионность многих положений, в монографии содержится интересная теоретическая интерпретация огромного фактического материала всей ямной культурно-исторической области.

Обобщающая работа В. Г. Збеновича посвящена позднетрипольским племенам Северного Причерноморья, однако вполне закономерно, что в качестве аналогий автор часто привлекает материалы ямной культуры и останавливается в ряде случаев на некоторых вопросах ее истории. Сопоставляя ямные и усатовские комплексы, В. Г. Збенович пришел к следующему выводу: ни одно из многочисленных ямных погребений Северо-Западного Причерноморья нельзя с уверенностью отнести к раннему этапу. Погребальный обряд и инвентарь основных захоронений, считает автор, также не указывают на их раннее происхождение. Поэтому все ямные погребения, открытые в Северо-Западном Причерноморье, он отнес к поздним фазам развития данной культуры. В то же время автор полагает, что позднетрипольские памятники доживают до позднего этапа ямной культуры, и подвергает сомнению вывод Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова о хронологическом разрыве между указанными культурами (Збенович, 1974, 138—139). Но, указывая на факты сосуществования двух культур, автор склонен видеть их контакты лишь на позднем этапе развития ямных племен. В монографии подчеркивается, что если существование в причерноморских степях позднетрипольской культуры можно отнести к 2400—2000 гг. до н. э., то массовое проникновение сюда ямных племен началось только в конце III тыс. до н. э. Местное же население было побеждено и ассимилировано пришельцами и впоследствии растворилось в новом этническом массиве (Збенович, 1974, 143, 161).

Можно констатировать, что в монографии В. Г. Збеновича довольно последовательно изложена точка зрения на роль и место ямной культуры в ранней истории Северо-Западного Причерноморья. Однако при более тщательном исследовании возникают сомнения в справедливости датировки всех погребальных ком-

тексов ямной культуры концом III тыс. до н. э. Показательно, что арханчское, по признанию самого автора, основное погребение на р. Когильник в Молдавии не входит в предложенную им схему и никак не объясняется (Збеневич, 1974, 138). Проникновение рода скотоводческих племен в относительно узкий хронологический период подразумевает их широкое нашествие, которое практически уничтожило местное усовское население. В. Г. Збеневич пишет о «конфликтах и военных столкновениях» между местным населением и пришельцами и по сути дела разделяет точку зрения В. Н. Даниленко о разрушительной экспансии древнейших скотоводческих племен на запад (Збеневич, 1974, 161).

Эту теорию поддерживает и последовательно развивает М. Гимбутас (США). В ряде своих работ она обобщила различные материалы из подкурганных комплексов всех регионов восточноевропейской степи: от Нижнего Дуная до Поволжья и прилегающих к нему районов. Автор в общем контексте рассматривает территорию современной Украины и Молдавии и дает широкую реконструкцию тех исторических процессов, которые, по ее мнению, имели здесь место. М. Гимбутас выдвинула теорию о существовании в южнорусских степях так называемой «курганной культуры», в которую включила достаточно характерные и различные культуры: ямную, катакомбную, майкопскую, шнуровой керамики и др. (Gimbutas, 1956, 103, 109; 1961, 198).

По мнению автора, «курганная культура» существовала в V, IV и III тыс. до н. э. и являлась протоиндоевропейской. М. Гимбутас считает, что представители «чрезвычайно однородной курганной культуры — кочевники и мореходы — начали в IV—III тыс. до н. э. своны вторжения из районов Нижней Волги на Дунай, Кавказ, Балканы и Средиземноморье». В результате погребальные обряды, религиозные символы, мотивы орнамента и вооружение, происходящие из европейской степи, распространились повсеместно. Только курганная культура претендует на звание протоиндоевропейской (Gimbutas, 1970, 155—156). Не Северное Причерноморье, полагает автор, а поволжско-казахские степи были прародиной людей «курганной культуры». В Северном Причерноморье, Крыму и на Днестре они появились позднее как пришельцы и некоторое время сосуществовали с носителями днепродонецкой культуры (Gimbutas, 1970, 175). Начало вторжения «курганной культуры» в Балканско-Дунайский регион М. Гимбутас относит к первой половине IV тыс. до н. э. По ее мнению, оно привело к переселению сотен различных племен и сопровождалось огромными разрушениями (Gimbutas, 1970, 191).

В последних работах М. Гимбутас продолжает разработку характеристики «курганной культуры», привлекая в качестве аргументов новые археологические источники из различных районов Европы. В частности, она выделяет теперь ряд разрушительных вторжений древнейших скотоводов и связывает с ними гибель всех земледельческих культур Балкан и Подунавья. Первое вторжение она относит уже ко второй половине V тыс. до н. э.

(Gimbutas, 1977, 277—338), а второе датирует 3400—3200 гг. до н. э. (Gimbutas, 1980, 273—315). В настоящее время утверждение М. Гимбутас о существовании «курганной культуры» и ее трактовка древнейшей истории Европы разделяются многими западными исследователями, которые под понятием данной культуры подразумевают комплекс различных скотоводческих формирований энеолита — эпохи бронзы (Malloy, 1976, 4—5). В этой связи необходимо отметить, что в последние годы за рубежом опубликован ряд научных статей и монографий, в той или иной степени затрагивающих рассматриваемую территорию. Но характеристика и освещение различных направлений в дискуссии по индоевропейской проблеме не являются целью настоящей работы и еще ждут своего исследователя.

Совершенно иной точки зрения на характер освоения древними скотоводами новых степных районов придерживается Н. Я. Мерперт. Касаясь проблемы связей Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке, он относит продвижение отдельных скотоводческих групп на юг и юго-запад уже к концу IV — началу III тыс. до н. э. Однако, по мнению ученого, оно продолжалось веками, то затихая, то усиливаясь, но «никогда его нельзя представить единым, кратковременным процессом, своего рода гуннским или монгольским нашествием III тыс. до н. э.» (Мерперт, 1965, 16). Констатируя, что пути продвижения причерноморских племен не могли миновать Днестровско-Прутского междуречья, автор указал на особую перспективность археологического изучения данного района — зоны стыка и взаимовлияния различных культур эпохи ранней бронзы (Мерперт, 1965, 19—20).

Относительно мирный характер освоения новых территорий отмечается Н. Я. Мерпертом и в последующих работах. Привлекая новые источники из Балкано-Дунайского региона, он снова и снова убеждается: «единого „генерального“ вторжения вообще не было, а изменения на грани раннего бронзового века обуславливались целым комплексом многообразных причин» (Мерперт, 1978, 58). С другой стороны, автор не отрицает вообще роль многочисленных и разномасштабных вторжений степных скотоводов в сопредельные области и в качестве доказательства приводит сотни курганов с ямными погребениями на территории Северо-Восточной Болгарии. В частности, Н. Я. Мерперт отмечает активизацию строительства на Балканах фортификационных сооружений, подчеркивая их синхронность древнейшим степным курганам региона (Мерперт, 1978, 58, 62). Анализ пока еще крайне незначительных источников из прилегающих к Северному Причерноморью западных областей позволяет автору более масштабно и объективно определить ту роль, которую сыграли скотоводческие племена на рубеже эпохи энеолита — ранней бронзы.

Длительное время изучением древнейших подкурганных комплексов Дунайско-Днестровского междуречья занимается И. Л. Алексеева. В 1976 г. она опубликовала результаты исследо-

ения интересных энеолитических захоронений из курганов в Одесской области, в том числе и материалы из широко известного, но до сих пор полностью не опубликованного суворовского могильника. По ее мнению, типологический и стратиграфический анализ рассмотренных погребений дает возможность выделить два основных составляющих компонента: погребения в прямоугольных и овальных ямах. Именно форма ямы указывает на самые ранние погребения энеолита, считает автор (Алексеева, 1976, 176—186). Но из-за низкого уровня выполнения иллюстративного материала и отсутствия в статье чертежей энеолитических погребений, которым, собственно, она и посвящена, трудно убедиться в правильности сделанных автором выводов. Все это резко снижает общий уровень публикации и ставит вопрос о более качественном и развернутом издании столь важных и пока еще очень слабо освещенных материалов.

Теорию о выделении древнейших энеолитических комплексов И. Л. Алексеева пытается аргументировать и в следующей своей статье (Алексеева, 1978, 56—65). В ней дается краткое содержание основных работ, посвященных древнейшим подкурганным захоронениям Восточной Европы и принадлежащих перу таких исследователей, как В. Н. Даниленко, Н. Я. Мерперт, Т. Г. Мовша, М. Гимбутас, Т. Сулимирский и др. Но, излагая точки зрения указанных авторов, И. Л. Алексеева посчитала нужным, не высказывая своего отношения к ним, дать в заключительной части работы свою интерпретацию исторического процесса. Она констатирует, что новые материалы, обнаруженные в регионе за последние годы, позволяют «сделать заявку о непрерывном развитии ямной культуры на этой территории» (Алексеева, 1978, 63). По мнению автора, наиболее древними являются погребения в овальных ямах и захоронения мариупольского типа — отсюда ее предположение о двух линиях развития степного энеолита в Северо-Западном Причерноморье. По И. Л. Алексеевой, данные памятники предшествовали усатовским, и есть основание считать, что усатовские и подкурганные захоронения в овальных ямах генетически связаны. Крайнюю нижнюю дату существования кочевых племен она относит к середине IV тыс. до н. э., а верхнюю — к началу II тыс. до н. э. Касаясь вопроса относительной хронологии, автор выделяет пять последовательных этапов в древнейшей истории степей Дунайско-Днестровского междуречья (Алексеева, 1978, 64). Интересны выводы о мирном характере взаимоотношений ямных и усатовских племен, заключения об отсутствии в эпоху энеолита — ранней бронзы резкой имущественной дифференциации, а также о принадлежности антропоморфных stel к ямной культуре. Однако эти важные выводы не аргументируются источниками, а только декларируются. Тем не менее некоторые положения и представленная хронологическая колонка отражают своеобразную историческую интерпретацию ряда степных памятников.

Некоторые проблемы истории Северо-Западного Причерноморья были освещены в публикации, посвященной Великодолинским курганам (Субботин и др., 1976, 186—201). Из наиболее важных находок здесь следует отметить открытие типичных кембибских плит в перекрытии ямного захоронения, что значительно расширило зону распространения этой культуры. По материалам раскопок двух курганов под Одессой авторы дали реконструкцию огромного хронологического периода: от энеолита до киммерийского времени. Они предложили выделить в древней истории региона шесть культурно-хронологических этапов (Субботин и др., 1976, 200—201). Выдвинутая в статье хронологическая схема, хотя и является предварительной, представляет большой интерес, поскольку в ней довольно логично обосновывается деление древней истории скотоводческих племен.

Частным вопросам ямной культуры Днестровско-Дунайского междуречья посвящена работа Л. В. Субботина, в которой затрагиваются некоторые особенности погребального обряда. Автор отказывается от комплексной публикации материалов Семеновской экспедиции и дает характеристику всего лишь пяти захоронений ямной культуры, представляющих особый интерес. В развернутой и очень качественной публикации автор обратил внимание на необычность этих погребальных комплексов. В частности, он отмечает ряд редких, на его взгляд, признаков (Субботин, 1980, 52—63). Несомненно, отмеченные погребальные признаки значительно дополняют наши представления о развитии духовной и материальной культуры древних скотоводов. Вместе с тем многие из них далеко не уникальны и известны в различных регионах распространения ямной культуры.

Новым находкам ямных погребений с колесами в Днестровско-Дунайском междуречье была посвящена статья А. В. Гудковой и И. Т. Чернякова. В ней дана публикация трех захоронений с повозками, открытых у с. Холмское Одесской области. Обнаружение их в одном могильнике, а также некоторые общие специфические черты погребального обряда привели авторов к предположению о принадлежности этих погребальных комплексов одной родоплеменной группе. Указывая, что в настоящее время в Северо-Западном Причерноморье известно десять позднейших погребений с колесами, ученые датируют их временем не ранее начала II тыс. до н. э. (Гудкова, Черняков, 1981, 45—46). Привлекая в качестве аналогий находки колес и их глиняных моделей из различных степных культур, А. В. Гудкова и И. Т. Черняков пришли к выводу, что указанные предметы нельзя рассматривать как остатки колесного транспорта — они являются более широким атрибутом, связанным с культом солнца и плодородия, и к тому же могут свидетельствовать об имущественной и социальной дифференциации (Гудкова, Черняков, 1981, 48—49). Работа представляет особый интерес для исследователей: она отличается не только высоким качеством публикации материалов о редких курганных памятниках региона, но, кроме того, содержит

жеткую, хотя и дискуссионную, датировку и своеобразную интерпретацию последних.

Оригинальной по построению и решению проблемы является статья, посвященная изучению ориентировки ямных погребений (Дворянинов и др., 1981, 22—38). Авторы выделяют среди захоронений группу основных погребальных комплексов, а выпускные разделяют на «расположенные по окружности и расположенные без видимого порядка» (Дворянинов и др., 1981, 27—28). Исследователи выдвинули также предположение о связи северо-восточного направления ориентировки с ходом небесных светил: Солнца или Луны (Дворянинов, 1981, 36). Несомненно, ориентировка выступает существенным и важным источником для реконструкции хронологических и этнических процессов, однако ее доминирующее значение в погребальном обряде скотоводческих племен представляется достаточно дискуссионным. Данная статья продолжила и развила одно из направлений в изучении погребального обряда, основывающихся, в первую очередь, на ориентировке погребенных, точнее, на одном из признаков погребального обряда.

Отправной точкой для этих публикаций и теоретических обобщений подобного рода послужили полевые исследования в Одесской области, ставшие в конце 60-х — начале 70-х гг. систематическими. После Днестровско-Дунайской экспедиции здесь приступают к работе Нижне-Днестровская, Измаильская, Дунайско-Днестровская и Буго-Днестровская новостроечные экспедиции. Они продолжают многолетние и целенаправленные исследования курганов в зоне строительства крупных оросительных систем. Помимо перечисленных, в различных районах Северо-Западного Причерноморья работали и другие экспедиции, изучавшие отдельные курганы, также с захоронениями эпохи энеолита — ранней бронзы (Алексеева, 1971, 32—41; Ванчугов и др., 1976, 214—224; Субботин, 1982, 100—110; 1984, 104—111). В настоящее время на территории Одесской области продолжаются широкомасштабные раскопки курганов, которые ведут в основном комплексные археологические экспедиции. Число открытых древнейших подкурганных захоронений постоянно растет. Тем самым существенно дополняется уже имеющаяся по Северо-Западному Причерноморью источниковедческая база.

В отличие от причерноморских подкурганных комплексов аналогичные памятники Днестровско-Прутского междуречья не подвергались еще какой-либо систематизации или исторической реконструкции. Освещение их в литературе до сегодняшнего дня ограничилось только несколькими научными публикациями, в основном тезисного характера.

В середине 60-х гг. на территории МССР еще продолжались раскопки одиночных курганов, проводимые, как правило, с охраняемыми целями. Так, в 1967—1968 гг. В. А. Дергачевым было изучено несколько одиночных курганов в различных районах республики (Дергачев, 1973, 16—27, 50—53). В 1971—1972 гг. более

широкие по масштабам исследования курганов у г. Каушаны и с. Балабан проводит Г. Ф. Чеботаренко. Итог его работы — 25 открытых курганов, 17 из которых возведены племенами ямной культуры (Чеботаренко, 1972, 116—117). Раскапывая скифский курганный могильник у с. Бутор Григориопольского р-на в 1972—1973 гг., А. И. Мелюкова исследовала и несколько курганов ямной культуры (Мелюкова, 1973, 413—414; 1974, 78—79; 1974а, 53—60, 76—79). В 1967 и 1972 гг. одиночные курганы у с. Фрунзены и у г. Каушаны раскопал В. Л. Лапушнян. По его мнению, они также были возведены в период ранней бронзы (Дергачев, 1973, 12—14, 28). Из курганных древностей Молдавии несколько особняком стоит разрушенное захоронение у ст. Кайнары Каушанского р-на, осмотренное и зафиксированное в 1965 г. Г. Ф. Чеботаренко. К сожалению, погребение в кургане оказалось полностью разрушенным, удалось сохранить лишь погребальный инвентарь, указывающий на энеолитический возраст кургана (Мовша, Чеботаренко, 1969, 45—49).

Книга В. А. Дергачева «Памятники эпохи бронзы», опубликованная в 1973 г., носит по преимуществу справочный характер. В ней дан краткий обзор истории изучения бронзового века в Молдавии и содержится сжатая характеристика ямной, катакомбной и раннесрубной культур. Первая часть монографии полностью посвящена описанию погребений ранней и средней бронзы Молдавии и обнаруженного в них инвентаря. Автор не ограничился послевоенным периодом изучения курганных древностей, но также подготовил и включил в работу материалы эпохи бронзы из раскопок И. Я. и Л. П. Стемпковских. Введение указанной серии источников в научный оборот представляется особенно важным, поскольку материалы эпохи бронзы из «тираспольских курганов» оставались практически неизвестными. К сожалению, ценность исследования значительно снижается из-за слишком лаконичного описания многих захоронений, отсутствия большинства чертежей погребений и их культурного определения, схематичности и мелкомасштабности общих планов и рисунков находок. Отсутствует, кроме того, анализ стратиграфии курганов, а относительная хронология погребений опущена вообще. В связи с этим публикация интересного материала И. Я. и Л. П. Стемпковских вряд ли может быть признана удовлетворительной и ждет более качественного и развернутого научного издания. Тем не менее указанная работа заслуживает определенного внимания, так как содержит свод курганных памятников Молдавии эпохи бронзы от первых дореволюционных раскопок вплоть до начала 70-х гг. (Дергачев, 1973).

Начало широких и комплексных исследований курганных памятников в МССР следует связывать с работой Палеолитической новоэнеолитической экспедиции под руководством Н. А. Кетрару и В. А. Сафронова. Раскопки развернулись в 1974 г. и охватили крупные курганные группы на левобережье р. Прут, в зоне строительства Костештского гидроузла. За два года было исследова-

но несколько десятков курганов с многочисленными погребениями различных исторических эпох, начиная от энеолита и кончая поздним средневековьем (Кетрару и др., 1975, 438; Николаева, Сафронов, 1976, 472—473). Остается только сожалеть, что столь интересные и многочисленные материалы до сих пор не введены в научный оборот. В зоне строительства водохранилища на р. Прут раскопки курганов проводили и другие археологические экспедиции, также открывшие аналогичные погребальные комплексы (Дергачев, 1982, 3—137; Яровой, 1984, 37—75). С этого периода исследование курганов на территории МССР принимает планомерный характер и охватывает значительные ее регионы.

Результатам комплексных археологических исследований в зоне строительства Костештского водохранилища посвящена публикация материалов Прутской новостроечной экспедиции. За два года экспедицией под руководством В. А. Дергачева были проведены широкомасштабные раскопки памятников различных археологических культур. Значительное место среди них занимают курганы, большинство из которых возведено племенами ямной культуры. Всего экспедиция исследовала 21 курган эпохи энеолита — ранней бронзы (Дергачев, 1982, 3—137). В публикации даны описание открытых подкурганных комплексов, их краткая характеристика. В целом монография позволяет составить достаточно полное представление о раскопанных памятниках, хотя и имеет ряд недочетов: общие планы курганов и погребений, а также рисунки ряда находок схематичны и неоправданно мелки по масштабу, отсутствуют чертежи многих захоронений, нет квалифицированного анализа их относительной хронологии и т. д. Невысокий уровень иллюстративной части работы, зачастую чрезмерный лаконизм описания также снижают общий уровень публикации. Но необходимо учесть, что она явилась первым в республике отдельным изданием результатов двухлетних исследований одной экспедицией целого ряда разновременных памятников. Своевременное их введение в научный оборот, безусловно, расширило источниковедческую базу по различным археологическим культурам Молдавии.

Во второй половине 70 — начале 80-х гг. в МССР начинают работу несколько крупных новостроечных экспедиций — Григорипольская, Северо-Дубоссарская, Суворовская и Тараклийская, в течение ряда лет занимающиеся комплексным исследованием курганных памятников в зоне строительства крупных оросительных систем. В результате был накоплен значительный источниковедческий материал по курганным культурам эпохи энеолита — ранней бронзы в Днестровско-Прутском междуречье. В данный период на территории республики также проводятся раскопки одиночных курганов и небольших курганных групп (Агульников, 1981, 386—387; 1984, 90—97; Борзияк, 1984, 76—89; Манзура, 1984, 109—142; Серова, 1981, 58—70; Яровой, Агульников, 1979, 21—23; Яровой, 1979, 491—492; 1981, 45—58; 1983, 193—210; 1983а, 110—128).

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что в настоящее время на территории Юго-Запада СССР ведутся значительные археологические исследования курганных памятников. Наиболее крупномасштабные из них осуществляются комплексными экспедициями, охватывая наряду с Северо-Западным Причерноморьем и Днестровско-Прутское междуречье. Одновременно продолжаются и охранные раскопки одиночных курганов, однако их доля в общем объеме исследований незначительна.

Третий период отличается от более ранних значительным увеличением объемов полевых работ вначале в Одесской области, а десятилетие спустя — и в МССР. Начинается планомерное изучение попадающих в зону строительства обширных территорий, что приводит к комплексному исследованию курганных памятников. Как следствие, растет объем научной продукции, посвященной различным проблемам курганных культур. Выходят работы, содержащие не только изложение материалов, но и их широкую теоретическую интерпретацию. Тем не менее количество публикаций о курганных древностях региона, особенно теоретического плана, заметно отстает от темпов полевых исследований и быстрого накопления новых источников. На сегодняшний день в научный оборот введено не более 10% курганных памятников, уже исследованных на Юго-Западе СССР. Возможно, запланированные на ближайшее будущее публикации материалов несколько изменят в лучшую сторону сложившуюся ситуацию. Но из-за увеличения с каждым годом объемов полевых исследований, особенно раскопок курганов, такое положение, вероятно, сохранится в течение неопределенного времени. По состоянию на середину 80-х гг. можно констатировать, что для третьего этапа характерна значительная диспропорция между ростом источников и возможностью их качественной обработки и публикации.

Как видно из основополагающих для данного периода работ, исследователи, опираясь на одинаковые источники, делают различные, часто противоположные заключения. К настоящему времени в изучении эпохи степного энеолита — ранней бронзы на Юго-Западе СССР отчетливо определилось несколько направлений в оценке и характеристике главных исторических событий. Открытые на рассматриваемой территории скотоводческие памятники привели отдельных ученых к двум основным выводам: одни (Н. Я. Мерперт) считают территорию современной Молдавии и Одесской области УССР своеобразным юго-западным вариантом ямной культурно-исторической области, который неразрывно с ней связан, хотя и отличается некоторыми локальными особенностями; другие (И. Т. Черняков, Л. С. Клейн) выделяют здесь самостоятельную «буджакскую» или «нерушайскую» культуру, отличную от ямной.

Четко выделились два направления и в датировке основных подкурганных захоронений: И. Л. Алексеева, В. Н. Даниленко, М. Гимбутас, Н. Я. Мерперт относят ранние памятники скотоводческих культур к середине — второй половине IV тыс. до н. э.,

И. Т. Черняков, В. Г. Эбенович считают временем проникновения всех ямных комплексов рубеж III—II тыс. до н. э. или начало II тыс. до н. э.

Нет единства взглядов и на характер освоения скотоводами новых западных территорий: часть археологов предполагает несколько волн разрушительных вторжений с востока, уничтоживших местные земледельческие культуры (В. Н. Даниленко, М. Гимбутас и др.), другие склонны рассматривать этот процесс как постепенное и довольно длительное проникновение с востока, характеризующееся относительно мирными отношениями между скотоводами и земледельцами (Н. Я. Мерперт, И. Л. Алексеева и др.).

В последние годы накоплен новый источниковедческий материал, который в значительной степени обогащает наши представления о древнейших подкурганных памятниках региона. Крупное дополнение фонда источников требует от специалистов качественно иного подхода к работе. Необходимо не только поднимать новые вопросы, но и освещать некоторые пока еще слабо изученные проблемы, а также попытаться дать оценку различным направлениям в историографии. Наметившийся разрыв между накоплением нового материала и его научным осмыслением доказывает правомерность постановки данной темы, которая уже давно обеспечена необходимым фондом источников.

Глава II

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДРЕВНЕЙШИХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ПЛЕМЕН

За исключением усатовских комплексов, древнейшие подкурганные захоронения Юго-Запада СССР характеризуются отсутствием или ограниченным числом находок, простотой погребальных конструкций. Естественно, что для исследования данных памятников особую важность имеет все связанное с погребальным обрядом. При совершении последнего, как уже неоднократно отмечалось в научной литературе, соблюдались определенные закономерности, и исследователи устанавливали культурную принадлежность обряда, исходя из различных его признаков. При этом, как правило, субъективно выделялся какой-либо отдельный признак обряда — главный, по мнению автора, — и на его основе проводилась классификация. Так, отталкиваясь в первую очередь от положения костяка в погребении, О. А. Кривцова-Гракова выделила среди ранних погребений Никопольского курганного поля две хронологические ступени (Кривцова-Гракова, 1962). Подобную классификацию для захоронений с охрой в Закарпатских областях Румынии произвел В. Зирра (Зирра, 1960). С учетом

положения костяка и ориентировки произвели свое деление для ямных памятников Юго-Запада СССР Н. Я. Мерперт (Мерперт, 1968), а для левобережья Днепра — З. П. Марина (Марина, 1979). И. Л. Алексеева ведущим погребальным признаком для ранних погребений Дунайско-Днестровского междуречья предложила считать форму ямы (Алексеева, 1976; 1978). Перечень всякого рода классификаций для данного периода можно было бы продолжить. Но и без этого ясно, что разные исследователи склонны считать основными различные признаки обряда. В качестве таковых чаще всего выступают положение погребенного, его ориентировка (иногда и то и другое вместе) и форма ямы. Кроме того, ряд специалистов первоочередное внимание уделяет инвентарю, который и служит для выделения отдельных групп памятников или отдельных культур (Черняков, 1979, 8—10; Клейн, 1975, 297—303). Отсутствие единства в понимании того, что следует считать основным признаком, заставляет особо остановиться на данном вопросе.

Методика исследования

В процессе работы с источниками использовалась общепринятая методика. Она направлена на соотнесение выделенных археологических типов обрядности с культурно-историческими категориями. Для всесторонней характеристики погребального обряда и выделения в нем основных, или первичных, признаков необходимо все его составные элементы рассматривать в комплексе. С этой целью вся информация о погребальном памятнике была включена в сводную таблицу (см. приложения 1 и 2), в которую вошли такие объективные признаки обряда, как положение костяка в захоронении, степень скорченности его ног, ориентировка погребенного, вид погребального сооружения, степень окрашенности охрой, наличие находок и дополнительная информация, не вошедшая в перечисленные группы. При работе с источником каждое новое отклонение в погребальном обряде фиксировалось в соответствующем разделе таблицы. В результате каждый из основных признаков включил разное количество вариантов, зафиксированных в исследуемом регионе. Таким образом, в сводной таблице отразились все, даже самые мельчайшие отклонения в погребальном обряде, которые были отмечены на Юго-Западе СССР.

Сравнительный анализ основных погребальных признаков показал, что самым выразительным и многообразным для рассматриваемых памятников является положение костяка в захоронении. Закономерно, что главным в сложном погребальном комплексе выступает сам погребенный, ради которого совершается погребальный обряд и которому предназначены вещи для загробной жизни. И погребальный обряд, и погребальный инвентарь подчинены умершему и уготовлены для него. Этнографические данные

свидетельствуют также, что положение костяка — один из самых консервативных элементов обряда. Все перечисленные факты позволяют положить этот признак в основу классификации и проверить, таким образом, его объективность.

Следует особо подчеркнуть, что в большинстве опубликованных ранее классификаций почти не обращалось внимания на положение рук и черепа погребенного — фиксировалось лишь положение скелета на спине или на боку. Видимо, в литературе уже утвердилось мнение, что для характеристики погребения наиболее важно упоминание об общем положении костяка, ног погребенного и его ориентировке. Ничем другим нельзя объяснить тот факт, что в подавляющем большинстве статей, публикаций и отчетов исследователи не указывают на положение рук и черепа погребенного, а в лучшем случае ограничиваются общим упоминанием о данных признаках. При описании захоронения многие авторы не рассматривают все составные элементы в положении костяка. Опубликованные же рисунки, чертежи и фотографии древнейших погребальных комплексов убеждают, что положение черепа, рук и ног было подчинено строгим закономерностям. Учитывать эти составные части одного из наиболее важных элементов погребального обряда в настоящее время просто необходимо.

Для удобства обработки источников в приложение 1 была включена вся информация о положении костяка в захоронении, а в приложение 2 — остальные характеристики погребального обряда.

Анализ источников позволил рассмотреть общее положение погребенного по семи составным элементам, каждый из которых включает разное количество вариантов. Чтобы проверить, подчинен ли выделенный нами признак определенным закономерностям, в приложении 1 отмечались все положения его составных элементов, зафиксированные в погребальных памятниках региона. В результате семь составных элементов данного признака включили 56 различных положений.

I. Общее положение скелета:

- 1) на спине;
- 2) скорченно на спине с наклоном влево;
- 3) скорченно на спине с наклоном вправо;
- 4) скорченно на левом боку;
- 5) скорченно на правом боку.

II. Положение черепа:

- 6) лежит на затылке, лицевой частью вверх;
- 7) склонен к левому плечу;
- 8) склонен к правому плечу;
- 9) повернут влево;
- 10) повернут вправо.

III—IV. Положение левой руки, положение правой руки:

- 11) прямая, лежит вдоль тела;
- 12) прямая, откинута в сторону;
- 13) согнутая, лежит у тела, кистью у таза;

- 14) согнутая, лежит на тазе;
- 15) согнутая, лежит на другой руке;
- 16) согнутая, лежит на нижней части позвоночника;
- 17) согнутая, лежит на груди;
- 18) согнутая, лежит на плече;
- 19) согнутая, лежит возле другой руки;
- 20) согнутая, лежит у груди или у черепа.

V. Положение ног:

- 21) прямые;
- 22) согнутые, стоят коленями вверх;
- 23) согнутые, распались ромбом;
- 24) согнутые, упали коленями влево;
- 25) согнутые, упали коленями вправо;
- 26) согнутые, упали коленями вперед;
- 27) согнутые, упали одна на другую крест-накрест.

VI. Степень скорченности ног по отношению к позвоночному столбу здесь не рассматривалась. Условно выделено три степени скорченности между бедренными и берцовыми костями:

- 28) слабая — 90° и выше;
- 29) средняя — от 45° до 90° ;
- 30) сильная — до 45° .

VII. Ориентировка зафиксирована по 16 направлениям (31—56).

Кроме того, в приложении 1 указаны название памятника, дата раскопок и номер захоронения. Специальная графа выделена для порядкового номера зафиксированного варианта. Отдельно отмечены основные и детские погребения. Следует подчеркнуть, что из-за отсутствия антропологических определений оказалось невозможным разделение мужских и женских захоронений. В графу «детское погребение» включались и захоронения подростков.

Таким образом, задача приложения 1 заключается в детальном рассмотрении положения костяка в погребении и в сопоставлении всех выделенных вариантов этого признака. В первую очередь принимались во внимание рисунки или фотографии захоронения как первоисточник. В случае расхождения рисунка с фотографией определение варианта проводилось по фотографии. Необходимо отметить, что определение вариантов в детских погребениях не всегда может быть объективным, поскольку они сильнее подвергались различным внешним воздействиям в постпогребальном периоде и потому их сохранность часто хуже взрослых.

Для всесторонней характеристики погребального обряда в приложение 2 была включена вся остальная информация, отмеченная исследователями при раскопках древнейших подкурганых комплексов. Эту информацию можно разделить на четыре основные группы, включающие 77 различных признаков:

I. Погребальное сооружение — погребальная яма.

профиль ямы:

- 1) без уступа, с вертикальными стенками;
- 2) без уступа, с расширяющимися ко дну стенками;

3) без уступа, с сужающимися ко дну стенками;

4) с уступом и вертикальными стенками;

5) с заплечиками и с вертикальными стенками.

В случае, если погребальная камера в яме с уступом имела расширяющиеся или сужающиеся ко дну стенки, то в данном разделе наряду с признаком 4 отмечался соответственно признак 2 или 3.

форма погребальной камеры, форма уступа:

6), 13) прямоугольная;

7), 14) прямоугольная с округленными углами;

8), 15) трапецевидная со слегка округленными углами;

9), 16) овальная;

10), 17) ромбовидная со слегка округленными углами;

11), 18) неправильная;

12), 19) квадратная.

дно погребальной камеры:

20) тлен от растительной подстилки;

21) обмазка мелом;

22) древесные угольки;

23) скопление золы;

24) обжиг;

25) ямы от кольев;

26) подсыпка песка;

27) скопление охры.

В приложение 2 не включена графа «окрашенность дна охрой», часто отмечаемая в статьях и отчетах. Дело в том, что охра, как правило, попадала на дно с костяка погребенного и данный признак, следовательно, вторичен: дно не окрашивали специально, охра попадала на него случайно. Выделенный здесь признак «скопление охры» не является производным от признака окрашенности костяка;

28) два слоя тлена. Фиксируются в том случае, если авторы констатируют, что погребенный лежал на подстилке из камыша и коры либо на циновке или войлоке, уложенных на растительную подстилку. Нередко исследователи просто отмечают на дне два слоя тлена различного цвета;

29) утолщение тлена под черепом погребенного;

30) утолщение тлена под ногами погребенного;

31) обмазка мелкорастертой глиной;

32) деревянные конструкции;

33) чашевидные углубления;

34) канавка по периметру ямы;

35) комок охры. Этот признак отмечался и в том случае, если фиксировались мелкие комочки охры или небольшое скопление охры диаметром не более 0,05 м.

стены погребальной камеры:

36) следы от работы орудием с острым рабочим краем;

- 37) обмазка мелкорастертой глиной;
- 38) тлен растительного происхождения;
- 39) следы от обкладки прутьями;
- 40) обжиг;
- 41) побелка известью;
- 42) ямы от кольев;
- 43) обшивка деревом.

перекрытие погребальной камеры:

- 44) деревянный накат, уложенный вдоль ямы;
- 45) деревянный накат, уложенный поперек ямы;
- 46) сложное деревянное перекрытие, состоящее из продольных и поперечных бревен;
- 47) наличие фрагментов дерева от перекрытия в заполнении ямы;
- 48) обмазка деревянного перекрытия мелом;
- 49) слой материковой глины над деревянным перекрытием;
- 50) каменная закладка из двух и более необработанных плит или крупных камней;
- 51) каменная плита;
- 52) антропоморфная стела;
- 53) циновка под деревянным или каменным перекрытием;
- 54) циновка над деревянным или каменным перекрытием;
- 55) ямы от колышков на уступе;
- 56) песок над перекрытием;
- 57) охра над перекрытием;
- 58) обжиг деревянного перекрытия или уступа.

II. Дополнительная информация включает признаки, не связанные с конструкцией ямы и степенью окрашенности костяка, но также имеющие отношение к погребальному обряду:

- 59) несовпадение ориентировки погребенного с ориентировкой погребальной камеры;
- 60) тлен на скелете;
- 61) кости животного в погребальной камере или на уступе;
- 62) следы костра у погребения. Отмечались только кострища, находящиеся в непосредственной близости от погребальной ямы;
- 63) каменный ящик в захоронении;
- 64) засыпка ямы во время погребального обряда.

III. Степень окрашенности костяка охрой:

- 65) интенсивная;
- 66) средняя. Этот признак условный и отмечается в том случае, если в описании только констатируется окрашенность без указания на степень интенсивности;
- 67) слабая;
- 68) более интенсивная окраска черепа;
- 69) более интенсивная окраска ног;
- 70) более интенсивная окраска рук.

Первые три признака фиксируют общую окраску скелета, а последние три, если указываются исследователем, отмечаются параллельно. Если же в описании констатируется только окраска

какой-либо из частей скелета — черепа, рук или ног, — а общая степень окраски не дается, то она фигурирует как слабая.

IV. Индивидуальные находки:

- 71) сосуды;
- 72) фрагменты керамики;
- 73) орудия из металла;
- 74) орудия и оружие из кремня;
- 75) орудия и оружие из камня;
- 76) орудия и оружие из кости;
- 77) украшения.

Таким образом, погребальный обряд древнейших скотоводческих памятников Юго-Запада СССР включил в целом 133 различные характеристики, объединенные в две сводные таблицы. С помощью таблиц можно установить, какие из выделенных признаков основные, т. е. несут объективную информацию о материальной и духовной жизни древних скотоводов, а какие — второстепенные, т. е. продиктованы узколокальными условиями или чисто утилитарными соображениями. Следовательно, приложения 1 и 2 предназначены не только для характеристики каждого захоронения в отдельности, но и для определения первичных и вторичных признаков в погребальном обряде скотоводческих племен.

Источники

Для анализа и систематизации были привлечены памятники, раскопанные на территории Юго-Запада СССР с 1946 г. до начала 80-х гг. К настоящему времени здесь известно более ста курганов и курганных групп с захоронениями эпохи энеолита — ранней бронзы. Общее их число около полутора тысяч. Однако приблизительно треть погребений разрушена в древности или плохо сохранилась и определить в них положение костяка не представляется возможным. Поэтому учитывались только хорошо сохранившиеся комплексы, рисунки, чертежи или фотографии которых были помещены в публикациях или отчетах. При этом в первую очередь принимались во внимание материалы из крупных и хорошо документированных комплексов, исследованных в различных районах Днестровско-Прутско-Дунайского междуречья. В приложения 1 и 2 включались все погребения, отнесенные авторами раскопок к степному энеолиту или к ямной культуре, независимо от позы погребенного. Следует особо отметить, что материалы различных дореволюционных раскопок намеренно не использовались, поскольку из-за невысокого в целом уровня полевых исследований и научных публикаций они сами нуждаются в специальной обработке и систематизации. Для удобства подсчетов в приложения 1 и 2 включены данные ровно о 1000 одиночных захоронений эпохи энеолита — ранней бронзы, что составляет приблизительно 95% всех хорошо сохранившихся погребений региона.

Таблица 1. Список курганных памятников эпохи энеолита — ранней бронзы, исследованных на территории Юго-Запада СССР с середины XIX в. по 1983 г. включительно

№ п/п	Памятник	Автор раскопок	Год раскопок
1	2	3	4
<i>МССР</i>			
1.	Медвежа	Савва Е. Н., Дергачев В. А.	1981
2.	Хрустовая	Яровой Е. В.	1976
3.	Каменка	Бранденбург Н. Е.	1899—1900
4.	Ханкауцы	Дергачев В. А.	1976
5.	Корпач	Яровой Е. В.	1976
		Дергачев В. А.	1976
6.	Старые Куконешты	Сафронов В. А.	1974
		Дергачев В. А.	1976
7.	Щербакы	Дергачев В. А.	1976
8.	Думены	Сафронов В. А.	1974
		Демченко Т. И.	1982—1983
9.	Новые Дуруиторы (хутор Ивановка)	Сафронов В. А.	1974
		Дергачев В. А.	1976
		Демченко Т. И.	1982—1983
10.	Костешты	Сафронов В. А.	1974
		Дергачев В. А.	1975
11.	Яблona	Яровой Е. В.	1980
12.	Фрунзены	Лапушнян В. Л.	1972
13.	Бурсучены	Яровой Е. В.	1977
14.	Мындрешты	Дергачев В. А.	1970
15.	Оргеев	Дергачев В. А.	1968
16.	Погребя	Кетрару Н. А.	1980
17.	Красное (Григориополь- ский р-н)	Кетрару Н. А., Серова Н. Л.	1979
18.	Коржово	Борзьяк И. А.	1980
19.	Балабанешты	Агульников С. М.	1981
20.	Чимншены	Агульников С. М.	1981
21.	Григориополь	Яровой Е. В.	1983
22.	Бутур	Мелюкова А. И.	1972—1973
		Кетрару Н. А., Серова Н. Л.	1978
23.	Кетросы (Ново- аненский р-н)	Яровой Е. В.	1976
24.	Новые Анены	Полевой Л. Л.	1955
25.	Гура-Быкулуй	Дергачев В. А.	1974
26.	Рошканы (Новоанен- ский р-н)	Борзьяк И. А.	1983
27.	Бычок	Агульников С. М.	1981
28.	Тирасполь	Савва Е. Н.	1983
29.	Красногорка	Стемпковский И. Я.	1898—1899
30.	Парканы (Слободзей- ский р-н)	Стемпковский И. Я.	1898
31.	Плоское	Стемпковский И. Я.	1898
32.	Карагаш	Стемпковский И. Я.	1898
33.	Сербка	Стемпковский И. Я.	1898
34.	Терновка	Стемпковский И. Я.	1898
35.	Чобручи (Слободзей- ский р-н)	Стемпковский И. Я.	1898
		Дергачев В. А.	1968
36.	Глиное (Слободзей- ский р-н)	Яровой Е. В.	1982

1	2	3	4
37.	Каушаны	Лапушнян В. Л.	1967
38.	Новые Раскаецы	Чеботаренко Г. Ф.	1968, 1972
39.	Пуркары	Яровой Е. В.	1979—1980
40.	Оланешты	Яровой Е. В.	1979—1980
41.	Капланы	Яровой Е. В.	1978—1980
42.	Тудорово	Агульников С. М.	1980
43.	Гура-Галбеней	Мелюкова А. И.	1960
44.	Валя-Пержей	Дергачев В. А.	1968
45.	Градище	Оболдуева Т. Г.	1946
46.	Екатериновка	Яровой Е. В.	1978
47.	Чмишидия	Дергачев В. А.	1967
48.	Қарабетовка	Дергачев В. А.	1967
49.	Комрат	Дергачев В. А.	1967
50.	Бешалма	Полевой Л. Л.	1960
51.	Светлый	Дергачев В. А.	1967
52.	Зырнешты	Манзура И. В.	1981
53.	Балабан	Кетрару Н. А.	1958
54.	Тарактия (Тарактий- ский р-н)	Чеботаренко Г. Ф.	1971
		Дергачев В. А.	1979
		Агульников С. М.	1980 1982—
55.	Етутия		1983
		Серова Н. Л.	1975
		Борзняк И. А.	1979
<i>Одесская область</i>			
56.	Ново-Красное	Алексеева И. Л.	1981
57.	Григорьевка	Субботин Л. В.	1972
58.	Марьяновка	Субботин Л. В.	1972
59.	Березань	Черняков И. Т.	1979
60.	Петровское	Черняков И. Т.	1979
61.	Яски	Алексеева И. Л.	1976
62.	Беляевка	Алексеева И. Л.	1966
63.	Мирное	Алексеева И. Л.	1979
64.	Маяки	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1969, 1974
65.	Дальник	Алексеева И. Л.	1979
66.	Одесса (Слободка, Романовка)	Шквдышек М. Ф., Добровольский А. Ф.	1912—1913
67.	Одесса (Шевченково)	Черняков И. Т.	1978
68.	Черноморка	Синицын Е. Д.	1957
69.	Петродолинское	Алексеева И. Л.	1979
70.	Доброалександровка	Алексеева И. Л.	1973
71.	Великодольинское	Субботин Л. В.	1972
72.	Новая Долина	Алексеева И. Л.	1979
73.	Надлиманское	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1968—1969
74.	Николаски	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1968—1969
75.	Ефимовка	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1968—1969
76.	Овидиополь	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1968
77.	Санжейка	Алексеева И. Л.	1973
78.	Роксоланы	Загинайло А. Г., Черняков И. Т.	1973
79.	Семеновка	Субботин Л. В.	1975—1976
80.	Желтый Яр	Субботин Л. В.	1981
81.	Вишневое	Субботин Л. В.	1978—1980
82.	Траповка	Тошев Г. Н.	1974
		Субботин Л. В.	1977
83.	Приморское	Чеботаренко Г. Ф., Черняков И. Т.	1976

1	2	3	4
84.	Белолесье	Субботин Л. В.	1980
85.	Сарата	Кнауэр Ф. И.	1888—1889
86.	Павловка	Кнауэр Ф. И.	1888—1889
87.	Арциз	Алексеева И. Л.	1976
88.	Татарбунары	Субботин Л. В.	1979
89.	Виноградовка	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1972
90.	Баштановка	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1966
91.	Борисовка	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1965
92.	Струмок	Гудкова А. В.	1979—1980
93.	Глубокое	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1965
94.	Нерушай	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1964
95.	Десантное	Алексеева И. Л.	1974
96.	Шевченково	Алексеева И. Л.	1974—1975
97.	Помазаны	Гудкова А. В.	1978
98.	Парапory	Алексеева И. Л.	1975
99.	Червоный Яр	Алексеева И. Л.	1974—1975
100.	Холмское	Гудкова А. В.	1977—1978
101.	Березино	Загинайло А. Г.	1979
102.	Огородное	Субботин Л. В.	1966—1967, 1980
103.	Островное	Алексеева И. Л.	1976
104.	Дзинилор	Гудкова А. В.	1979
105.	Суворово	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1970—1971
106.	Кислица	Чеботаренко Г. Ф., Черняков И. Т.	1976—1977
107.	Каменка	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1970
		Алексеева И. Л.	1971
108.	Новокаменка	Алексеева И. Л.	1971
109.	Утконосовка	Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.	1970
		Алексеева И. Л.	1971
110.	Богатое	Гудкова А. В.	1978
111.	Озерное	Гудкова А. В.	1977
112.	Жовтневое	Субботин Л. В.	1970
113.	Болград	Субботин Л. В.	1966—1967
114.	Виноградовка	Гудкова А. В.	1983
115.	Нагорное	Гудкова А. В.	1982
116.	Плавни	Гудкова А. В.	1979—1981
117.	Чауш	Гудкова А. В.	1979—1981
118.	Фрикацей	Гудкова А. В.	1979, 1981

Более чем за сто лет археологических исследований раскопки курганов велись в 118 пунктах Юго-Запада СССР (см. табл. 1 и рис. 1).

Картографирование раскопанных курганных памятников показывает, что территория Юго-Запада СССР исследована неравномерно. Особенно широкие раскопки были проведены в Нижнем Поднестровье, Дунайско-Днестровском междуречье и на левобережье Среднего Прута*. До настоящего времени малоисследованными остаются Нижнее Попрутье, центральные и северные районы МССР, а также местности в среднем течении Днестра. Но общее количество уже имеющихся источников вполне достаточно для их систематизации.

* Применительно к курганам неверной является карта данной территории, составленная В. А. Дергачевым: на ней указанные районы фигурируют среди наименее изученных (Дергачев, 1980, рис. 2).

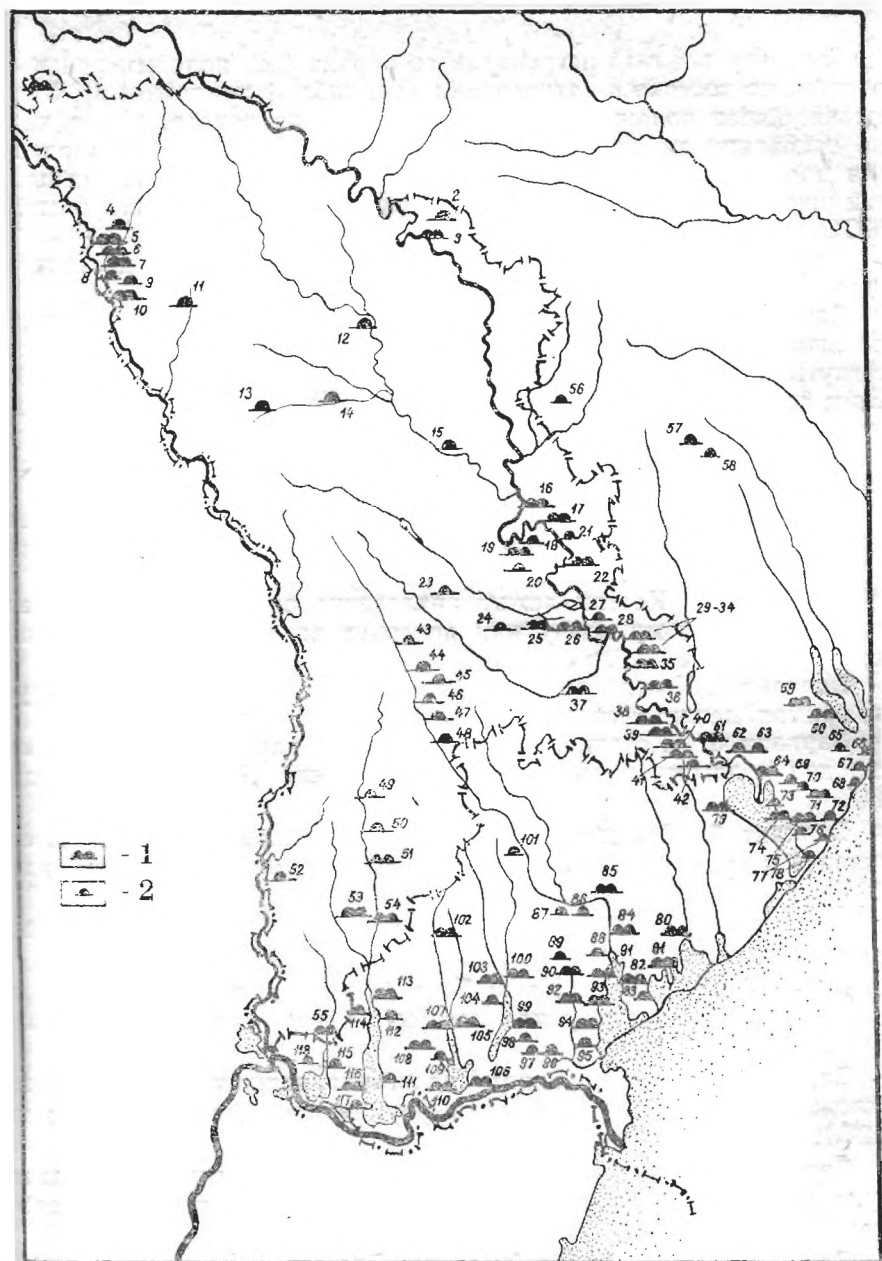

Рис. 1. Карта курганов эпохи энеолита — ранней бронзы Юго-Запада СССР, исследованных с середины XIX в. по 1983 г. включительно:

1 — группа курганов, 2 — одиночный курган (названия курганных памятников см. в табл. 1)

Положение костяка в захоронении

В основу анализа погребального обряда был положен признак положения костяка в захоронении (см. табл. 1 приложения). Учитывая общее положение костяка, положение черепа, рук и ног, на основании таблицы удалось выделить 60 различных вариантов положения костяка. В схему выделенных вариантов вошло, как уже указывалось, 1000 рассмотренных одиночных захоронений МССР и Одесской области УССР.

Кратко остановимся на характеристике положения костяка в погребении по каждому варианту (рис. 2).

Вариант 1. Костяк лежит в скорченном положении на спине, лицевой частью черепа вверх. Обе руки в той или иной степени согнуты, лежат вдоль тела, кистями у таза и бедренных костей. Ноги согнуты, первоначально стояли коленями вверх, но впоследствии упали в одну из сторон или распались ромбом. Представлен 129 погребениями, что составляет 12,9% общего количества захоронений.

Вариант 2. Костяк лежит аналогично варианту 1, но череп склонен к левому плечу или повернут влево (27 погребений, или 2,7%).

Вариант 3. Костяк лежит аналогично варианту 1, но череп склонен к правому плечу или повернут вправо (23 погребения, или 2,3%).

Вариант 4. Костяк лежит аналогично варианту 1, но левая рука прямая, лежит вдоль тела (27 погребений, или 2,7%).

Вариант 5. Костяк лежит аналогично варианту 4, но череп склонен к левому плечу или повернут влево (8 погребений, или 0,8%).

Вариант 6. Костяк лежит аналогично варианту 4, но череп склонен к правому плечу или повернут вправо (4 погребения, или 0,4%).

Вариант 7. Костяк лежит аналогично варианту 1, но правая рука прямая, вытянута вдоль тела (17 погребений, или 1,7%).

Вариант 8. Костяк лежит аналогично варианту 7, но череп склонен к левому плечу или повернут влево (4 погребения, или 0,4%).

Вариант 9. Костяк лежит аналогично варианту 7, но череп склонен к правому плечу или повернут вправо (2 погребения, или 0,2%).

Вариант 10. Костяк лежит аналогично варианту 1, но правая рука резко согнута, несколько отведена в сторону и кистьюложена у правого плеча (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 11. Костяк лежит в скорченном положении на спине, лицевой частью черепа вверх. Руки прямые, лежат вдоль тела, кистями у бедренных костей. Ноги согнуты, стояли коленями вверх, но затем упали в одну из сторон или распались ромбом (246 погребений, или 24,6%).

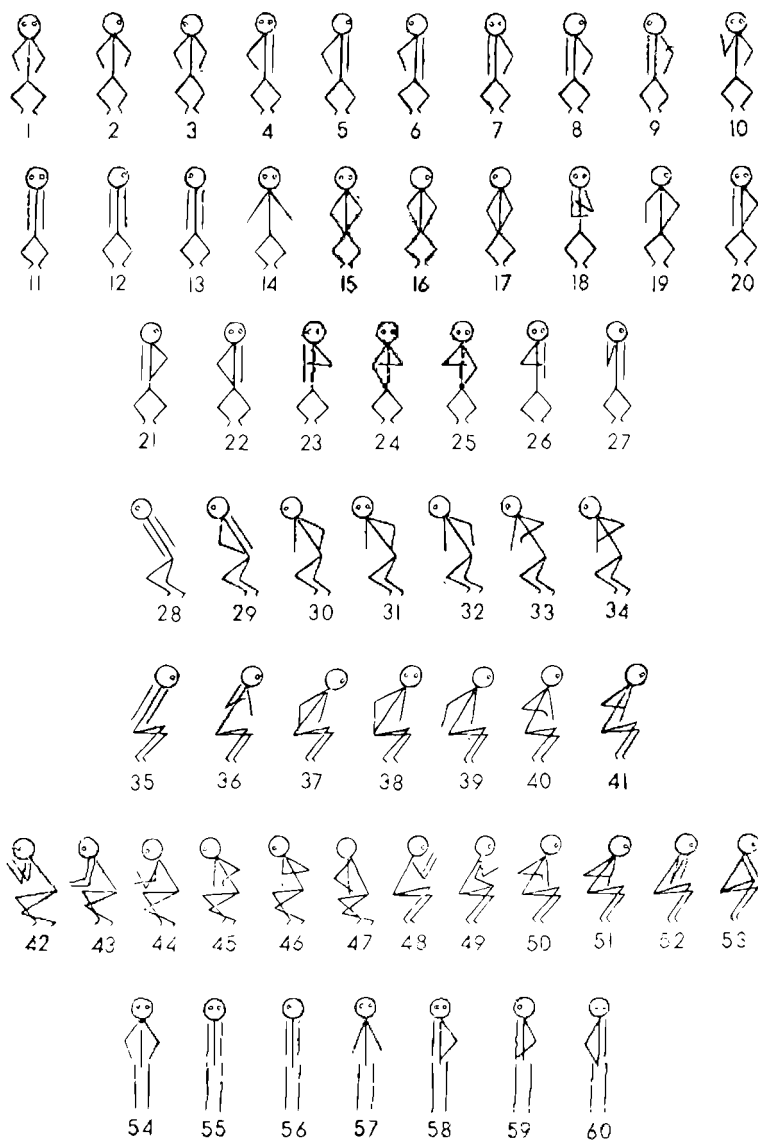

Рис. 2. Варианты положения костяка в захоронении

Вариант 12. Костяк лежит аналогично варианту 11, но череп склонен к левому плечу или повернут влево (31 погребение, или 3,1%).

Вариант 13. Костяк лежит аналогично варианту 11, но череп склонен к правому плечу или повернут вправо (29 погребений, или 2,9%).

Вариант 14. Костяк лежит аналогично варианту 11, но руки несколько расставлены в стороны (11 погребений, или 1,1%).

Вариант 15. Костяк лежит аналогично варианту 11, но руки согнуты, кистями положены на таз, изредка на нижнюю часть позвоночника (19 погребений, или 1,9%).

Вариант 16. Костяк лежит аналогично варианту 15, но череп склонен к левому плечу или повернут влево (3 погребения, или 0,3%).

Вариант 17. Костяк лежит аналогично варианту 15, но череп склонен к правому плечу или повернут вправо (3 погребения, или 0,3%).

Вариант 18. Костяк лежит аналогично варианту 15, но левая рука резко согнута, кистью положена на грудь, а правая рука согнута под прямым углом, кистью положена на позвоночник (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 19. Костяк лежит аналогично варианту 15, но правая рука лежит вдоль тела, кистью у таза, а череп склонен к левому плечу (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 20. Костяк лежит аналогично варианту 15, но правая рука прямая, лежит вдоль тела, кистью у бедренных костей (3 погребения, или 0,3%).

Вариант 21. Костяк лежит аналогично варианту 20, но череп склонен к левому плечу (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 22. Костяк лежит аналогично варианту 15, но левая рука прямая, лежит вдоль тела, кистью у бедренных костей (4 погребения, или 0,4%).

Вариант 23. Костяк лежит аналогично варианту 11, но левая рука согнута, кистью положена на грудь (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 24. Костяк лежит аналогично варианту 15, но левая рука резко согнута, кистью положена на грудь (2 погребения, или 0,2%).

Вариант 25. Костяк лежит аналогично варианту 15, но правая рука резко согнута, кистью положена на грудь (3 погребения, или 0,3%).

Вариант 26. Костяк лежит аналогично варианту 25, но левая рука прямая, лежит вдоль тела, кистью у бедренных костей (4 погребения, или 0,4%).

Вариант 27. Костяк лежит аналогично варианту 26, но череп повернут влево, а правая рука кистью положена на плечо (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 28. Костяк лежит в скорченном положении на спине с наклоном вправо. Череп склонен к правому плечу или повернут

справа. Обе руки прямые, лежат вдоль тела, кистями у таза и бедренных костей. Ноги согнуты, коленями повернуты вправо (17 погребений, или 0,7%).

Вариант 29. Костяк лежит аналогично варианту 28, но правая рука согнута, кистью положена на таз (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 30. Костяк лежит аналогично варианту 28, но левая рука согнута, кистью положена на таз. Правая рука прямая, реже — слегка согнутая, лежит вдоль тела, кистью у таза и бедренных костей. Иногда правая рука несколько отведена в сторону (117 погребений, или 11,7%).

Вариант 31. Костяк лежит аналогично варианту 30, но череп повернут лицевой частью вверх (2 погребения, или 0,2%).

Вариант 32. Костяк лежит аналогично варианту 30, но левая рука кистью положена у таза (11 погребений, или 1,1%).

Вариант 33. Костяк лежит аналогично варианту 30, но левая рука кистью положена у правой руки. Правая рука прямая, несколько отведена в сторону (14 погребений, или 1,4%).

Вариант 34. Костяк лежит аналогично варианту 30, но левая рука кистью положена на правую руку (9 погребений, или 0,9%).

Вариант 35. Костяк лежит в скорченном положении на спине с наклоном влево. Череп склонен к левому плечу или повернут влево. Обе руки прямые, лежат вдоль тела, кистями у таза и бедренных костей. Ноги согнуты, коленями повернуты влево (4 погребения, или 0,4%).

Вариант 36. Костяк лежит аналогично варианту 35, но левая рука несколько отведена от тела, а правая — согнута, кистью положена на грудь (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 37. Костяк лежит аналогично варианту 35, но левая рука прямая, реже слегка согнутая, лежит вдоль тела, кистью у таза и бедренных костей. Иногда левая рука несколько отведена в сторону. Правая рука согнута, кистью положена на таз, изредка на позвоночник (108 погребений, или 10,8%).

Вариант 38. Костяк лежит аналогично варианту 37, но череп повернут лицевой частью вверх (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 39. Костяк лежит аналогично варианту 37, но правая рука кистью положена у таза (15 погребений, или 1,5%).

Вариант 40. Костяк лежит аналогично варианту 37, но правая рука кистью положена у левой руки. Левая рука прямая, иногда согнутая, несколько отведена в сторону (10 погребений, или 1%).

Вариант 41. Костяк лежит аналогично варианту 37, но правая рука кистью положена на левую руку. Левая рука прямая, иногда чуть согнутая, несколько отведена в сторону (3 погребения, или 0,3%).

Вариант 42. Костяк лежит скорченно на правом боку. Обе руки согнуты под острым углом, кистями положены у лицевой части черепа или у груди (3 погребения, или 0,3%).

Вариант 43. Костяк лежит аналогично варианту 42, но обе руки согнуты под прямым углом, кистями положены у колен (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 44. Костяк лежит аналогично варианту 43, но левая рука согнута под острым углом, лучевыми костями положена на правую руку (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 45. Костяк лежит скорченно на правом боку. Левая рука согнута, кистью положена у правой руки. Правая рука прямая, иногда чуть согнутая, несколько отведена в сторону (21 погребение, или 2,1%).

Вариант 46. Костяк лежит аналогично варианту 45, но левая рука кистью положена на правую руку (6 погребений, или 0,6%).

Вариант 47. Костяк лежит аналогично варианту 45, но левая рука плечевыми и лучевыми костями положена на правую руку. При этом левый локоть несколько заходит за правый. Правая рука прижата к телу (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 48. Костяк лежит скорченно на левом боку. Обе руки согнуты под острым углом, кистями положены у лицевой части черепа или у груди (4 погребения, или 0,4%).

Вариант 49. Костяк лежит аналогично варианту 48, но правая рука согнута под прямым углом, кистью положена у колен (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 50. Костяк лежит скорченно на левом боку. Левая рука прямая, изредка чуть согнутая, несколько отведена в сторону. Правая рука согнута, кистью положена у левой руки (23 погребения, или 2,3%).

Вариант 51. Костяк лежит аналогично варианту 50, но правая рука кистью положена на левую руку (7 погребений, или 0,7%).

Вариант 52. Костяк лежит аналогично варианту 48, но правая рука прямая, кистью положена у ног (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 53. Костяк лежит аналогично варианту 50, но обе руки прямые, несколько отведены в сторону, кистями положены у колен (2 погребения, или 0,2%).

Вариант 54. Костяк лежит в вытянутом положении на спине, лицевой частью черепа вверх. Руки слегка согнуты, кистями положены у таза (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 55. Костяк лежит аналогично варианту 54, но руки прямые, лежат вдоль тела, кистями у таза и бедренных костей (13 погребений, или 1,3%).

Вариант 56. Костяк лежит аналогично варианту 55, но череп повернут вправо (2 погребения, или 0,2%).

Вариант 57. Костяк лежит аналогично варианту 55, но руки несколько разведены в стороны (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 58. Костяк лежит аналогично варианту 55, но левая рука согнута, кистью положена на таз (2 погребения, или 0,2%).

Вариант 59. Костяк лежит аналогично варианту 55, но череп склонен к правому плечу, а левая рука согнута, кистью положена у правой руки (1 погребение, или 0,1%).

Вариант 60. Костяк лежит аналогично варианту 55, но правая рука согнута, кистью положена на таз (1 погребение, или 0,1%).

Таким образом, при анализе погребений выявляется характерная картина, которая показывает, что положение костяка в захо-

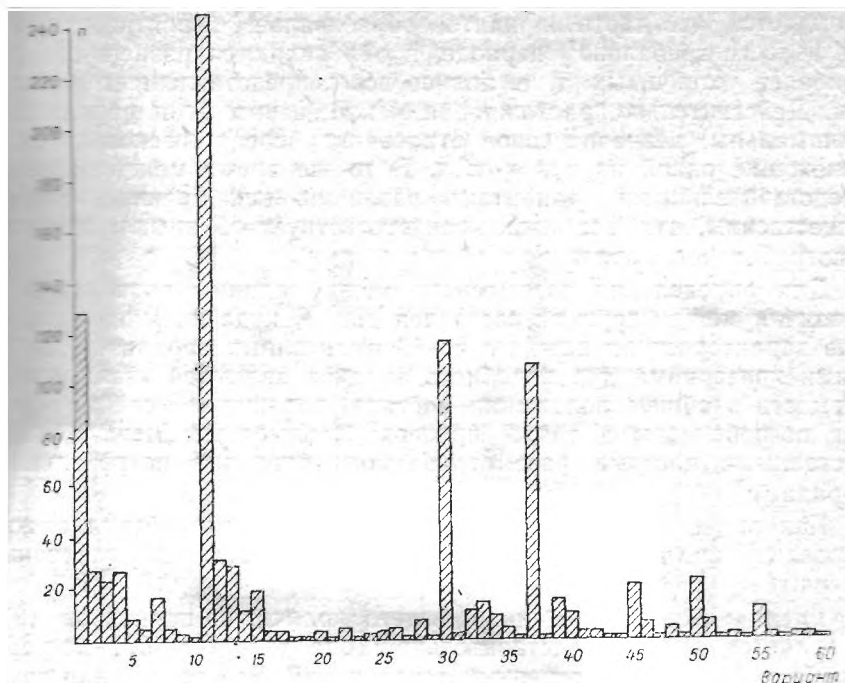

Рис. 3. Гистограмма количественного распределения погребений по вариантам

роении было регламентировано определенными правилами. Уже один только факт, что из 1000 погребений, каждое из которых отдельно рассматривалось по пяти составным элементам, включающим 37 вариаций (не считая степени скорченности и ориентировки), удалось выделить всего лишь 60 вариантов, сам по себе свидетельствует об устойчивости и постоянстве этого признака погребального обряда. В противном случае, согласно данным комбинаторного анализа, число положений костяка в погребении достигало бы 435 897 вариантов. Приложение 1 показывает, что некоторые варианты в положениях погребенных на комплексах эпохи энеолита — ранней бронзы вряд ли можно считать случайными; они повторяются с твердым постоянством и встречаются во всех районах степей Юго-Запада СССР.

Показательно, что количественное распределение захоронений по вариантам крайне неравномерно (рис. 3). Как видно из гистограммы, 2/3 выделенных вариантов — 41 из 60 — представлены менее чем одним процентом общего числа захоронений каждый. На восемь вариантов приходится от 1 до 2% общего числа погребений, а на семь вариантов — от 2 до 3,1%. И лишь четыре варианта включают более сотни захоронений каждый, причем самым представительным из них является вариант 11, состоящий из 246 погребений. Таким образом, статистически до-

казывается, что часть вариантов образовалась, вероятно, случайно, в погребальном периоде, и они являются разновидностью наиболее устойчивых, т. е. полнее всего представленных вариантов. Действительно, расхождения между некоторыми вариантами минимальны: незначительное отклонение черепа, несколько иное положение одной из рук и т. д. В то же время между самыми представительными вариантами различия, как правило, весьма существенны, что, возможно, свидетельствует об иных традициях в погребальном обряде.

Для определения взаимосвязи между одними вариантами и различия между другими составлен *рис. 4*, куда включены основные характеристики каждого из 60 выделенных вариантов. Ведущими критериями для подобного анализа являются взаимовстречаемость в общем положении костяка положения черепа, рук и ног погребенного, а также проверка взаимосвязи между этими составными частями рассматриваемого признака погребального обряда.

Как видно из *рис. 4*, все рассмотренные погребения можно разделить на четыре качественно и количественно различные группы.

Группа I состоит из наибольшего количества вариантов (27) и является самой представительной: она включает 604 погребения, или 60,4% рассмотренных захоронений. Все погребения группы характеризуются скорченным положением костяка на спине. Первоначально ноги у погребенных были поставлены коленями вверх, но затем завалились в одну из сторон или распались ромбом. В 73 случаях (12% погребений) удалось зафиксировать положение ног коленями вверх. Показательно и то, что в 78 случаях (13% погребений) отмечено положение ног ромбом, в 17 (3%) — заваливание ног вперед, в 6 случаях (1% погребений) — заваливание крест-накрест, что могло быть исключительно результатом первоначального положения коленями вверх. Таким образом, 29%, или почти треть, захоронений первой группы объективно свидетельствуют в пользу первоначального положения ног коленями вверх. Тем не менее следует особо отметить, что это единственная группа захоронений, в которой отмечено подобное положение согнутых ног.

В 13 вариантах группы зафиксировано наклонное положение черепа или поворот его в одну из сторон. Однако в количественном отношении таких погребений всего лишь около 23%. Отмеченные варианты включают от 1 до 31 погребения и явно тяготеют к наиболее представительным вариантам, с которыми у них совпадает от трех до четырех элементов из пяти. Если учесть, что положение черепа могло измениться в результате деятельности грызунов или рухнувшего на костяк перекрытия ямы, а так-

Рис. 4. Распределение признаков положения костяка в захоронении по вариантам

[illegible]

же естественного разложения тканей, то подобные отклонения вполне закономерны и легко объяснимы.

Из 27 вариантов, составляющих группу 1, два являются наиболее многочисленными: вариант 1 представлен 129 погребениями, а вариант 11 включает 246 погребений. Остальные состоят из 1 — максимум 31 захоронения, при этом только 8 из них — более чем из 10 погребений. Но если рассмотреть выделенные варианты более детально, то выяснится, что подавляющее большинство отчетливо тяготеет к вариантам 1 и 11, между которыми также отмечены минимальные различия: только в положении рук. Без сомнения, варианты 2 и 3 относятся к варианту 1, а 12—14 — к варианту 11. Между ними зафиксировано совпадение по четырем элементам. Вариант 14, скорее всего, также относится к варианту 11, поскольку их различают лишь нюансы в положении прямых рук. Варианты 4—10 занимают промежуточное положение: у них совпадают по три элемента из пяти и с вариантом 1, и с вариантом 11. Качественно несколько иное положение погребенных, у которых руки лежат на костяке (чаще всего на тазе). Здесь доминирует вариант 15 (19 захоронений), с которым у вариантов 16—27 совпадает от трех до четырех элементов. Несмотря на общее незначительное количество подобных погребений, их, вероятно, следует рассматривать отдельно: в отличие от других здесь фиксируется положение рук не на земле, а на теле погребенного.

Таким образом, в захоронениях группы I костяк лежит в скорченном положении на спине, лицевой частью черепа вверх, ноги согнуты коленями вверх. При этом наблюдается прямая взаимосвязь между общим положением костяка, положением черепа и ног погребенного. И лишь различное положение рук обуславливает все многообразие вариантов в группе, среди которых можно выделить два самых устойчивых, т. е. наиболее представительных типа, и один менее представительный, но своеобразный тип положения погребенных:

тип 1 — скорченное положение на спине, руки слегка согнуты и расставлены в стороны (179 погребений);

тип 11 — скорченное положение на спине, руки прямые, лежат вдоль тела (317 погребений);

тип 15 — скорченное положение на спине, руки согнуты и уложены на таз (46 погребений).

62 промежуточных захоронения вариантов 4—10 можно условно разделить между типами 1 и 11.

Группа II состоит из 14 вариантов (28—41) и включает 304 захоронения (или 30,4% общего числа погребений), характеризующихся скорченным положением погребенного на спине с наклоном набок вправо или влево. При этом череп склонен (несколько реже — повернут) в одну из сторон. Здесь следует специально остановиться на принципиальном отличии погребений группы II от погребений групп I и III. По поводу определения захоронений с наклоном у многих исследователей нет четко вы-

работанных критериев. В одном случае прибегают к термину «скорченное положение на спине», а в другом (что бывает гораздо чаще) — «скорченные на боку». Лишь иногда в литературе погребенные описываются как «скорченные на спине с наклоном» (Кривцова-Гракова, 1962, 8—10). Проведенный анализ подтверждает справедливость последнего определения. Данные приложения I также наглядно подтверждают взаимосвязь между общим положением костяка, положением черепа и ног погребенного. В таблице отразилось объективное существование промежуточной группы между скорченным положением на спине и скорченным положением на боку. Положение погребенного скорченно на спине с наклоном характеризуется, в первую очередь, общим положением костяка: при такой позе ребра погребенного расположены по обеим сторонам позвоночного столба с некоторым наклоном в ту или иную сторону. Показателем здесь может служить и положение плечевых костей с различных сторон позвоночника на земле, у ребер погребенного. В большинстве захоронений этой группы череп не повернут резко в одну из сторон, а как бы наклонен на три четверти к плечу — левому или правому. Вероятно, резкий поворот черепа в одну из сторон является следствием тех процессов, которые происходили в погребальной камере уже после совершения обряда (естественное разложение тканей, рухнувшее перекрытие, действие грызунов и т. д.). Принципиально важно, что в захоронениях группы II, в отличие от I, ноги погребенных никогда не ставились коленями вверх (это ошибочно отмечается во многих публикационных статьях), а преднамеренно поворачивались в одну из сторон. Достаточно красноречив следующий факт: в погребениях группы II наблюдается стопроцентное совпадение направления колен согнутых ног и костяка. В шести захоронениях описываемой группы удалось зафиксировать анатомическое положение кисти или лучевых костей одной из рук на бедренных костях или между ними. Такое положение, четко установленное в погребениях 10/5 у с. Красное, 1/2 у с. Глиное, 3/9 у с. Пуркары, 1/11 у с. Мирное (парное), 4/4 у с. Белолесье (все относятся к типу 37), 1/18 у с. Градище (тип 30), было бы невозможно, если бы ноги первоначально стояли коленями вверх. Обращает на себя внимание и незначительное в большинстве случаев расстояние между ступнями, а иногда наложение одной ступни на другую, чего также никогда бы не случилось, будь ноги установлены коленями вверх. На основании изложенных фактов можно с уверенностью утверждать, что в захоронениях группы II ноги поворачивались в ту сторону, с наклоном на которую укладывали погребенного. Они также позволяют достаточно четко аргументировать объективное существование отдельной группы захоронений, где костяки скорчены на спине с наклоном на бок.

Из 14 вариантов этой группы два представлены более чем сотней захоронений: 30 (161 погребение) и 37 (108 погребений).

Остальные варианты включают от одного до пятнадцати погребений, но только четыре из них представлены более чем десятью захоронениями каждый. Вариант 30 доминирует для погребений с наклоном вправо, а 37 — для погребений с наклоном влево, поскольку между ними совпадает от трех до четырех элементов. Наблюдается также прямая зависимость между общим положением костяка и черепа, с одной стороны, и положением ног — с другой. Вместе с тем здесь четко регламентировано и положение рук. Чаще всего рука, в сторону которой наблюдается наклон, прямая, в то время как другая согнута и уложена кистью на таз. Варианты 30 и 37 являются зеркальным отражением один другого. Одновременно они составляют 74% всех захоронений группы. Отсюда вывод, что остальные варианты группы выступают их разновидностями и образовались, по-видимому, случайно. Следовательно, внутри группы II необходимо выделить два основных типа положения погребенных:

тип 30 — скорченное положение на спине с наклоном вправо, лицевая часть черепа склонена или повернута к правому плечу. Левая рука согнута, кистью положена на таз. Правая рука прямая, лежит вдоль тела (161 погребение);

тип 37 — скорченное положение на спине с наклоном влево, лицевая часть черепа склонена или повернута к левому плечу. Левая рука прямая, лежит вдоль тела. Правая рука согнута, кистью положена на таз (143 погребения).

Группа III состоит из 12 вариантов (42—53) и включает 71 захоронение, или 7,1%. Погребения характеризуются скорченным положением костяка на левом или на правом боку. Они четко отличаются от захоронений группы II строгим положением костяка и черепа на боку, когда плечевые кости положены у груди или одна из них находится на грудной клетке.

Из 12 вариантов группы наиболее представительны 45 (21 погребение) и 50 (23 погребения). Остальные варианты малочисленны и включают от 1 до 7 захоронений каждый. Вариант 46 является разновидностью варианта 45, а вариант 51 — варианта 50, так как у них совпадает по четыре элемента из пяти и положение рук почти идентично. Другие варианты, хотя и несколько отличались от двух основных (в большинстве случаев обе руки погребенных согнуты), совпадают с ними по трем-четырем элементам из пяти. Таким образом, среди захоронений группы III можно выделить два основных типа положения погребенных:

тип 45 — скорченно на правом боку, левая рука согнута, кистью положена у правой руки. Правая рука прямая, несколько отведена в сторону (33 погребения);

тип 50 — скорченно на левом боку, левая рука прямая, несколько отведена в сторону. Правая рука согнута, кистью положена у левой руки (38 погребений).

Группа IV состоит из 7 вариантов (54—60) и отличается мало-численностью: она включает 21 захоронение. Костяк вытянут на спине, руки прямые или слегка согнуты и лежат вдоль тела, из-за чего согнуты, одна рука на тазе. Наиболее представлен в группе вариант 55 (13 погребений, или 62%), выступающий и в качестве доминирующего. Все остальные варианты, на каждый из которых приходится 1—2 захоронения, имеют с ним совпадения по трем-четырем элементам и являются, таким образом, его случайными отклонениями или разновидностями. Это единственная монолитная группа погребений, характеризующаяся одним основным типом положения погребенных:

тип 55 — вытянутое на спине, руки прямые, положены вдоль тела (21 погребение).

Здесь преобладает положение погребенного головой частью черепа вверх. Три случая, когда череп был склонен к правому плечу, следует отнести к случайным изменениям поспогребального периода.

Таким образом, принимая во внимание только один признак погребального обряда — положение костяка, — среди захоронений эпохи энеолита — ранней бронзы Юго-Запада СССР можно четко выделить четыре качественно и количественно различных группы, которые, в свою очередь, включают восемь наиболее устойчивых типов положений погребенных. Однако погребальный обряд не ограничивается позой костяка, но состоит и из других объективных признаков. Их рассмотрение позволит подтвердить закономерный, а не случайный характер выделения отмеченных групп и типов.

Степень скорченности ног

Этот элемент выступает составной частью признака положения костяка в захоронении и приемлем только по отношению к трем первым группам погребений. Как уже отмечалось, условно выделено три степени скорченности ног погребенных. Рассмотрим каждую из них непосредственно по группам (см. табл. 2).

Таблица 2. Степень скорченности ног погребенного в захоронениях Юго-Запада СССР

Группа, тип	Слабая		Средняя		Сильная	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Группа I	263	44	234	39	87	17
тип I	100	56	55	25	15	19
тип 11	116	36	145	46	36	18
тип 15	20	44	17	37	8	19
Группа II	45	15	94	31	165	54
тип 30	34	21	49	30	78	49
тип 37	11	8	45	31	87	61
Группа III	4	6	25	35	42	59
тип 45	1	3	14	42	18	55
тип 50	3	8	11	29	24	63

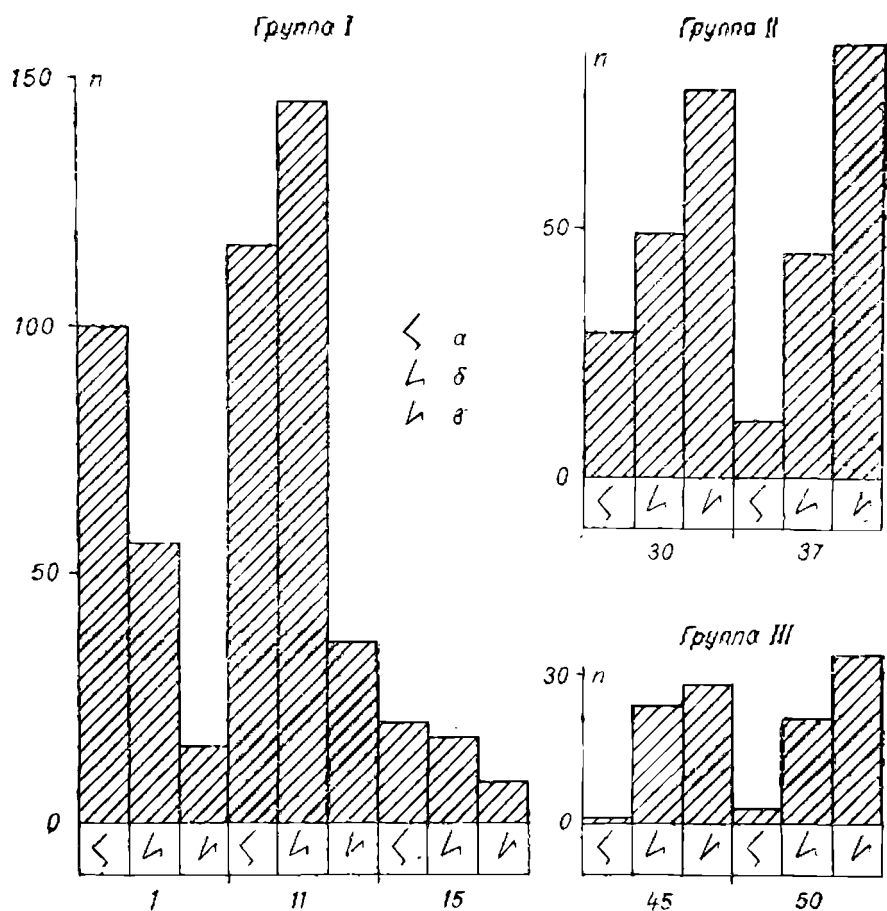

Рис. 5. Гистограмма количественного распределения степени скорченности ног по основным типам:

а — слабая степень, б — средняя, в — сильная

Как видно из табл. 2 и рис. 5, в захоронениях группы I типа 1 доминирует незначительная скорченность ног, имеющая также небольшое преимущество и в погребениях типа 15. Однако в захоронениях типа 11 преобладает уже средняя скорченность. Показательно, что во всех трех типах число погребений с сильной скорченностью ног практически одинаково. Некоторое перераспределение между типами дают здесь только слабая и средняя степени скорченности.

В группе II в обоих типах явно превалирует сильная скорченность ног (рис. 5), однако лидирует здесь тип 37. Крайне неравномерно распределение между типами слабой степени скорченности: в типе 30 она встречается в 2,6 раза чаще, чем в типе

17. Одновременно показатель средней скорченности ног распределился между ними почти одинаково. Таким образом, внутри группы II перераспределение между типами ног только сильная и слабая степени скорченности ног.

Для захоронений группы III (рис. 5) также характерно общее преобладание сильной скорченности ног. Некоторое преобладание резкой скорченности — на 8% — наблюдается в захоронениях на левом боку. В то же время число погребений со средней скорченностью ног в данном типе на 13% меньше, чем в типе 45. Хотя в погребениях на левом боку зафиксировано три случая слабой скорченности (против одного случая погребения на правом боку), в типе 50 наблюдается определенное преобладание сильной скорченности ног по сравнению с типом 45. Небезынтересен и тот факт, что в группе III костяки со слабой скорченностью ног встречаются в пять раз реже, чем в группе I, и в два раза реже, чем в группе II.

Характеризуя в целом степень скорченности ног погребенного, нельзя не признать этот элемент погребального обряда первичным, т. е. несущим определенную объективную информацию. Рассмотрение его по выделенным группам и типам показало постепенное усиление степени скорченности ног от группы I к группе III (рис. 6). Если в целом для группы I доминирующей выступает незначительная степень скорченности ног при достаточно высоком проценте средней скорченности, то уже в погребениях группы II явное преобладание имеет сильная степень скорченности, а количество погребений со слабой степенью скорченности резко падает. Для группы III характерно усиление данного процесса: дальнейшее процентное повышение числа сильно скорченных костяков при почти полном исчезновении захоронений со слабой скорченностью ног.

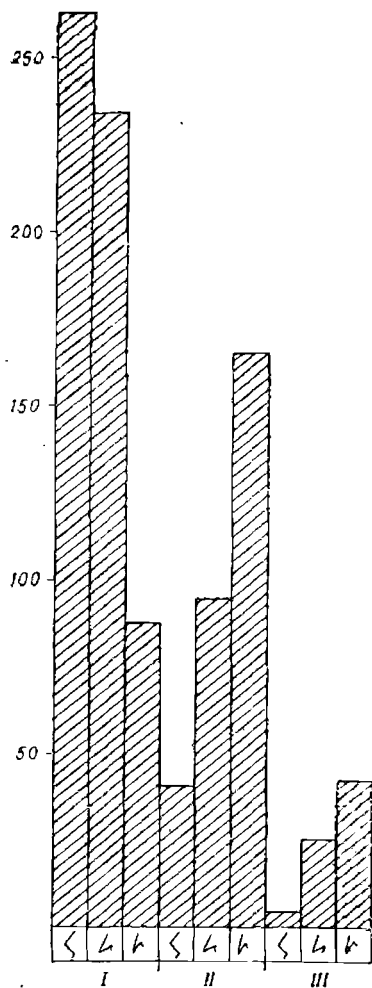

Рис. 6. Гистограмма количественного распределения степени скорченности ног по группам I—III. Обозначения те же, что и на рис. 5

Таким образом, проведенный анализ в основном подтвердил высказанную Н. М. Шмаглием и И. Т. Черняковым гипотезу об усилении с течением времени скорченности и о трансформации в результате этого положения костяка от скорченного на спине к скорченному на боку (Шмаглий, Черняков, 1970, 97—98). Однако названные исследователи не выделяли промежуточной группы II и процесс усиления скорченности рассматривали как генетический, а не связанный с различными группами захоронений. Показателем и следующий факт: более сильная скорченность отмечена у костяков, лежавших с наклоном влево или на левом боку, чем у костяков, уложенных вправо. Все изложенное позволяет сделать вывод, что степень скорченности ног тесно связана с одним из основных признаков погребального обряда — положением костяка в погребальной камере — и отражает его объективные изменения.

Ориентировка

Общезвестно, что этот признак является одним из основных в погребальном обряде. В настоящее время нет, пожалуй, ни одной археологической классификации погребального обряда, где бы ориентировка не подвергалась самому тщательному анализу. Систематизация материалов эпохи энеолита — ранней бронзы Юго-Запада СССР показала, что здесь встречаются все 16 направлений ориентировки, но распределение их по группам неравномерно. Учитывая определенные хронологические, а в ряде случаев и культурные различия между основными и впускными захоронениями, рассмотрим их ориентировку отдельно по каждой выделенной группе и по типам внутри группы (табл. 3).

В группе I основные погребения составляют около 25% и насчитывают 149 захоронений. При этом в типе I отмечены 56 основных погребений, или 31%, в типе 11 — 76, или 24%, а в типе 15 — 5 погребений, или 11%. 12 основных захоронений зафиксировано в промежуточных типах 4—10.

Как видно из табл. 3, среди основных погребений группы I явное преобладание имеют направления западного полуокруга — 72%. Направления восточного полуокруга встречаются гораздо реже и составляют только 20% группы. Северные и южные направления среди основных захоронений встречаются очень редко: они насчитывают от 1 до 4 случаев и составляют всего лишь 8% группы (рис. 7, а). Среди основных захоронений в каждом типе наблюдается преобладание западных ориентировок (рис. 7, в, г, д). Однако наивысшее количество западных направлений — 44% приходится на тип 1, что более чем в два раза превышает данный показатель у типов 11 и 15. Здесь западные ориентировки встречаются в пять раз чаще, чем восточные. В типе 11 западные направления в три раза преобладают над восточными, а в типе

Таблица 3. Ориентировка захоронений в курганных комплексах Юго-Запада СССР

Группа, тип	С		С-С-В		С-С-З		С-В		С-З		З		З-С-З		З-Ю-З		Ю		Ю-Ю-В		Ю-Ю-З		Ю-В		Ю-З		В		В-С-В		В-Ю-В	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%

Группа I

основные	1	1	1	1	3	2	13	9	9	6	42	28	5	3	26	17	4	3			2	1	1	1	27	18	8	5	6	4	1	1
тип 1						4	7	2	4	25	44	2	4	7	12	1	2								10	18	4	7	1	2		
тип 11	1	1	1	1	3	4	7	9	6	8	15	20	1	1	16	21	3	4			2	3	1	1	13	17	3	4	4	6		
тип 15									1	20	1	20	1	20	1	20															1	20
впускные	24	5	16	4	21	5	45	10	70	15	61	13	27	6	24	5	23	5	2	1	8	2	15	3	79	17	23	5	10	2	7	2

Группа II

основные			1	3			4	11	1	3	6	17	1	3	9	25			1	3					7	19	3	8	2	5	1	3
тип 30							4	14	1	3	6	21	1	3	6	21			1	3					5	18	2	7	2	7	1	3
тип 37				1	14										3	43									2	29	1	14				
впускные	21	8	13	5	14	5	35	13	37	14	13	5	6	2	16	6	15	6	7	2	7	2	18	7	39	15	18	7	6	2	3	1

Группа III

основные												1	25			1	25																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																													
----------	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	---	----	--	--	---	----	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Группа IV

основные					1	10					1	10			1	10			1	10					2	20	3	30	1	10		
впускные	1	9					2	18		2	18			1	9			1	9			1	9		1	9	1	9	1	9		

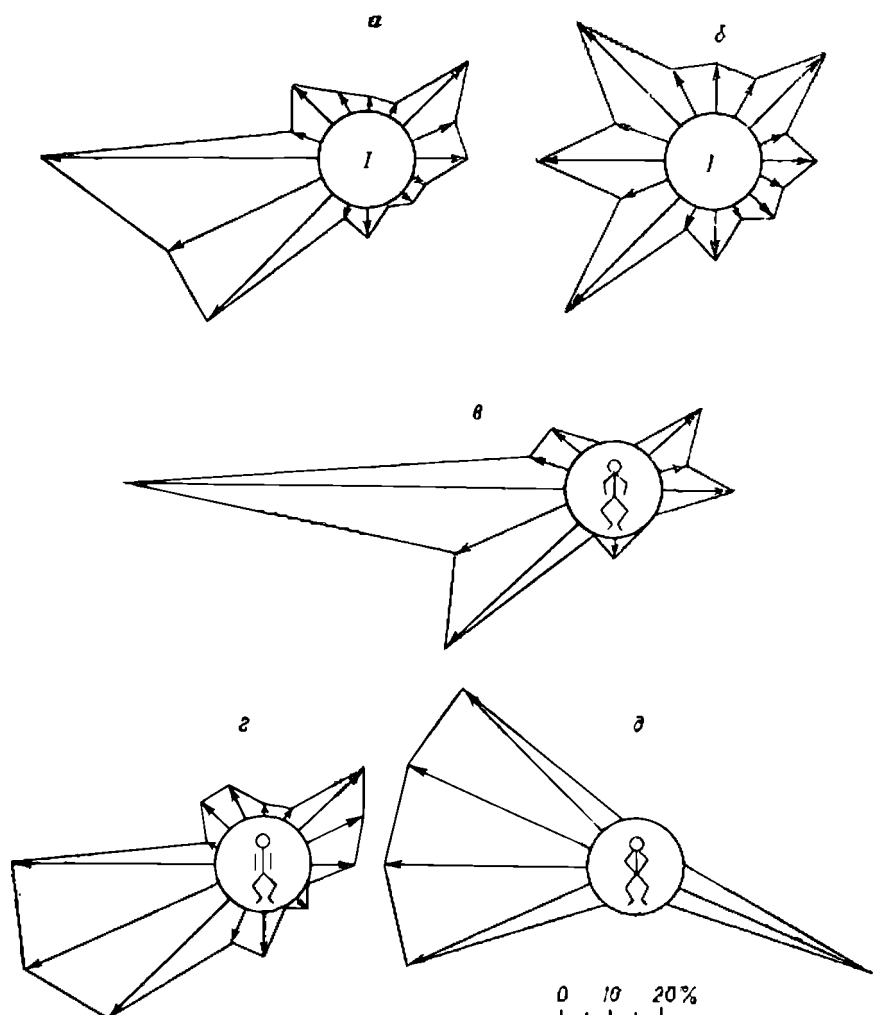

Рис. 7. Распределение направлений в ориентировке по группам и типам, %:
 а — основные, б — впускные погребения группы I, в — основные погребения типа I, г —
 основные погребения типа II, д — основные погребения типа 15

15 — в четыре раза. Показательно, что в типе 15 полностью отсутствуют южные и северные направления. Столь равномерное распределение ориентировок, вероятно, следует отнести к незначительному количеству здесь основных погребений.

Таким образом, для основных погребений группы I характерно явное преобладание западных ориентировок над восточными при крайне незначительном количестве южных и северных направлений.

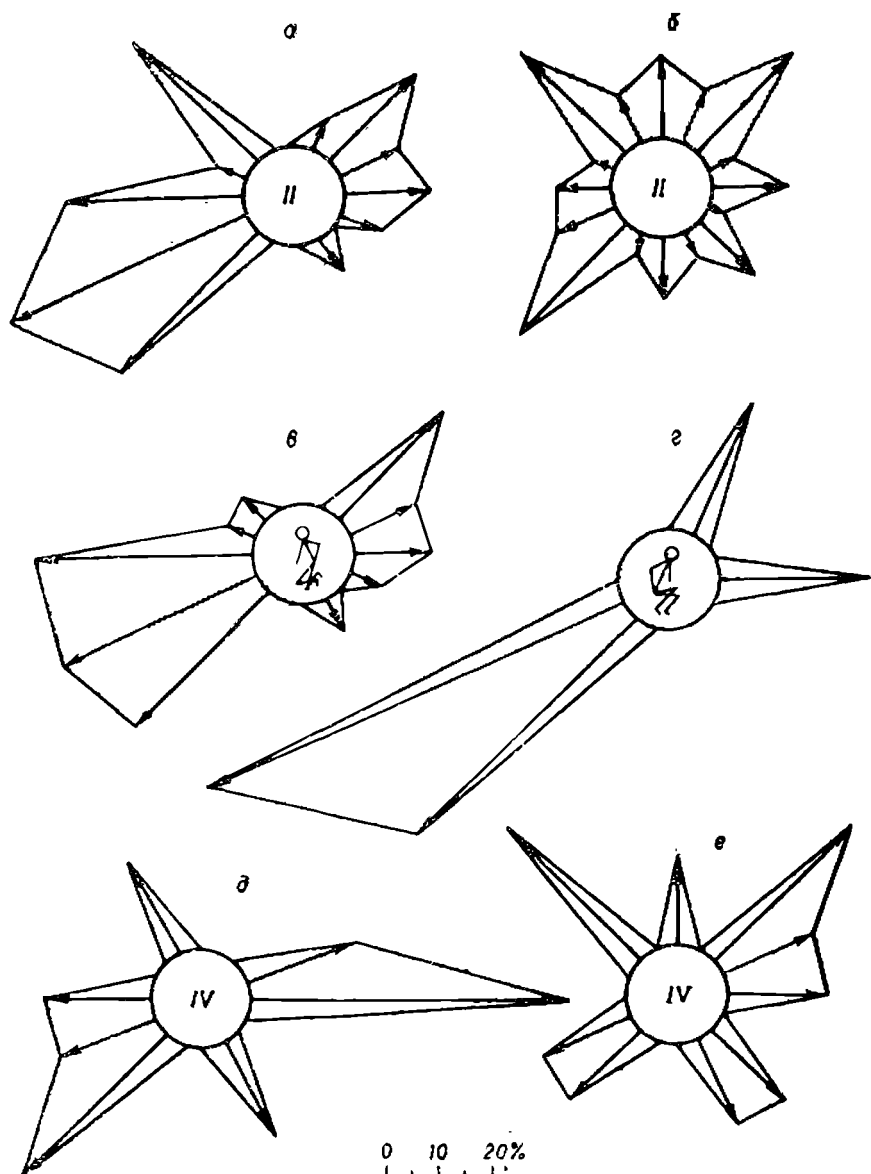

Рис. 8. Распределение направлений в ориентировке по группам и типам, %:
 а — основные, б — впускные погребения группы II, в — основные погребения типа 30,
 г — основные погребения типа 37, д — основные, е — впускные погребения группы IV

В ориентировке впускных погребений группы I нет ярко выраженных преобладающих направлений, хотя здесь также имеется определенное доминирование западных направлений. Наиболее многочисленны северо-западные, западные, юго-западные

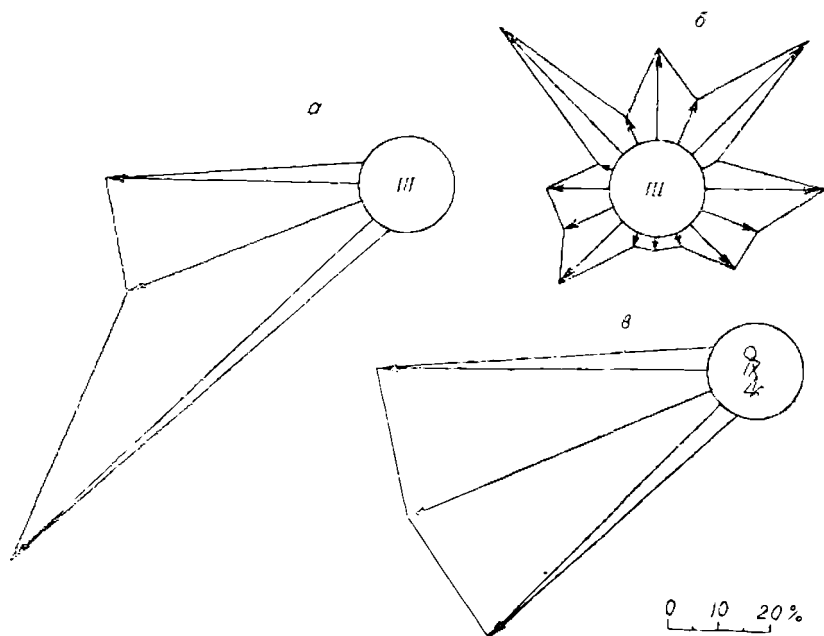

Рис. 9. Распределение направлений в ориентировке по группам и типам, %:
а — основные, б — впускные погребения группы III, в — основные погребения типа 45

и северо-восточные ориентировки, которые распределились почти равномерно (рис. 7, б).

Среди группы II основные погребения составляют около 12% и насчитывают 36 захоронений. При этом в типе 30 было зафиксировано 29 основных погребений, или 18%, а в типе 37 — всего лишь 7 основных захоронений, или 5%.

Как видно из табл. 3, здесь также доминируют направления западного полукруга (67%), число которых почти в 2,5 раза превышает направления восточного (27%). Северные и южные ориентировки были отмечены всего лишь по разу и составляют 6% основных погребений группы (рис. 8, а).

В типе 30 западные ориентировки встречаются в два раза чаще, чем восточные, между тем как в типе 37 они в пять раз превышают восточные. Характерно, что в типе 37 восточные ориентировки составляют 14%, а в типе 30 их число возрастает до 31% (рис. 8, в, г).

Распределение ориентировки во впускных погребениях группы относительно равномерное при некотором преобладании северо-западных, юго-западных и северо-восточных направлений (рис. 8, б).

В группе III зафиксировано всего лишь четыре основных погребения, три из которых были отмечены в типе 45 и одно — в типе 50. Основные погребения составляют около 6% группы и ориентированы в западном полукруге (рис. 9, а). В типе 45 западная, западно-юго-западная и юго-западная ориентировки бы-

ти отмечены один раз (*рис. 9, в*), а в типе 30 единственное осознанное погребение было ориентировано на юго-запад. Показательно, что в основных погребениях группы III отсутствуют направления восточного полукруга.

Во впускных погребениях ориентировка представлена всеми направлениями (см. табл. 3 и *рис. 9, б*).

Таким образом, ориентировка группы III весьма разнообразная, причем количество западных и восточных направлений практически одинаково: 26 и 27 случаев.

В группе IV основные погребения составляют более половины от общего числа: 11 из 21, или 52%. Явное преобладание имеют восточные и западные направления, составляющие в сумме 80% (см. *рис. 8, д*).

Ориентировка во впускных захоронениях вновь распределилась почти равномерно (см. *рис. 8, е*).

Анализируя ориентировку по всем группам, необходимо отметить, что в основных погребениях доминируют направления западного и восточного полукруга, за исключением группы III, где восточная ориентировка не была зафиксирована. Однако если в группе I захоронений с западной ориентировкой больше, чем с восточной, в 3,6 раза, то в группе II — уже в 2,5 раза, а в группе IV их число почти одинаково. В группах I и II соотношение восточных ориентировок довольно близкое — 20% и 27%, в то время как в группе IV их 40%. Что касается южных и северных направлений, то они составляют от 6 до 10% групп и встречаются крайне редко, а в группе III отсутствуют вообще.

Таким образом, в ориентировке основных погребений наблюдается определенная закономерность, заключающаяся в доминировании восточного и западного направлений при явном преобладании последних. Проявляется, кроме того, и общая тенденция к уменьшению числа восточных ориентировок от группы I (29) к группе II (10) вплоть до их полного исчезновения в группе III. Можно констатировать, что ориентировка в основных захоронениях выступает первичным признаком и несет объективную информацию о погребальном обряде.

Как уже отмечалось, во впускных погребениях всех групп ориентировка распределена относительно равномерно. Это, в частности, отчетливо видно на графиках (см. *рис. 7, б, 8, б, е, 9, б*), а в каждом из которых определенное преобладание имеют северо-западное, юго-западное и северо-восточное направления. Отсутствие ярко выраженных доминирующих направлений становится очевидным после нанесения их местоположения на общий сводный план кургана (*рис. 10*). Он отразил расположение впускных погребений по кругу на различном расстоянии от центра насыпи. В пользу подобного размещения свидетельствует и свободный от них центр кургана. В ряде курганных комплексов со значительными сериями впускных захоронений удалось отметить их расположение на одинаковом расстоянии от центра, иногда двумя или тремя кругами, связанными с определенными подсыпками

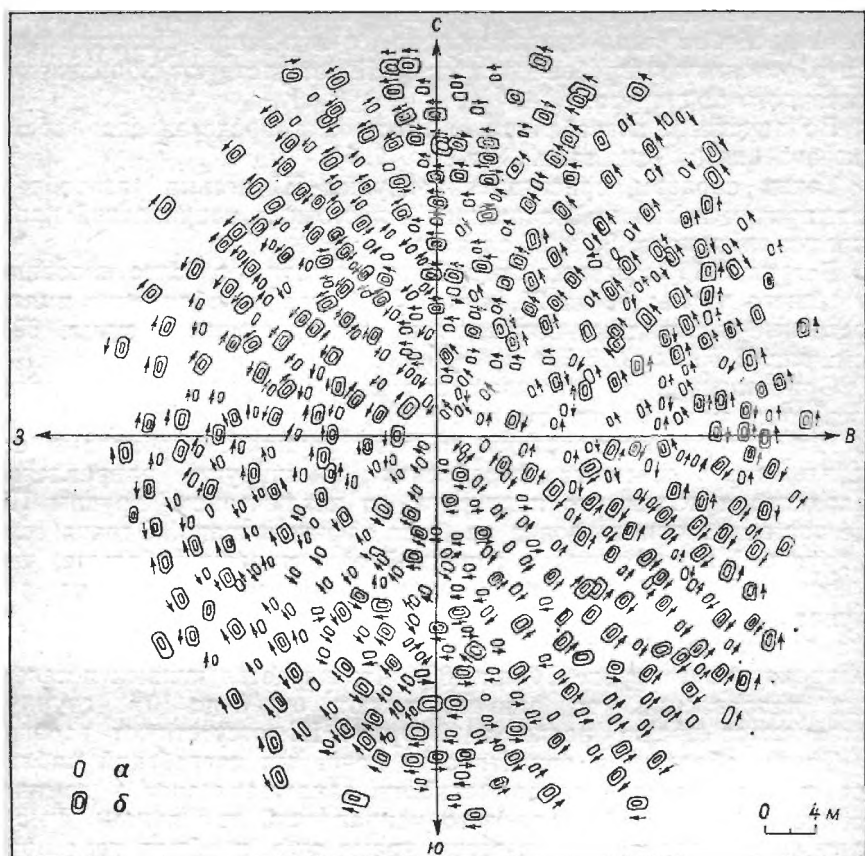

Рис. 10. Общая планировка впускных захоронений курганов региона:
а — яма без уступа; б — яма с уступом

насыпи. Сказанное относится ко многим крупным и средним курганам, исследованным на Юго-Западе СССР (рис. 11). Здесь круговая система планировки не вызывает сомнений. Аналогичный принцип размещения впускных погребений наблюдается и там, где обнаружено от двух до пяти подобных комплексов.

Таким образом, рассматривая местоположение впускных погребений в кургане как в целом, так и в каждом отдельном случае, нельзя не признать, что почти все они были совершены с учетом круговой планировки. Отсутствие устойчивости в ориентировке ямных погребений региона отмечали еще Н. М. Шамаглия и И. Т. Черняков, не считавшие этот факт случайным и пришедшие к выводу, что здесь сыграл свою роль «принцип противоположного направления» (Шамаглия, Черняков, 1970, 98). На его существование первым указал В. А. Городицов применительно к коллективным захоронениям Харьковской губернии (Городицов, 1905, 191). Подобное распределение ориентировки, по мнению

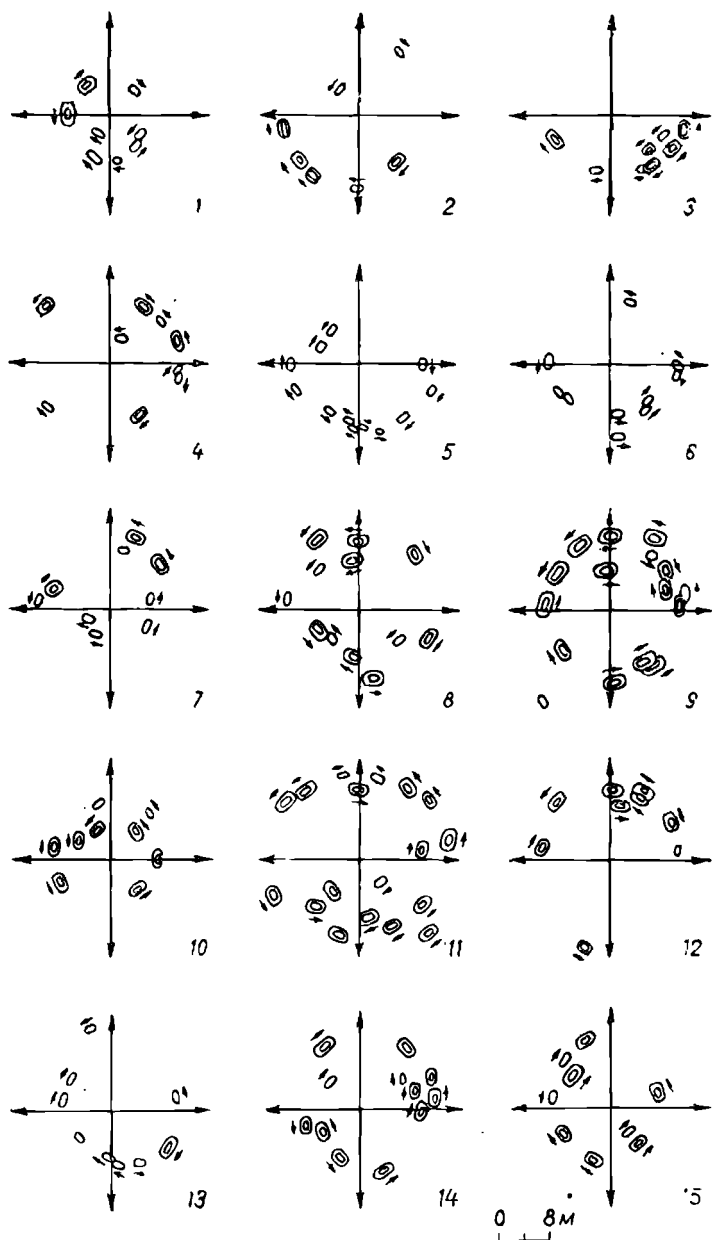

Рис. 11. Планировка впускных захоронений в курганах:

1 — 1 у с. Хрустовая, 2 — 2 у с. Корпач, 3 — 1 у с. Яблоня, 4 — 1 у с. Бурсучены, 5 — 1 у с. Оланешты, 6 — 1 у с. Етулия, 7 — 1 у пос. Светлый, 8 — 8 у с. Семеновка, 9 — 17 у с. Вишневое, 10 — 6 у с. Траповка, 11 — 2 у с. Холмское, 12 — 8 у с. Плавня, 13 — 9 у с. Плавня, 14 — у с. Фрикацей, 15 — 10 у с. Фрикацей. Обозначения те же, что и на рис. 10

Л. С. Клейна, явилось результатом захоронения умерших головой на восход или заход солнца (Клейн, 1975, 300).

Существование круговой планировки впускных погребений неоднократно отмечалось исследователями, которые выделяли курганы с захоронениями, образующими разомкнутую окружность (Häusler, 1976, 27) или круг (Шалошникова и др., 1977, 11) и даже фиксировали в этих «окружностях» четкое разделение двух групп погребений: ориентированных по часовой стрелке и против нее (Дворянинов и др., 1981, 25). Для доказательства авторы привлекли в качестве наглядного примера планировку кургана 1 у с. Глубокое, отметив существенные, по их мнению, различия в погребальном обряде обеих групп (Дворянинов и др., 1981, 25), исходя из положения погребенных. Действительно, в западной части кургана оказалось большинство погребений группы II, в то время как в восточной — группы I. Но в таком случае напрашивается вывод о взаимосвязи ориентировки впускных погребений с их местоположением в кургане и с погребальным обрядом. Если подобная планировка кургана 1 у с. Глубокое не случайна, то в каждой из выделенных нами групп погребений должны четко преобладать определенные направления в ориентировке. Однако распределение ориентировки во всех группах у впускных захоронений практически одинаково и равномерно. К этому же заключению пришли и сами авторы выдвинутой гипотезы, опираясь на материалы Днестровско-Дунайской экспедиции (Дворянинов и др., 1981, 36). Они сделали совершенно справедливый вывод об отсутствии закономерности ориентировки впускных погребений на восход или заход солнца, но тут же связали расположение погребенных по окружности с движением небесных светил (Дворянинов, 1981, 36—37).

Для проверки гипотезы о существовании в курганах двух групп захоронений, ориентированных по часовой стрелке и против, на рис. 11 у каждой погребальной камеры поставлена стрелка, указывающая, в какую сторону был уложен головой погребенный (у кенотафов и полностью разрушенных погребений стрелки отсутствуют). В большинстве случаев в секторах курганов стрелки пересекаются. Кроме того, среди этих случайно выбранных курганов не наблюдается ни малейшей закономерности, указывающей на преобладание той или иной ориентировки в какой-либо части курганный насыпи. Следовательно, выводы об определенной планировке впускных погребений в зависимости от погребального обряда и ориентировки, то есть о существовании двух групп впускных захоронений, не подтверждаются археологическими источниками Юго-Запада СССР.

В расположении погребенных, скорее всего, доминирующую роль играла планировка впускных захоронений по окружности, а не их ориентировка на движение небесных светил. Нельзя ни в коей степени отрицать достаточно развитую систему верований древнего скотоводческого населения Восточной Европы, связан-

ную с солнцем или луной, но не следует и переоценивать ориентировку в реконструкции погребального обряда. Раздающиеся в последние годы призывы о необходимости фиксации ориентировки вплоть до 1° с точки зрения полевой методики необходимы и оправданны. Однако основывающиеся на них классификации с привлечением новейших достижений математики и астрономии вряд ли в большинстве случаев объективны. На том уровне развития материальной и духовной культуры, даже при условии, что погребенного могли укладывать, руководствуясь движением небесных светил, значительные погрешности в ориентировке были неизбежны. В таком случае столь скрупулезная фиксация данного признака теряет смысл и построенные на его основе выводы о времени захоронения вряд ли будут соответствовать действительности. Представляется, что для анализа вполне достаточно фиксации ориентировки по 16 основным направлениям. После обработки всей информации необходимо указать на первичность или вторичность рассматриваемого признака по отношению к различным категориям памятников.

Проведенное исследование древнейших подкурганных захоронений Юго-Запада СССР показало, что во время совершения основных погребений ориентировке придавали существенное значение и, возможно, при этом наряду с другими условиями обряда учитывали движение солнца или луны. Для впускных же памятников ориентировка играла второстепенную, подчиненную роль, в то время как ведущее значение для них имело расположение по кругу, вокруг основного захоронения. В последнем случае ориентировка не может служить объективным признаком, поскольку ее истоки кроются в совершенно иных культурных явлениях.

Погребальное сооружение

Детальное рассмотрение погребальных ям в приложении 2 показало, что этот составной элемент погребального обряда характеризуется в регионе 58 различными признаками. Встречаемость последних крайне неравномерная (см. табл. 4).

Результаты распределения признаков по группам представлены в специальном графике (рис. 12). Он иллюстрирует процентное соотношение всех признаков погребального обряда в каждой отдельной группе. График отчетливо показывает почти полное совпадение высот основных пиков в каждой группе. Для погребальных сооружений всех групп отмечено шесть общих пиков, а значит, шесть самых характерных признаков. Это говорит о сходстве погребальных сооружений и их составных частей у подавляющего числа рассмотренных захоронений. Статистический анализ позволяет установить, что для основной части исследованных погребений наиболее типичны следующие признаки, %:

ямы с уступом и без уступа с вертикальными стенками (группа I — 36 и 54, группа II — 30 и 52, группа III — 31 и 59, группа IV — 18 и 73);

Таблица 4. Распределение признаков погребального сооружения по группам захоронений

№ признака	I		II		III		IV*	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Основные признаки</i>								
1	323	54	159	52	42	59	8	73
2	23	4	1	0,3	0	0	0	0
3	7	1	0	0	0	0	1	9
4	219	36	90	30	22	31	2	18
5	2	0,3	0	0	0	0	0	0
6	37	6	5	2	2	3	1	9
7	435	72	187	62	46	65	4	36
8	41	7	30	10	7	10	2	18
9	14	2	8	3	7	10	3	27
10	7	1	4	1	0	0	0	0
11	23	4	14	5	2	3	1	9
12	1	0,2	2	0,7	0	0	0	0
13	12	2	2	0,7	0	0	0	0
14	160	27	72	24	19	27	1	9
15	12	2	2	0,7	0	0	0	0
16	9	2	3	1	0	0	1	9
17	5	1	1	0,3	0	0	0	0
18	18	3	5	2	2	3	0	0
19	5	1	5	2	1	1	0	0
20	438	73	217	71	42	59	7	64
21	124	21	40	13	7	10	2	18
22	26	4	15	5	2	3	1	9
23	3	0,5	0	0	0	0	0	0
24	3	0,5	3	1	3	4	0	0
25	62	10	8	3	1	1	1	9
26	1	0,2	1	0,3	0	0	0	0
27	48	8	30	10	9	13	0	0
28	27	5	13	4	8	11	1	9
29	12	2	5	2	1	1	0	0
30	0	0	1	0,3	0	0	0	0
31	5	1	2	0,7	1	1	1	9
32	4	1	1	0,3	0	0	0	0
33	0	0	1	0,3	0	0	0	0
34	4	1	1	0,3	0	0	0	0
35	52	9	28	9	6	9	1	9
36	65	11	21	7	2	3	0	0
37	15	3	1	0,3	1	1	1	9
38	10	2	1	0,3	0	0	0	0
39	2	0,3	0	0	0	0	0	0
40	1	0,2	1	0,3	0	0	0	0
41	1	0,2	2	0,7	0	0	0	0
42	2	0,3	0	0	0	0	0	0
43	1	0,2	0	0	0	0	0	0
44—47	393	65	174	57	37	52	8	73
48	25	4	30	10	5	7	0	0
49	10	2	11	4	3	4	0	0
50—52	71	12	18	6	4	6	4	36
53—54	91	15	21	7	7	10	3	27
55	6	1	1	0,3	0	0	0	0
56	3	0,5	0	0	0	0	0	0
57	2	0,3	0	0	0	0	0	0
58	21	4	6	2	2	3	1	9

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Дополнительные признаки</i>								
59	22	4	38	13	11	16	1	9
60	15	3	10	3	3	4	0	0
61	16	3	4	1	4	6	2	18
62	8	1	4	1	2	3	1	9
63	2	0,3	2	0,7	1	1	0	0
64	2	0,3	0	0	0	0	0	0

* В таблицу включены только основные захоронения группы IV.

яма и уступ прямоугольной формы с округленными углами (I — 72 и 27, II — 62 и 24, III — 65 и 27, IV — 18 и 73);

наличие тлена от растительной подстилки на дне ямы (I — 73, II — 71, III — 59, IV — 64);

наличие деревянного перекрытия, уложенного над погребальной камерой как вдоль, так и поперек (I — 65, II — 57, III — 52, IV — 73).

Показательно, что на Юго-Западе СССР использование каменных конструкций для перекрытия погребений встречается довольно редко. Здесь каменные закладки были зафиксированы только в 97 разновременных захоронениях, в то время как использование дерева отмечено в 612 погребальных конструкциях. При этом лишь в 38 случаях камень использовался в перекрытиях без дерева. Таким образом, при сравнении видно, что дерево применялось в этом регионе более чем в шесть раз чаще, чем камень. Одновременно наблюдается уменьшение степени использования камня от захоронений группы I (12%) к захоронениям групп II и III (по 6%) в два раза. В то же время в погребениях группы IV камень применялся в каждом третьем погребальном сооружении (36%), что свидетельствует о довольно широком его использовании по сравнению с другими группами. В целом же следует признать относительную редкость применения камня в перекрытиях захоронений на территории Днестровско-Прутско-Дунайского междуречья. Редко встречаются здесь и каменные обкладки курганов (рис. 27). Это отличает данные памятники от синхронных захоронений Поингуля, где над погребальной камерой нередко воздвигались каменные заклады и купола (Шапошникова и др., 1977, 8, 12—13).

Статистический анализ различных деталей погребального сооружения показывает, что древние строители всегда старались сделать стенки основной погребальной камеры и уступа вертикальными. Расширение или сужение стенок ко дну ямы или к уступу встречается очень редко (32 случая) и является, скорее всего, случайностью.

Во всех группах захоронений отмечены различные формы ям, однако доминирует прямоугольная с округленными углами (672). Из других форм чаще других зафиксированы трапециевидная

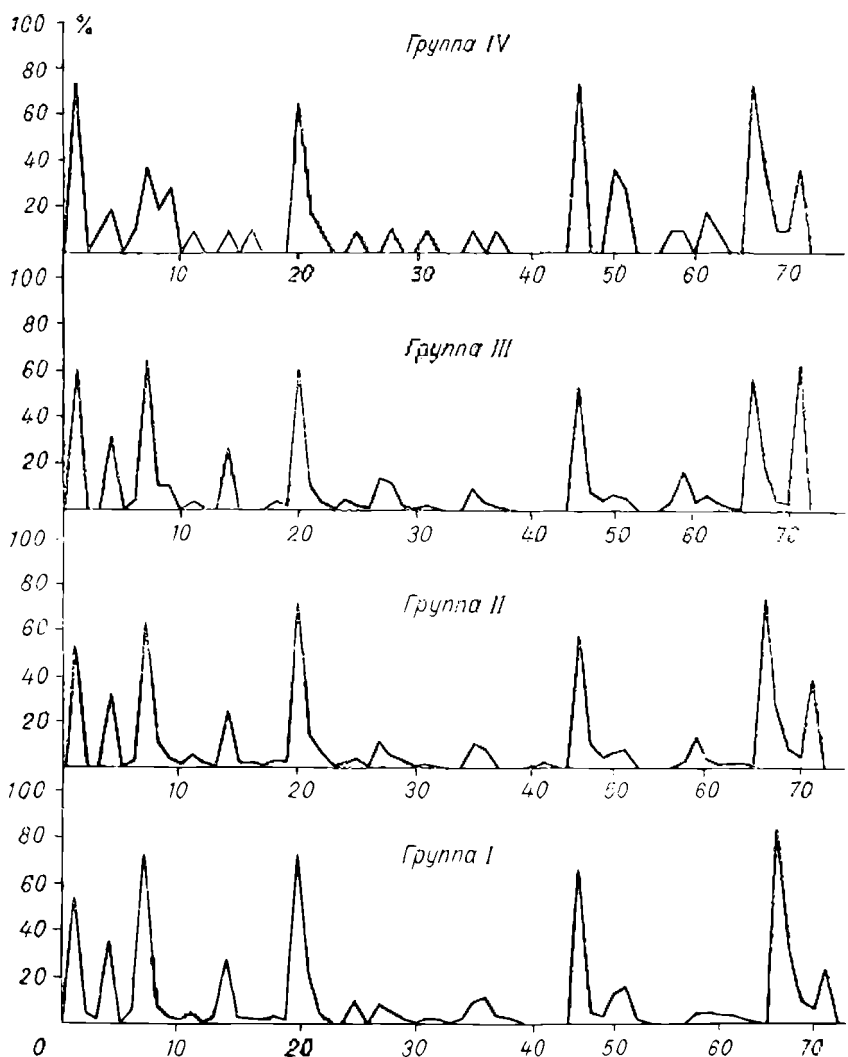

Рис. 12. Соотношение признаков по группам, %: погребальное сооружение (1—58), дополнительная информация (59—64), степень овраженности погребенного охрой (65—70), наличие индивидуальных находок (70—71)

(80), затем прямоугольная (45), неправильная (40), овальная (32), ромбовидная (11) и, наконец, квадратная (3). Следовательно, на другие формы ям приходится от 0,4 до 9% общего числа рассмотренных захоронений и их, по всей вероятности, следует расценивать как редкие отклонения от общего правила. Сколь-нибудь отчетливой взаимосвязи между положением погребенного и формой погребальной камеры здесь не прослеживается.

уступов после прямоугольной с округленными углами (252) наиболее часто встречаются неправильные (25), прямоугольные, трапециевидные (по 14), овальные (13), квадратные (11) и ромбовидные (6). Весьма незначительное количество других форм — от 1,8 до 7,5% зафиксированных уступов — также позволяет считать их отклонением от основной формы.

Из других признаков погребального сооружения следует отметить присутствующий во всех группах обычай обмазывать стены глиной, а дно — мелом и мелкорастертой глиной, помещать на дно умершего комки красной охры или древесные угольки и настилать деревянное перекрытие или уступ, а также наличие на дне круглых ямок от кольев, двух слоев тлена под костяком, растительной циновки в конструкции перекрытия погребальной камеры, остатков костра у основного погребения кургана. Последний признак ни разу не был зафиксирован у впускного захоронения исследуемого времени. Кроме того, в погребениях всех групп обнаружены кости животных и отмечено несовпадение ориентировки костяка и погребальной камеры. Следует подчеркнуть, что если в захоронениях группы I это несовпадение составляло лишь 4%, то в группе II — 13%, а в группе III — 16%. Подобный факт, безусловно, следует связывать с постоянным изменением скорченности погребенного, что часто приводило к отклонению положения костяка от длинной оси ямы.

Остальные отмеченные в регионе признаки встречаются значительно реже и характерны уже не для всех групп. В частности, скопление золы на дне погребальной камеры, следы от обкладки стен прутьями и досками (?), ямы от кольев на стенах, песок и охры над перекрытием основной погребальной камеры, ее засыпка землей во время погребального обряда были зафиксированы только в захоронениях группы I. А такие признаки, как утолщение растительного тлена под ногами погребенного и чашевидные углубления на дне ямы, обнаружены лишь в погребениях группы II. В погребальных комплексах первых двух групп отмечены следующие достаточно редкие признаки обряда: подсыпка песка у погребенного (2 случая), деревянные конструкции на дне (5 случаев), канавки по периметру ямы (5 случаев), остатки растительного тлена на стенках ямы (11 случаев), обжиг (2 случая) и побелка известью стен (3 случая), наличие небольших ямок от колышков на уступе (7 случаев). Некоторые из указанных признаков Л. В. Субботин считает уникальными для региона и характерными только для Нижнего Поднестровья (Субботин, 1980, 52—63). Но системное изучение погребального обряда показало, что эти его элементы далеко не единичны и встречаются во многих районах Юго-Запада СССР. Каждый полевой сезон приводит

я увеличению общего числа каждого из отмеченных признаков*, и потому тезис об их уникальности в регионе противоречит уже имеющимся источникам.

Интересно, что максимальное число различных признаков, характеризующих погребальное сооружение, зафиксировано в погребениях группы I (62 из 64), в то время как в захоронениях групп II, III и IV их значительно меньше (53, 39 и 31). Можно констатировать, что в целом наблюдается постепенное количественное уменьшение данного показателя от группы I к группам II, III и IV. Таким образом, погребальный обряд, связанный с погребальной конструкцией, унифицируется, и его многообразие уменьшается почти вдвое. Большинство указанных признаков встречается в погребальных комплексах сравнительно редко и потому, за некоторым исключением, их нельзя считать постоянным элементом обряда. Видимо, в ряде случаев они появились вследствие влияния на погребальный обряд определенных локальных условий и потому не получили широкого распространения. Тем не менее все отмеченные признаки могут служить дополнительной информацией при изучении обряда. Главные характеристики погребальных конструкций во всех группах практически одинаковы, ямы и уступы у подавляющего числа захоронений типологически сходны и, как уже отмечалось, не связаны с положением костяка в захоронении. Отсутствие подобной взаимосвязи позволяет сделать вывод, что в данном случае форма погребальной конструкции не может быть основой для объективных культурно-хронологических классификаций (Алексеева, 1976, 176—186).

Степень окрашенности погребенных

Использование красной охры отмечено в погребениях всех четырех групп**. В группе I охрой было окрашено 497, или 82%, костяков, II — 225 (74%), III — 40 (56%), а в группе IV — 8 костяков (73%). Из графика процентного соотношения признаков (рис. 13) видно, что высота пика рассматриваемого показателя максимальна в группе I, затем постепенно снижается в группах II и III и опять возрастает в основных захоронениях группы IV. Процент использования охры в каждой группе указывает на наибольшую встречаемость обычая в погребениях, где костяк скорчен на спине и наименьшую — в погребениях, где костяк скорчен на боку. Разница в использовании охры между этими группами составляет 26%. О процентном распределении степени окрашенности дает представление табл. 5.

* В качестве примера можно привести работы Буджакской новостроечной экспедиции в Молдавии, во время которых в захоронениях групп I и II были открыты три новые деревянные конструкции под погребенными и две неглубокие канавки по периметру ям (сообщение начальника отряда С. М. Агульникова).

** Нельзя не отметить, что данный показатель в определенной степени занижен, так как, судя по отчетам, в ряде погребальных комплексов не фиксировался.

Как видно из табл. 5 и гистограммы (рис. 13), в группах I и II некоторое преобладание имеет средняя степень окрашенности погребенных, а количество слабо окрашенных костяков превышает число интенсивно окрашенных соответственно на 8 и 7%. Использование охры и распределение степени окрашенности в этих группах почти одинаковое, хотя в группе II число неокрашенных погребений на 8% больше. В группе III явно доминируют неокрашенные захоронения, а число слабо окрашенных на 2% превышает число средне- и интенсивно окрашенных погребенных. В группе IV захоронения по степени окрашенности распределены практически равномерно, хотя и отмечено некоторое преобладание неокрашенных комплексов. В первых трех группах интенсивно окрашенные костяки находятся в меньшинстве и составляют от 18 до 20% в каждой. Но число средне- и слабоокрашенных погребенных постепенно снижается в процентном отношении от группы I к группам II и III. С другой стороны, наблюдается увеличение захоронений без следов охры от группы I (18%) к группам II (26%) и III (44%). Поэтому в целом следует говорить о четко прослеживаемой тенденции к уменьшению использования охры в погребальном обряде от группы I к группе II и особенно к группе III.

Подобная же тенденция просматривается и в выборочной окраске различных частей тела погребенного. Так, распределение интенсивной окраски по группам (в %) выглядит следующим образом: черепа — 33, 26, 18, 27; ног — 9, 8, 4, 9; рук — 6, 4, 3, 9. Обряд интенсивной окраски определенных частей скелета характерен лишь для некоторой части захоронений эпохи энеолита — ранней бронзы в исследуемом регионе. Наибольшее рас-

Таблица 5. Распределение степени окрашенности костяка охрой по группам захоронений, %

Окрашенность	I	II	III	IV
Интенсивная	20	18	18	24
Средняя	34	31	18	24
Слабая	28	25	20	24
Отсутствует	18	26	44	28

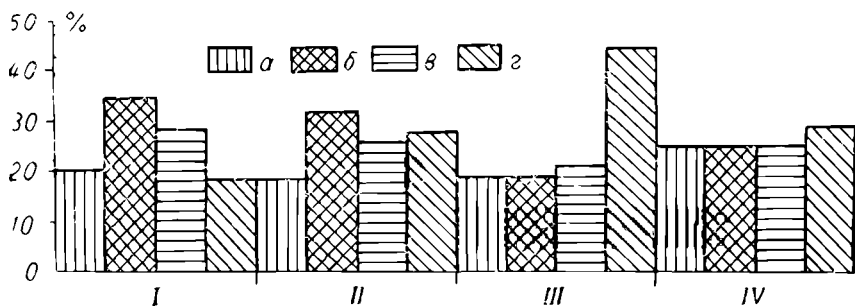

Рис. 13. Гистограмма распределения степени окрашенности охрой по группам: а — интенсивная, б — средняя, в — слабая, г — окрашенность отсутствует

пространение здесь получило интенсивное окрашивание черепа погребенного (26% окрашенных погребений), а затем ног (7,5%) и рук (5,5%).

Красная охра, зафиксированная в подавляющей части погребений ямной культуры, трактовалась В. А. Городцовым как символ огня и его очистительной силы (Городцов, 1905, 9—10). Подобную точку зрения разделяют и другие археологи (Шилов, 1959, 410; Смирнов, 1959, 307). При этом некоторые специалисты указывают, что древнейшие погребения окрашены интенсивно, а позднейшие — слабо (Шмаглей, Черняков, 1970, 96, 99; Алексеева, 1971, 40; Кетрару, 1969, 43). Таким образом, данный признак некоторые исследователи косвенно рассматривают как определенный хронологический показатель. Действительно, его статистическая обработка на материалах Юго-Запада СССР показала, что имеется общая тенденция к уменьшению использования охры от захоронений, где костяк скорчен на спине, к захоронениям, где костяк скорчен на боку. Однако показатель окрашенности основных погребений оказался в целом меньше, чем впускных. Другими словами, в большинстве случаев основное захоронение было окрашено менее интенсивно, чем некоторые впускные.

Полученные результаты позволяют прийти к выводу, что признак окрашенности погребенного охрой в целом несет объективную информацию о постепенной трансформации погребального обряда. Тем не менее его нельзя использовать в каждом конкретном случае в качестве определенного хронологического или культурного показателя.

* * *

Анализируя погребальный обряд древнейших подкуртанных захоронений Юго-Запада СССР в комплексе, следует констатировать, что, за исключением положения костяка он практически единообразен и характеризуется одинаковыми основными признаками. Вместе с тем удалось проследить общие направления в развитии погребального обряда. Обработка широкого фонда источников позволила отметить такие тенденции в его развитии, как усиление скорченности ног погребенных, постепенная унификация погребального сооружения, уменьшение использования охры и общего числа основных захоронений с восточной ориентировкой от погребений группы I к захоронениям группы III. Крайне незначительное число основных погребений группы IV позволяет дать только самую общую их характеристику. Единство обряда подтверждает культурно-историческую общность скотоводов периода энеолита — ранней бронзы. Однако на различные составные части этой общности, вероятно, и указывают выделенные группы и основные типы захоронений. Выделение четырех общих групп позволяет предположить, что каждой из них в определенный хронологический период соответствовала

крупная скотоводческая общность с четко установившимся погребальным ритуалом. Идентичность основных черт погребального обряда может быть объяснена общим происхождением и тесным взаимодействием степных племен между собой. Одновременно выделение внутри групп наиболее устойчивых типов позволяет предположительно связать их с отдельными племенами, входившими в крупные этнические образования. Каждое из них могло иметь свои определенные особенности в погребальном обряде при общем едином ритуале скотоводов степной полосы. Незначительное количество основных типов показало, что положение погребенных в захоронении было строго регламентировано неизвестными нам родовыми, идеологическими или этническими традициями, за которыми, возможно, стоят и социальные процессы.

Таким образом, следует признать, что в культурно-хронологическом определении древнейших подкурганых захоронений региона основную роль играет наиболее выразительный и характерный признак — положение костяка в захоронении.

Парные и коллективные погребения

Кроме одиночных погребений на территории Днестровско-Прутско-Дунайского междуречья неоднократно встречались парные и коллективные захоронения и кенотафы. На тысячу рассмотренных одиночных захоронений было отмечено 64 случая, когда в погребальной камере находилось от двух до пяти погребенных. При этом в 51 захоронении обнаружено по два костяка (то есть парные погребения составляют 80% всех коллективных захоронений), в 8 — по три (12%), в 4 — по четыре (6%) и в одном — пять (2%).

Определенный интерес представляет половозрастной состав погребенных: в четырнадцати парных погребениях были захоронены мужчина и женщина, в девяти — женщина с ребенком, в двух — мужчина с ребенком, в двадцати двух — взрослый с ребенком (в последнем случае пол установить не удалось, но скорее всего это захоронения женщин с детьми) и в четырех — парные захоронения детей.

В погребениях с тремя костяками в двух случаях были захоронены мужчина, женщина и ребенок, в четырех — женщина с двумя детьми и в двух — взрослый с двумя детьми (вероятнее всего, женщина).

В погребениях с четырьмя костяками в двух случаях были захоронены только дети (Бурсучены, 1/12, Гура-Галбеной, 2/4), в одном — взрослый с тремя детьми (Семеновка, 2/3) и в одном — двое взрослых с двумя детьми (Гура-Быкулуй, 3/3).

Самое многочисленное коллективное погребение (Озерное, 5/1) содержало захоронение взрослого и четырех детей.

Подобный половозрастной состав парных и коллективных погребений нельзя считать случайностью, поскольку он наглядно отражает внутреннюю структуру древних скотоводческих объединений. Показательно, что ни в одном из них не было обнаружено более двух взрослых погребенных. Парные захоронения мужчины и женщины, а также мужчины или женщины с детьми либо всех одновременно, вероятно, следует расценивать как отражение определенных родственных отношений между ними. Тот факт, что в коллективных погребениях не встречается более двух взрослых костяков, может свидетельствовать о существовании у скотоводов эпохи ранней бронзы парной семьи. Вероятно, правы те исследователи, которые в парных и коллективных захоронениях видят коллективные усыпальницы членов одной и той же семьи или родовой группы, образовавшейся в результате трудных условий существования скотоводческих племен (Шмаглий, Черняков, 1970, 99; Тереножкин, 1960, 8, 11), а не факты жертвоприношений в могилах родоплеменной знати (Городцов, 1905, 191; Артамонов, 1934, 108—125; Зирра, 1960, 112). В данном регионе известен только один случай (Зырнешты, 1/10), когда в парном захоронении был обнаружен женский костяк со следами насильственной смерти (Кетрару, 1969, 41—43).

Погребальный обряд парных и коллективных захоронений полностью аналогичен обряду одиночных захоронений, с которыми у них совпадают также и основные позы в положении погребенных. Интересно, что в ряде случаев наблюдаются различные типы положений в одних погребальных комплексах. Однако почти все известные к настоящему времени парные и коллективные захоронения четко укладываются в пять наиболее типичных групп.

I. Погребения женщины (изредка мужчины) с ребенком. Для группы характерно скорченное положение взрослого на спине и положение у его руки ребенка скорченно на спине или скорченно на боку. Ориентировка погребенных одинаковая (рис. 14.I).

II. Парные захоронения женщины с ребенком. Женщина лежит скорченно на спине с наклоном вправо, а ребенок — у ее правой руки в скорченном положении на боку или на спине. В двух случаях — Приморское, 1/24, Белолесье, 3/23 — ребенок находился у левой руки женщины. Во всех случаях голова женщины наклонена к ребенку, который иногда уложен между ее правой рукой и телом. Ориентировка, как и в группе I, одинаковая (рис. 14.II).

III. Парные захоронения женщины с ребенком. Группа почти аналогична предыдущей, но только женщина лежит скорченно на спине с наклоном влево или на левом боку, а ребенок — скорченно на боку или на спине у ее левой руки. Ориентировка погребенных одинакова (рис. 14.III).

IV. Коллективные захоронения одного или двух взрослых с детьми. Взрослый лежит в скорченном положении на спине, го-

Рис. 14. Основные положения погребенных в парных и коллективных захоронениях (группы I—III):

1 — Балабанешты, 2/2; 2 — Балабанешты, 1/9; 3 — Желтый Яр, 5/4; 4 — Нерушай, 9/9; 5 — Плавни, 15/2; 6 — Яски, 6/14; 7 — Траповка, 1/6; 8 — Холмское, 2/4; 9 — Холмское, 2/13

раздо реже — на спине с наклоном вправо. Детские костяки также уложены скорченно на спине или на боку, но ориентированы в противоположную взрослым сторону. В некоторых случаях (Гура-Быкулуй, 9/2, Семеновка, 6/14 и др.) отмечено положение одного ребенка у правой руки взрослого с полным совпадением

Рис. 15. Основные положения погребенных в парных и коллективных захоронениях (группы IV—V) и погребения с расчлененными костяками (группа VI): 1 — Бурзучены, 1/4; 2 — Баштановка, 4/13; 3 — Озерное, 1/5; 4 — Оланзшта, 6/4; 5 — Нерушай, 9/74; 6 — Нерушай, 9/84; 7 — Траповка, 1/9; 8 — Кислиця, 8/7; 9 — Фрикацей, 9/9

ориентировки. Но для группы в целом, как правило, характерно противоположное взрослому положение детей (рис. 15.IV).

V. Захоронения мужчины и женщины, для которых типично скорченное положение на боку, лицом друг к другу. Руки у по-

гребенных или согнуты у груди, или, что встречается гораздо чаще, положены друг на друга. Обязательно положение мужского костяка на правом боку, а женского — на левом (рис. 15.V).

Выделенные пять основных групп не исчерпывают всего многообразия положений погребенных в парных и коллективных захоронениях, но включают более 90% из них.

Характеристика древнейших парных и коллективных подкурганных захоронений является чрезвычайно перспективной и должна быть темой специального исследования. Здесь хотелось бы остановиться лишь на одном аспекте. В указанных захоронениях всегда выделяется так называемый «доминирующий» погребенный, занимающий основное положение в яме и уложенный строго по определенному типу. В захоронениях с детьми это, безусловно, костяк взрослого, а в разнополых погребениях, где были проведены антропологические определения, — костяк мужчины. Показательны энеолитические парные захоронения 1/7 из Суворово (со скипетром) и 1/11 из Григориополя. Здесь мужские костяки лежали скорченно на спине, а женские — скорченно на спине с наклоном влево или вправо, но всегда в сторону мужчины. Неслучайность подобных положений погребенных подтверждается и другими парными захоронениями мужчин и женщин. Во всех случаях женщины уложены скорченно на боку или на спине с наклоном и лицом обращены в сторону мужчины (Оргеев, 1/6, Балабан, 8/2, Гура-Быкулуй, 3/13 и др.). Трактовать такие позы можно по-разному, но одно из возможных предположений — объяснение скорченного положения женщин по отношению к мужчинам как позы подчинения или коленопреклонения.

Особый интерес представляет коллективное захоронение 2/13 у с. Корпач. Во время его исследования удалось четко установить, что парное погребение женщины с ребенком было совершено в одной яме с мужчиной — на уровне перекрытия основной погребальной камеры (Яровой, 1984, 48—49, рис. 5/2). В захоронении у с. Корпач обращает на себя внимание доминирующее положение мужчины и наличие возле него погребального инвентаря, в то время как у женщины с ребенком он отсутствует. На Юго-Западе СССР известно всего лишь одно аналогичное погребение 1/16 у г. Арциза, где над мужским костяком был также обнаружен женский, ориентированный в противоположную сторону (Алексеева, 1976, 183). Хотя здесь и отмечено несколько иное положение погребенных и полное отсутствие охры, отнесение его к эпохе ранней бронзы и ярусная конструкция не вызывают сомнений. Захоронения на двух уровнях в одной яме известны в различных культурах эпохи бронзы евразийских степей (Хлобыстина, 1982, 13—20). Общее их количество крайне незначительно, но они резко выделяются своей неординарностью. Ярусные захоронения особенно отчетливо отражают социальный строй древних степных племен. В данных комплексах доминирующее положение мужчин видно особенно наглядно, а положение

над ними женщин, уложенных в иной позе с противоположной ориентировкой и без погребального инвентаря, свидетельствует, по всей видимости, о господстве патриархальных отношений у скотоводческих племен Юго-Запада СССР. Ярусная конструкция могла быть продиктована только социально-идеологической структурой скотоводческих объединений раннебронзового века. Отражением патриархальных отношений, вероятно, и явилось различное положение мужчины и женщины в одной погребальной камере, где мужчина всегда занимает основное положение.

Следовательно, если в парных или коллективных захоронениях отмечены различные типы положений погребенных (относящиеся иногда и к различным группам), то для отнесения их к определенному культурно-хронологическому этапу необходимо обращать внимание, в первую очередь, на положение взрослого костяка, в случае захоронения с детьми, или на положение мужчины, в случае разнополого погребения.

Расчлененные погребения

Особую группу среди погребальных памятников эпохи ранней бронзы Юго-Запада СССР представляют так называемые расчлененные погребения. В привлеченных к анализу материалах они встречены только 14 раз, что свидетельствует о малораспространенности данного обряда. Тем не менее случаи его использования все же имели место и на их характеристике следует остановиться отдельно.

Для захоронений рассматриваемой группы типично довольно аккуратное расположение человеческих костей в центре погребальной камеры, когда длинные кости рук и ног укладывались одна у другой по длинной оси ямы. Как правило, череп всегда был положен в стороне от других костей скелета, изредка его укладывали на них. В остальном погребальный обряд одиночных погребений ямной культуры и расчлененных практически одинаков. Принадлежность последних к периоду ранней бронзы подтверждается также погребальным инвентарем и стратиграфией курганов (рис. 15.VI).

Среди анализируемых захоронений следует выделить два — Кетросы, 1/6 и Бутор, 1/7 — скорее всего, только с частичным расчленением. В первом случае у погребенного была отсечена голова, которую затем положили на предназначавшееся ей место (Яровой, 1983а, 124, рис. 3/3), а во втором, судя по чертежу, у погребенного также была отсечена голова, разрублены кости ног и отсутствовали кости рук. Столь необычайное положение привело А. И. Мелюкову к ошибочному выводу о том, что «человек был погребен живым и умер в страшных муках» (?) (Мелюкова, 1974, 54, рис. 1). Более вероятным в данном случае представляется частичное расчленение. В пользу этого свидетельствует и

тот факт, что остальные кости погребенных лежали в анатомическом порядке.

Значительный интерес представляют еще два захоронения, в которых были открыты по два костяка: один — в полном анатомическом порядке, а второй — расчлененный. Погребенный в захоронении 1/8 у Каушан лежал на спине с наклоном влево, а возле его левой руки и ног находились сложенные горкой человеческие кости, поверх которых был уложен череп (раскопки Г. Ф. Чеботаренко). В погребении 1/18 у с. Градище костяк лежал на спине с наклоном вправо. На уступе ямы были аккуратно сложены человеческие кости, поверх которых находилось два черепа (Яровой, Агульников, 1979, 22). В данных захоронениях отмечено или вторичное использование одной погребальной камеры, или же сосуществование двух видов обряда.

Крайне незначительное количество расчлененных захоронений в регионе оставляет пока решение вопроса об их появлении открытым. Наряду с другими возможными причинами специальное расчленение погребенных или же их вторичное перезахоронение могут свидетельствовать о зарождении у скотоводческих племен своеобразной погребальной традиции, связанной со страхом перед умершим.

Кенотафы

Погребальные ямы без каких-либо следов погребенного были отмечены 64 раза, причем во всех районах Юго-Запада СССР. Из них 60% было без уступов и 40% — с уступами. Все погребальные камеры и уступы имели вертикальные стенки (только в одном случае стенки уступа несколько расширялись к яме). В подавляющем большинстве случаев основная погребальная камера имела прямоугольную форму с округленными углами (89%). Другие формы встречались в виде исключений: прямоугольная — 2 случая, или 3%, и трапецевидная — 5 случаев, или 8%. Среди уступов также доминирует прямоугольная с округленными углами форма (80%), но на ряде курганов были отмечены и овальная (8%), неправильная (8%), прямоугольная (4%) формы. В четырех случаях на стенках ям зафиксированы вертикальные следы от работы орудием с острым рабочим краем, в трех — обмазка стен погребальной камеры глиной и по одному — обкладка стен прутьями и остатки на ней кожи. На дне ям часто отмечались тлен от растительной подстилки (34%), обмазка мелом (5%), пятна охры (17%), ямы от кольев (5%), обжиг (3%), уголь и зола (по 1,5%), а также обмазка мелкорастертой глиной, каменная перегородка и частичная засыпка (по 1,5%). Около трети кенотафов (30%) было перекрыто деревом и только почти каждое десятое (9%) — камнем. В четырех случаях зарегистрировано использование тростниковой циновки под деревянным накатом

(6%) и по одному — использование под деревянным накатом решетки из жердей, обжиг перекрытия и следы кольев на уступе (по 1,5%). Следовательно, погребальный обряд кенотафов практически не отличается от синхронных захоронений с одним, двумя или несколькими костяками, а также с расчлененными погребениями.

Показательно, что из числа попавших в выборку кенотафов 9 являлись основными (14%). Из них 4 были ориентированы по линии С—Ю, а одно — по линии С—С—В—Ю—Ю—З. Из четырех оставшихся два ориентированы по линии З—В и два — по линии З—Ю—З—В—С—В. Как видим, среди основных погребальных комплексов этой группы отчетливо выделяются два основных направления в ориентировке: по линиям С—Ю и З—В. В одном основном кенотафе был обнаружен невыразительный кремневый отщеп, все другие оказались безынвентарными. Во впускных кенотафах ориентировка распределилась почти равномерно и все они вошли в круговую планировку курганов. Погребальный инвентарь здесь встречается гораздо чаще (14 случаев, или 26% впускных кенотафов) и представлен сосудами, костяными мотыгами, каменными растиральниками, астрагалами, кремневыми скребками и отщепами. Набор инвентаря в этих погребениях также является традиционным для подкурганных захоронений эпохи ранней бронзы.

Глава III

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Практически все исследователи древнейших подкурганных захоронений Юго-Запада СССР отмечали, что погребальный инвентарь в регионе встречается очень редко и отличается сравнительной бедностью и однообразием (Шмаглий, Черняков, 1970, 102—103; Субботин, Шмаглий, 1970, 129; Алексеева, 1971, 40; 1977, 259; Субботин и др., 1979, 406—407).

Однако не все эти, казалось бы, бесспорные выводы выдерживают проверку фактами. Среди тысячи одиночных захоронений зафиксировано 414 случаев различных находок. Другими словами, более чем в четырех погребениях из десяти обнаружены изделия из керамики, металла, камня, кремня и кости. Еще чаще инвентарь встречается в парных и коллективных захоронениях, а также в погребальных комплексах с расчлененным костяком. Здесь инвентарные погребения составляют около половины. Встречаемость погребений эпохи энеолита — ранней бронзы с находками во всех районах Юго-Запада СССР практически одинакова. Значит, полученные данные противоречат заключению Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова о том, что погребальный ин-

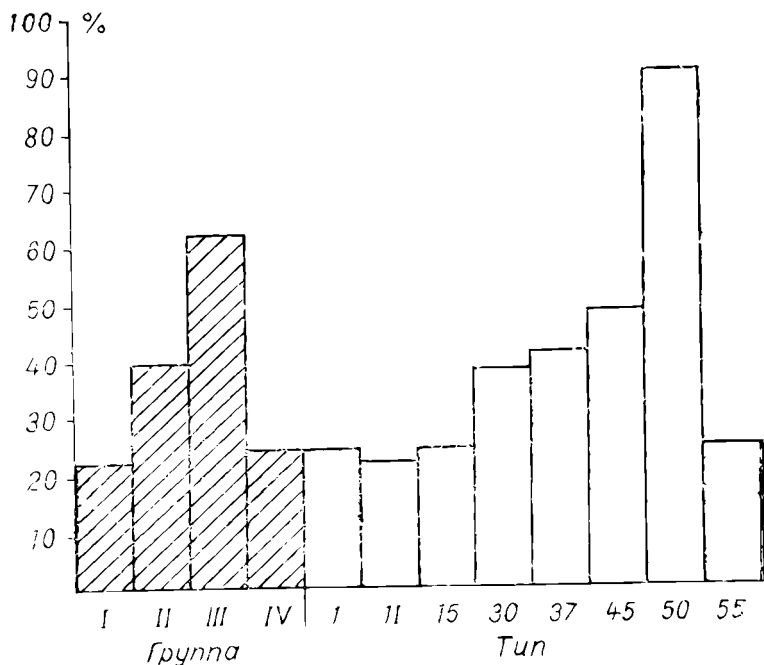

Рис. 16. Распределение находок по группам и типам

вентарь встречается только в 1/5 части погребений ямной культуры Нижнего Подунавья (Шмаглий, Черняков, 1970, 102).

Показательно процентное соотношение инвентарных захоронений по группам и типам. В группе I они составляют 22%, в группе II — 39, в группе III — 62 и в группе IV — 24%; на тип I приходится 24%, тип II — 22%, тип 15 — 24%, тип 30 — 38%, тип 37 — 41%, тип 45 — 48% и тип 50 — 90% (рис. 16). Таким образом, число инвентарных захоронений неуклонно возрастает от типов группы I к основным типам группы III. При этом находки встречаются чаще в комплексах, где погребенные лежат на спине с наклоном влево или на левом боку, чем в комплексах, где они лежат на спине с наклоном вправо или на правом боку.

Все обнаруженные в погребениях находки можно разделить на шесть групп (в скобках указан процент от общего количества находок):

- орудия труда из металла (5);
- орудия труда и оружие из кости (8);
- орудия труда и оружие из камня (9);
- орудия труда и оружие из кремня (19);
- украшения (18);
- керамика (41).

Как видим, самыми встречаемыми находками в погребениях рассматриваемого периода являются, в первую очередь, сосуды и фрагменты керамики, а затем изделия из кремня, украшения, орудия и оружие из камня и кости. Наиболее редки находки из металла, которые в то время, вероятно, только входили в широкое употребление.

Орудия труда из металла. К сожалению, в настоящее время мы не располагаем спектральными и металлографическими характеристиками состава металлических изделий, обнаруженных в регионе. Поэтому утверждения авторов раскопок, что в ряде случаев обнаруженные ими предметы были изготовлены из меди, а в ряде случаев — из бронзы, остаются не аргументированными. Учитывая вполне допустимые ошибки в определении металла, остановимся на анализе различных категорий орудий из него. К данному периоду на территории Юго-Запада СССР известны следующие находки орудий труда из металла (всего 21 изделие): ножи листовидной формы (10, или 48% общего количества изделий из металла);

четырёхгранные шила (9, или 43%);

трапециевидные тесла (2, или 9%).

Эти три типа металлических изделий хорошо известны и в других районах ямной культурно-исторической области, и их морфологические признаки практически не различаются. Находки двух тесел различной формы (Коржово, 4/4; Бычок, 1/6) являются наиболее редкими и могут свидетельствовать о применении этого, видимо, достаточно дорогого орудия и в повседневной жизни. Необходимо отметить и еще один аспект. Утверждение Н. М. Шмаглия и И. Т. Чернякова (Шмаглий, Черняков, 1970, 103), а за ними и Л. С. Клейна (Клейн, 1975, 301) об отсутствии в Северо-Западном Причерноморье медных ножей листовидной формы не подтверждается материалами новых раскопок. Тот факт, что к настоящему времени в регионе найдено 10 листовидных ножей, а, значит, эта группа изделий из металла является самой представительной, опровергает один из основных аргументов Л. С. Клейна о существовании здесь особой «нерушайской» культуры.

Орудия труда и оружие из кости составляют в настоящее время шесть основных категорий изделий:

трубочки из небольших полых костей с насечками и лощением (7, или 25% всех находок из кости);

мотыги из рогов животных (5, или 18%);

астргалы (5, или 18%);

проколки (4, или 14%);

стрелы с черенковым основанием (4, или 14%);

лощила (3, или 11%).

Следует отметить, что изделия из кости — также одна из самых малочисленных групп, характеризующаяся крайней невыразительностью и однотипностью форм. Орудия труда из кости

ограничиваются мотыгами, проколками и ложилами. Кости с насечками и лощением являются результатом рабочей деятельности человека, но говорить о их функциональном назначении без трассологического заключения сложно. Отдельно следует рассматривать астрагалы, служившие, скорее всего, детскими игрушками или предметами игры в кости. Показательно, что в четырех случаях из пяти астрагалы были обнаружены в детских захоронениях, а в одном случае — в кенотафе. Что же касается костяных стрел, то их могли использовать для охоты или в качестве оружия.

Все отмеченные формы изделий из кости обнаружены и в других регионах ямной культуры, где они также встречаются относительно редко, но достаточно хорошо известны. Сходство форм изделий не позволяет говорить о каком-либо особом типе костяных находок, присущем только Юго-Западу СССР.

Орудия труда и оружие из камня. Среди каменных изделий на территории данного региона можно выделить следующие основные типы:

- растиральники (25, или 68% всех изделий из камня);
- топоры (9, или 24%);
- боласы (2, или 5%);
- выпрямители для стрел (1, или 3%).

Подавляющее большинство каменных изделий приходится на растиральники. Как правило, они изготовлены из речной гальки и имеют следы залощенности. Многие из них по краям со следами сработанности, что может свидетельствовать об их одновременном использовании и в качестве отбойников. Из девяти находок топоров в шести случаях были обнаружены их обломки с хорошо видимыми следами вторичного использования, а в двух — заготовки. На двух обломках видны следы красной охры — по всей вероятности, ими во время погребального обряда растирали краску. Следы вторичного использования каменных топоров, обнаруженные на фрагментах, также позволяют отнести их к каменным растиральникам. К настоящему времени в ямном погребении 3/25 у пос. Светлый обнаружен лишь один каменный топор ладьевидной формы без следов вторичного использования (Манзура, 1984, 134).

Так называемые боласы и выпрямители для стрел — редкие находки для степей Юго-Запада СССР, но и они находят прямые аналогии в более восточных вариантах ямной культуры (Никитин, 1980, 130; Лагодовська и др., 1962, 140). Представляется, что названия этих категорий находок довольно относительноны и после всестороннего трассологического анализа можно будет получить обоснованное заключение об их функциональном назначении.

Орудия труда и оружие из кремня обнаружены в 107 захоронениях данного времени и насчитывают шесть основных видов: отщепы (63 находки, или 59% общего числа кремня); скребки (14 находок, или 13%);

наконечники стрел (12, или 11%);
пластины с ретушью (10, или 9%);
ножи (5, или 5%);
тесла (3, или 3%).

Эта группа изделий, хотя и многочисленна, но также маловыразительна. Достаточно указать, что более половины всех кремневых находок составляют отщепы. Знаменательными являются находки в ямных погребениях региона кремневых ножей: именно их отсутствие наряду с медными ножами позволило некоторым исследователям говорить об определенном своеобразии материальной культуры ямных племен Юго-Запада СССР (Шмаглей, Черняков, 1970, 103; Клейн, 1975, 301). Треугольные наконечники стрел разделяются на два типа: с прямым и выемчатым основанием. Из них семь стрел с выемчатым основанием катакомбного типа было встречено непосредственно в костяках погребенных. Остальные виды находок — скребки, пластины и тесла — практически одинаковы и известны в различных культурах эпохи энеолита — ранней бронзы Северного Причерноморья.

Украшения. Эта группа находок — не только одна из наиболее многочисленных и выразительных, но и отличающаяся разнообразием изделий. Украшения можно разделить на золотые, серебряные, медные и бронзовые, то есть изготовленные из металла, а также на костяные и изготовленные из раковин. На территории Юго-Запада СССР в рассматриваемый период насчитывается 10 основных видов украшений. Распределяются они следующим образом:

золотые височные кольца в 1,5 оборота (1 находка, или 1% общего числа украшений);

серебряные височные кольца в 1,5 оборота (34, или 33%);

серебряные височные подвески в несколько оборотов (25, или 24%);

медные трубчатые пронизки (5, или 5%);

медные наручные браслеты (20, или 19%);

медные «обоймы» для подвесок (4, или 4%);

медные и костяные бусы (1, или 1%);

медные бляшки (5, или 5%);

ожерелья из просверленных зубов животных (4, или 4%);

ожерелья из раковин Унио (4, или 4%).

Таким образом, около 60% всех украшений составляют серебряные височные кольца в 1,5 оборота и серебряные височные подвески в 4—6 оборотов. Значительное место среди них — почти каждая пятая находка — занимают и медные браслеты. Подавляющее большинство украшений — 95, или 91%, — изготовлено из металла. Количество украшений из металла почти в пять раз превышает количество металлических орудий. Этот факт недвусмысленно указывает на немалую ценность металлических изделий у древнейших скотоводческих племен. Обращает на себя внимание и незначительность украшений из кости и раковин: на

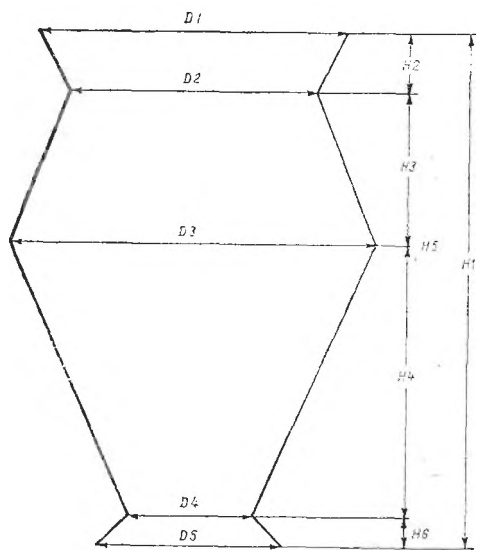

Рис. 18. Основные показатели для выделения типов керамики

захоронений группы I и гораздо реже встречаются в погребениях групп II и III. Соответственно для группы II более частыми находками, чем в других группах, являются кремневые скребки, ножи и костяные ложила. Показательно, что только в погребениях групп II и III были обнаружены кремневые тесла, костяные стрелы, медные браслеты и медные пронизки. В группе IV погребальный инвентарь исчерпывается кремневыми отщепами, ожерельями из зубов животных, медных и костяных бус и просверленной раковиной Унио.

Таким образом, наблюдается определенная взаимосвязь между группами погребений и некоторыми категориями инвентаря. Однако из-за широкого распространения и общей невыразительности указанные находки не могут служить надежным критерием для культурного определения и датировки. Поэтому в данном случае основное внимание следует уделить керамике, являющейся не только самой многочисленной, но и наиболее выразительной и своеобразной категорией погребального инвентаря в рассматриваемом регионе. Всего в тысяче одиночных погребений было обнаружено 143 сосуда различных форм.

С технологической стороны керамика довольно однообразна. Все сосуды изготовлены способом ручной лепки с использованием ложила, пучка травы или пальцев для заглаживания внешней и внутренней поверхностей, что обычно хорошо видно как внутри, так и снаружи сосуда. Керамика обожжена главным образом неравномерно, черепок в изломе черный, иногда с красной прослойкой. Внешняя поверхность, как правило, темно-серая, черная, коричневая с пятнами копоти или обжига, иногда — светло-желтая. В некоторых случаях на внешней поверхности заметны следы залощенности. Внутренняя поверхность по преимуществу равномерного темно-серого цвета. В тесто обычно добавлялись толченая ракушка, растительные примеси, известняковые включения, реже — песок и другие примеси.

Однотипность изготовления керамики заставляет обратиться к морфологическим признакам, то есть к форме. Именно различие форм сосудов положено в основу классификации. Каждый из

них, в зависимости от типа, рассматривался по ряду цифровых показателей: от пяти до одиннадцати. Для определения типа во внимание принималось соотношение следующих показателей (рис. 18):

- 1) диаметр венчика — Д1;
- 2) диаметр горла — Д2;
- 3) диаметр тулова (наибольший) — Д3;
- 4) диаметр дна — Д4;
- 5) диаметр поддона — Д5;
- 6) общая высота сосуда — Н1;
- 7) высота горла — Н2;
- 8) высота верхней части тулова — от горла до наибольшего диаметра тулова — Н3;
- 9) высота нижней части тулова — от наибольшего диаметра тулова до дна — Н4;
- 10) общая высота тулова — Н5;
- 11) высота поддона — Н6.

Различная взаимосвязь этих показателей позволила выделить среди подкурганной керамики Юго-Запада СССР следующие самые типичные формы.

Горшковидные сосуды (рис. 19.1) — 41 сосуд, или 29% общего числа керамики. Характеризуются округлым, выпуклым туловом, несколько удлинённым в нижней части, слегка суженным горлом и небольшим, отогнутым наружу венчиком. Кроме трех случаев (Оргеев, 1/3; Оланешты, 13/8; Нерушай, 9/56) горшковидные сосуды не орнаментированы. Правда, в шести случаях на венчике имелись небольшие насечки, нанесенные палочкой, однако их вряд ли следует относить к орнаменту. В одном случае на сосуде был зафиксирован налеп (Нерушай, 9/9). Следует подчеркнуть, что горшковидные сосуды составляют почти треть всего керамического комплекса и встречаются в регионе чаще других.

Банки на поддонах (рис. 19.11) — 19, или 13% общего числа керамики. Сосуд представляет собой усеченно-коническую банку на кольцевом поддоне, выступающем за пределы дна. В верхней части тулова, почти у венчика, имеются две противоположные горизонтальные или вертикальные ручки-налепы с одним либо двумя вертикальными отверстиями. На 16 сосудах (80% форм) имелся орнамент, нанесенный оттиском шнура. Орнамент покрывает сосуд от венчика до дна и образует собой чередование треугольников различных размеров. Иногда орнамент состоит из спаренного шнура, образующего параллельные горизонтальные полосы (Пуркары, 3/9), а в одном случае — из симметрично расположенных овальных углублений (Ясски, 3/6). Но в основном орнамент достаточно однообразен и состоит из чередующихся треугольников, заполненных параллельными шнуровыми оттисками и разделенных горизонтальными отпечатками шнура (Погребя,

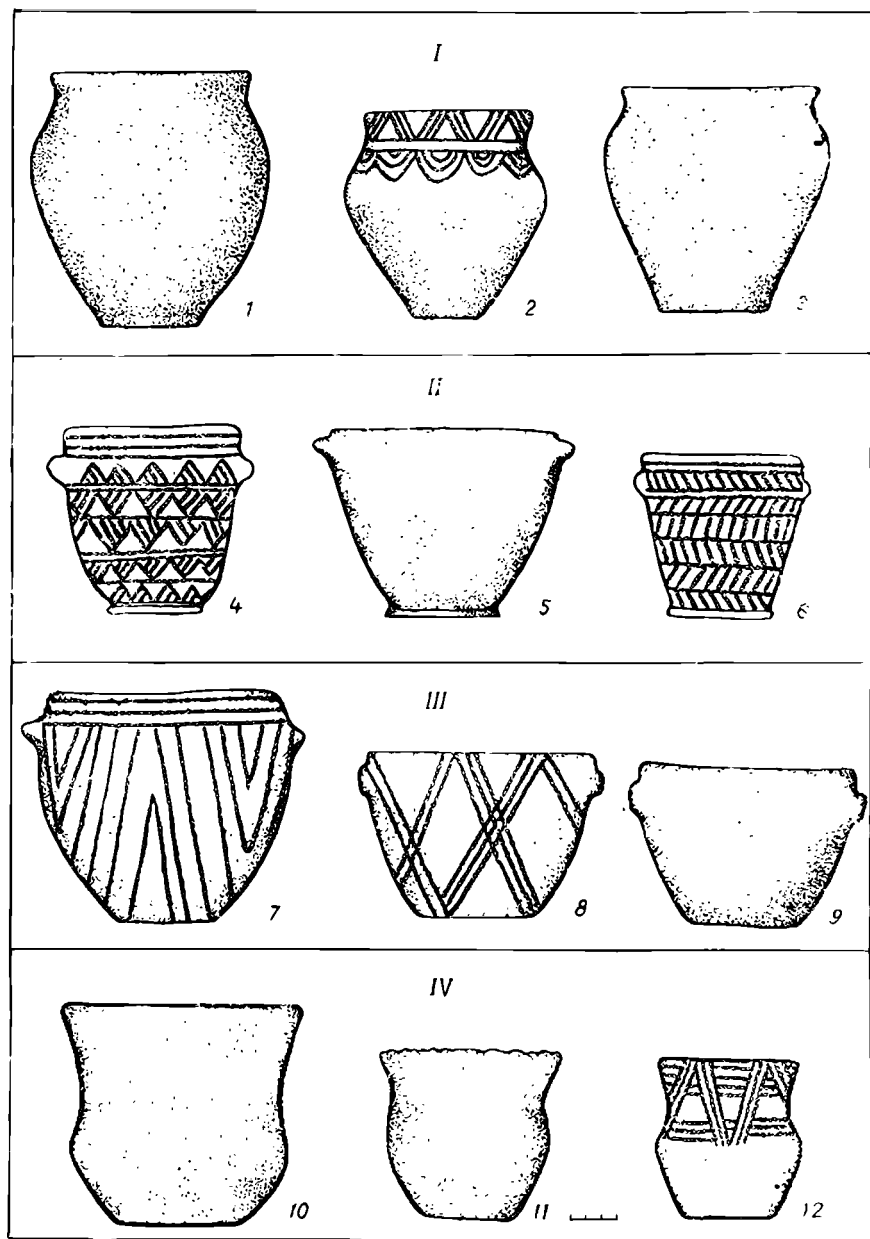

Рис. 19. Основные типы керамики региона:

1 — Етулия, 1/14; 2 — Ореев, 1/3; 3 — Пуркары, 2/9; 4 — Семеновка, 8/18; 5 — Оланешты, 6/3; 6 — Пуркары, 1/23; 7 — Глубокое, 1/25; 8 — Гура-Быкулуй, 5/13; 9 — Гура-Быкулуй, 3/2; 10 — Глубокое, 2/8; 11 — Огородное, 1/14; 12 — Баштановка, 7/12

4/4; Семеновка, 8/18; Оланешты, 1/20 и др.). Зафиксирован венчик сосуда, украшенный небольшими вдавлениями от палочки (Струмок, 5/6). Внешняя поверхность неорнаментированных сосудов хорошо обработана и тщательно заглажена.

Банки без поддонов (рис. 19.III) — 16, или 11,2%. Сосуд представляет собой усеченно-коническую банку, у венчика которой имеются две противоположно расположенные горизонтальные или вертикальные ручки-налепы с одним или двумя вертикальными отверстиями. Иногда венчик сосуда слегка загнут вовнутрь (Глубокое, 1/25; Ефимовка, 2/14 и др.). Рассматриваемая форма керамики практически идентична предыдущей — отличие заключается лишь в отсутствии кольцевого поддона. 8 банок, или 50% сосудов этой формы, имели орнамент из отпечатков шнура. Орнамент состоит главным образом из спаренных отпечатков шнура, образующих треугольники или ромбы по всему тулову банки и ограниченных у венчика несколькими горизонтальными отпечатками (Ясски, 6/4; Ефимовка, 6/6; Глубокое, 1/25 и др.). Внешняя поверхность неорнаментированных сосудов также тщательно обработана. Однако при сравнении с банками на поддоне обращает на себя внимание значительно меньшее — на 30% — количество орнаментированной керамики.

Кубки (рис. 19.IV) — 18, или 12,6%, — имеют небольшое, несколько выпуклое тулово, иногда вытянутое в нижней части, и высокий, отогнутый наружу воротничкообразный венчик, изредка прямой (Оланешты, 15/4). Горло, как правило, суженное и располагается в центре сосуда, несколько реже — в его верхней или нижней части. В семи случаях кубки были орнаментированы отпечатками или небольшими параллельными вдавлениями (Бутор, 9/3). Шнуровой орнамент состоит из горизонтальных отпечатков на венчике и под ним или из параллельных отпечатков, образующих различные треугольные фигуры (Оланешты, 5/4 и 15/4; Баштановка, 7/12 и др.). Внутренняя и внешняя поверхности кубков, как правило, тщательно заглажены, изредка на них можно отметить следы залощенности. Резных орнаментов не отмечено, хотя в одном случае поверхность венчика была украшена небольшими вдавлениями (Огородное, 1/14). Показательно, что неорнаментированная керамика здесь составляет меньшинство и представлена 39% группы.

Чаши (рис. 20.V) — 17, или 12%, — представляют собой приземистые, усеченно-конические сосуды со слегка вогнутым вовнутрь венчиком. Все чаши без исключения неорнаментированные. Внешняя и внутренняя поверхности тщательно обработаны. Иногда на внешней поверхности встречаются следы заглаживания корой или гребнем (расчесы) (Тудорово, 1/2; Беляевка, 1/34).

Шнуровые амфоры (рис. 20.VI) — 10, или 7%, — довольно крупные сосуды с шаровидным туловом, иногда с несколько удлиненной нижней частью, относительно маленьким горлом и невысоким, отогнутым наружу венчиком. На уровне наибольшего

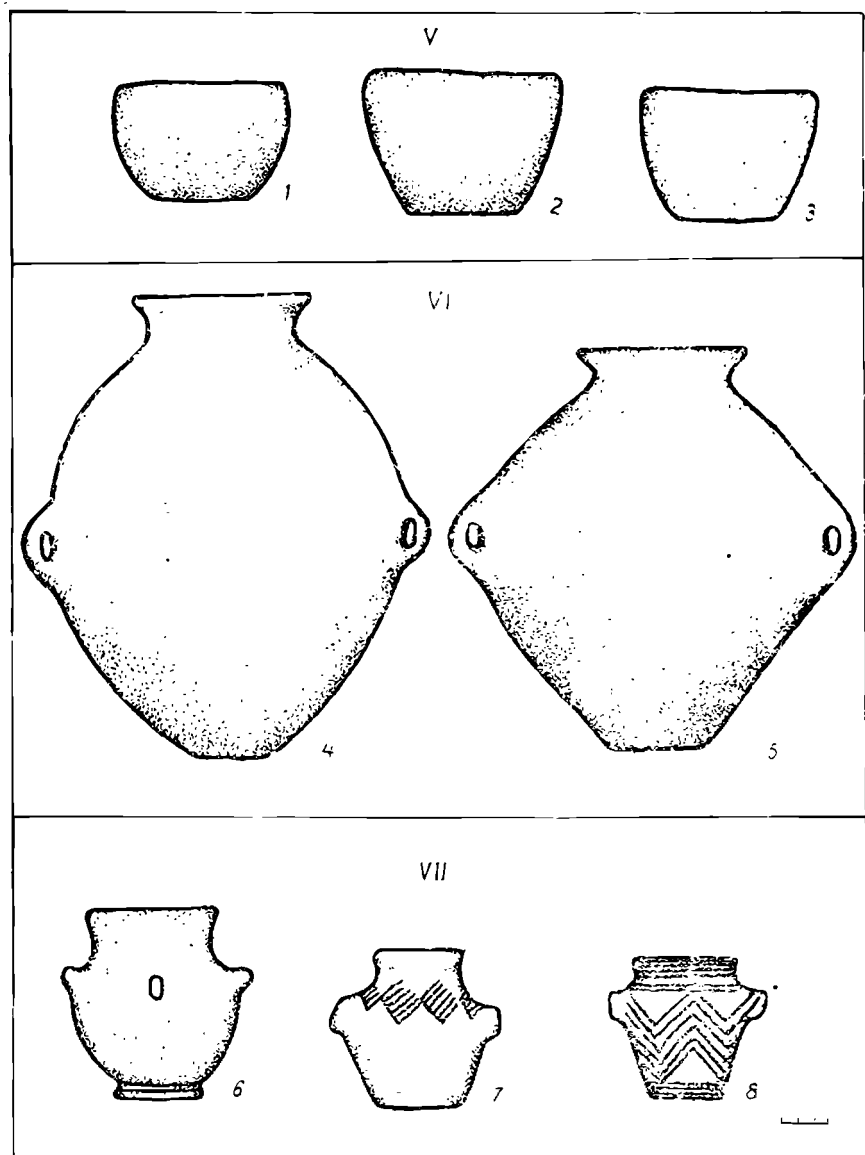

Рис. 20. Основные типы керамики региона:

1 — Тудорово, 1/2; 2 — Беляевка, 1/34; 3 — Чобручи, 1/12; 4 — Бурсучены, 1/14; 5 — Бурсучены, 1/19; 6 — Баштановка, 7/12; 7 — Приморское, насыпь; 8 — Оланешты, 1/13

диаметра, обычно в средней части тулова, с противоположных сторон имеются две полукруглые ручки с горизонтальными круглыми отверстиями. В одном случае у сосуда на верхней части тулова имеются четыре противоположно расположенные квадрат-

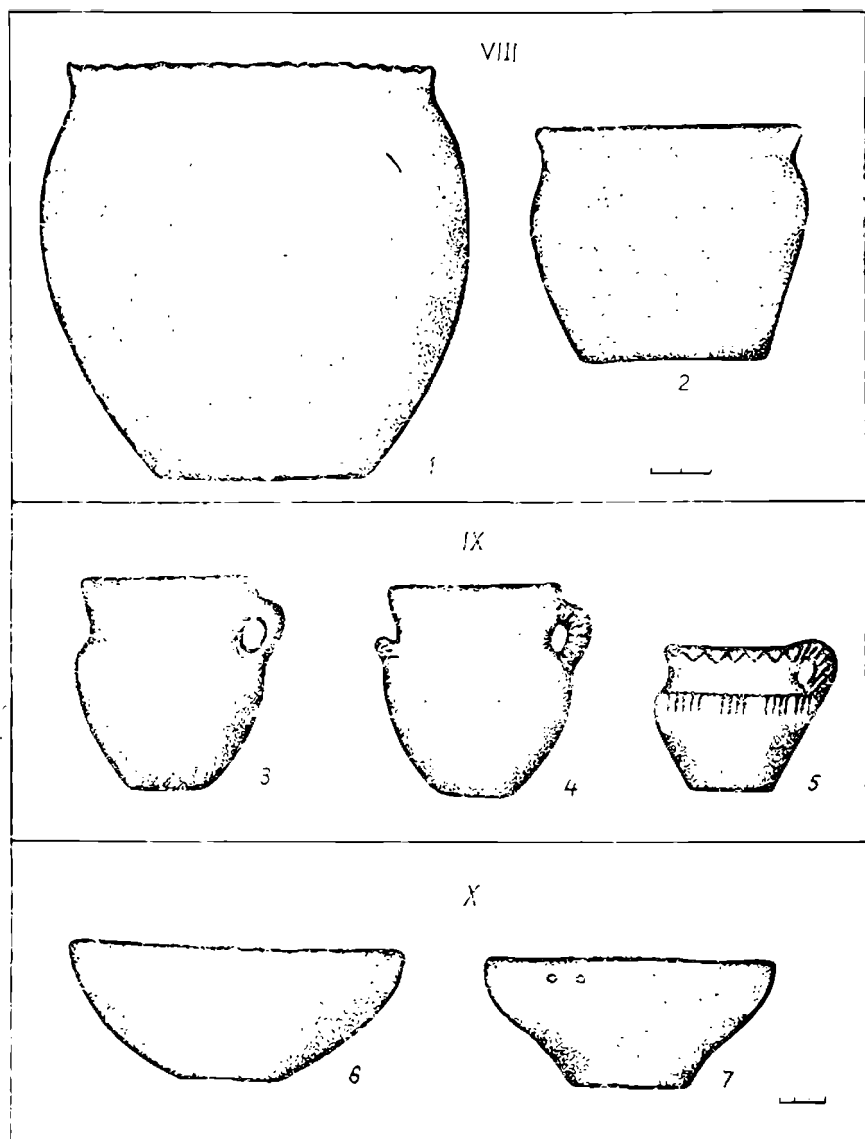

Рис. 21. Основные типы керамики региона:

1 — Коржово, 2/13; 2 — Гура-Быкулуй, 8/6; 3 — Болград, 1/12; 4 — Струмок, 1/3; 5 — Оланешты, 1/28; 6 — Холмское, 5/14; 7 — Приморское, 1/34

ные ручки с круглыми вертикальными отверстиями небольшого диаметра (Корпач, 2/13—2). Керамика этого типа неорнаментирована, но на ее внешней поверхности иногда хорошо заметны следы от заглаживания пучком травы (Бурсучены, 1/14) или

заложенности (Яблона, 1/1; Бурсучены, 1/19 и др.). На горле и тулове сосудов из Каушан (1/4) и Гура-Галбеней (2/5) имеются украшения в виде налипных валиков, а венчик сосуда из погребения 1/18 из Каушан украшен вдавлениями палочкой.

Амфорки (рис. 20.VII) — 8, или 5,6%, — сосуды небольших, изредка средних, размеров с округлым или трапециевидным туловом, суженным горлом и небольшим, отогнутым наружу венчиком. В средней, реже верхней, части тулова имеются вертикальные прямоугольные ручки-налепы (по одной или по две на каждой стороне) с вертикальными круглыми отверстиями. В одном случае отмечен кольцевой поддон (Баштановка, 7/12). На пяти сосудах, или 63% типа, имеется шнуровой орнамент. Он состоит из параллельных отпечатков шнура, образующих треугольники и расположенных под венчиком или на верхней части тулова. В двух случаях орнамент покрывает всю поверхность сосуда от венчика до дна (Оланешты, 1/13; Плавни, 5/3).

Банковидные сосуды (рис. 21.VIII) — 5, или 3,5%, по форме близки к банкам, но имеют небольшой, отогнутый наружу венчик, который слегка выделен. Наибольший диаметр тулова находится почти под венчиком. Горло широкое, его диаметр, как правило, превышает диаметр дна. Керамика не орнаментирована, но в одном случае венчик сосуда ребристый (Коржово, 2/13).

Кувшины (рис. 21.IX) — 3, или 2%, — схожи с горшковидными сосудами. Лишь небольшая петлеобразная ручка, соединяющая венчик с верхней частью тулова, вносит некоторое отличие. В двух случаях на ручке, венчике и на тулове сосудов отмечен орнамент из параллельных отпечатков шнура, расположенных как вертикально, так и горизонтально (Оланешты, 1/28; Струмок, 1/3).

Миски (рис. 21.X) — 3, или 2%, — характеризуются более приземистой по сравнению с чашами формой и большим диаметром венчика, который не вогнут вовнутрь. Все обнаруженные миски без орнамента и с тщательно обработанной поверхностью.

Округлодонные сосуды (рис. 22.XI) — 1, или 0,7%. Хотя на сегодняшний день описана единственная находка из основного погребения 1/16 у с. Валя-Пержей (Оболдуева, 1955, 41—42), сосуд не является уникальным для региона. Тип округлодонной керамики дополнился двумя сосудами, открытыми в последние годы при раскопках в Одесской области (сведения И. Т. Чернякова). К сожалению, материалы по данным подкурганным комплексам еще не опубликованы и потому судить об их характере и делать какие-либо заключения сложно. Вместе с тем важно подчеркнуть, что форма с округлым дном, впервые обнаруженная несколько десятилетий назад на р. Когильник, не осталась единственной в регионе, а получила подтверждение в последних исследованиях.

Аскосы (рис. 22.XII) — 1, или 0,7%, — представлены одним сосудом, обнаруженным в детском погребении 2/11 у с. Глубокое. Эта находка достаточно подробно рассмотрена и проанализиро-

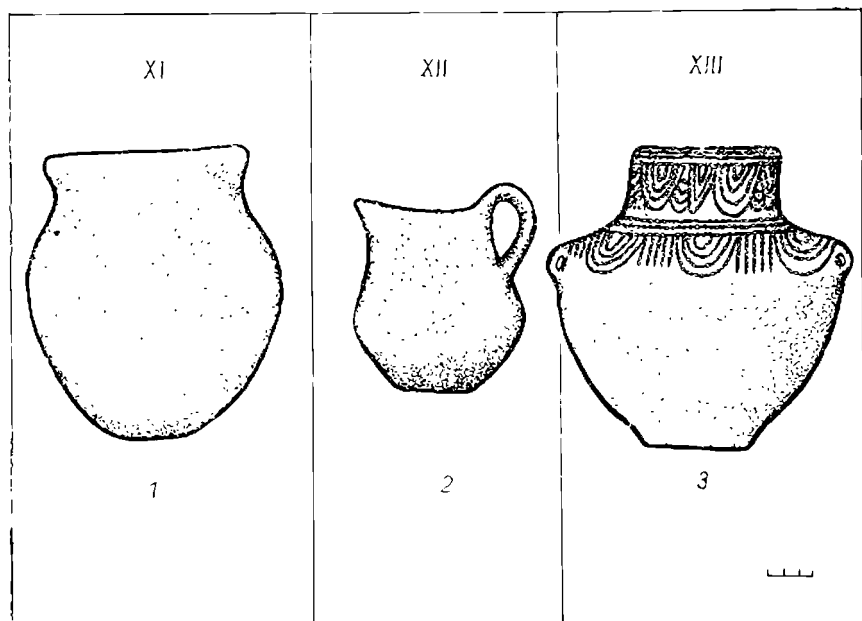

Рис. 22. Основные типы керамики региона:
1 — Валя-Пержей, 1/16; 2 — Глубокое, 2/11; 3 — Корпач, 2/7

вана при публикации (Шмаглий, Черняков, 1970, 103). Хотелось бы только отметить, что форма askosa и в настоящее время остается уникальной для древнейших подкурганных погребений изучаемого района.

Шаровидные амфоры (рис. 22.XIII) — 1, или 0,7%, имеется всего один экземпляр, открытый во впускном ямном погребении 2/7 у с. Корпач (Яровой, 1984, 70). Сосуд типичен для культуры шаровидных амфор и также пока является единственной подобной находкой в курганных памятниках Юго-Запада СССР.

* * *

Таким образом, самая общая и простая классификация привела к выделению в керамическом комплексе местных скотоводческих племен 13 различных форм сосудов. Следует ожидать, что очередные раскопки курганов приведут к открытию новых типов керамики и позволят детализировать данную классификацию. Предложенные названия типов в ряде случаев могут считаться дискуссионными, но, как представляется, в целом характеризуют основную форму сосудов. Выделенные формы неравнозначны в количественном отношении, но они довольно отчетливо отражают те объективные исторические процессы, которые происходили здесь в эпоху ранней бронзы. Если не считать многочисленную группу горшковидных сосудов, форма которых встречается не только в

ямной, но и во многих других разновременных культурах, другие формы керамики, за некоторым исключением, характерны только для степей Юго-Запада СССР.

Отличительная черта и типичнейшая особенность данной керамики — ее плоскодонность. Один округлодонный сосуд на более чем тысячу рассмотренных захоронений составляет только 0,7% всего керамического комплекса и потому не может рассматриваться как свойственная региону форма. По всей вероятности, округлодонный сосуд из с. Валя-Пержей, наряду с двумя новыми аналогичными находками, отразил общекочевнические формы степной керамики, являясь результатом взаимодействия с восточными районами, где округлодонная керамика господствует (Шапошникова, 1971, рис. 80; Häusler, 1974, taf. 1—68; Häusler, 1976, taf. 2—47). Нет сомнений, что эти сосуды или традиции их изготовления были привезены с востока первыми племенами ямной культуры. В определенной степени о восточных влияниях могут свидетельствовать и горшковидные сосуды, но, как уже отмечалось, их форма достаточно универсальна.

В Днестровско-Прутско-Дунайском междуречье имеется гораздо больше свидетельств влияния на формирование местной степной керамики культур Балкан и Карпатского региона, чем прилегающих восточных территорий. Наиболее яркое доказательство — так называемые шнуровые амфоры, резко выделяющиеся из общего керамического комплекса. Сосуды указанной группы находят прямые аналогии с некоторыми формами керамики верхнеднестровской и подольской групп подкарпатской культуры шнуровой керамики (Свешников, 1974, рис. 2,5—6,14, 53). Подобные же формы сосудов хорошо известны и в ряде могильников чешско-моравской культуры шнуровой керамики (Neustupný, 1965, 392—456; Buchvaldek, 1966; Buchvaldek, Koutecký, 1970). Такая идентичность и появление керамики данной формы в ямных погребениях Юго-Запада СССР не случайность, а наглядное доказательство связей между племенами ямной культуры и некоторых культур шнуровой керамики. Описанные сосуды еще ни разу не были открыты в центральных захоронениях. Их находки во впускных, четко зафиксированных погребальных комплексах — свидетельство существования этих связей, скорее всего, на позднем этапе развития ямной культуры региона. Вместе с тем нельзя не учитывать, что близкие, если не аналогичные шаровидные формы сосудов с двумя полукруглыми ручками на тулове встречаются и в позднетрипольских усатовских могильниках (Патокowa, 1979, 92—103; Збенович, 1974, 79—103; Дергачев, 1980, рис. 6, 19). Однако не исключено, что керамика рассматриваемого типа у усатовских и ямных племен могла появиться независимо друг от друга, хотя полное отрицание возможности заимствования форм у своих ближайших соседей вряд ли логично. Но в любом случае эта керамика отразила один из возможных путей взаимовлияния культур изучаемого периода.

Яркой и своеобразной находкой является амфора с цилиндрическим горлом и шнуровым орнаментом. Ближайшие территориальные и морфологические аналогии имеются на территории Запрутской Молдовы, где были открыты захоронения в каменных ящиках культуры шаровидных амфор (Долхешти Маре, Пятра-Нямц) (Дину, 1960, рис. 1, 8; Свешников, 1983, рис. 3—24). Тем самым подтверждают прямые связи скотоводческих ямных племен с племенами восточной группы культуры шаровидных амфор. Это одно из наиболее ранних свидетельств взаимодействия степных кочевников с культурами Карпатского региона.

С другой стороны, такие характерные формы керамики, как аскос, кубок, миска и кувшин, не типичны для более восточных подкурганых захоронений и встречаются в основном только на Юго-Западе СССР. Но подобные сосуды широко распространены в некоторых культурах ранней бронзы Румынии и Болгарии. Появление их в керамическом комплексе Днестровско-Прутско-Дунайского междуречья исторически обусловлено и объясняется, скорее всего, соприкосновением северопричерноморских степных племен с культурами Коцопени, Чернавода, Фолтешти, Глина, Эзеро и др. (Roman, 1976, 18—24; Vergiu и др., 1973, 373—405; Георгиев и др., 1979, 221—387).

Картографирование отмеченных форм керамики показывает, что большинство шнуровых амфор преобладает в северных районах междуречья. Здесь же обнаружена и шаровидная амфора. Кубки, кувшины, миски и аскос зафиксированы только на юге (рис. 23). Подобное распределение керамики далеко не случайно и определено рядом исторических закономерностей. Появление шнуровых и шаровидных амфор в ямных погребальных памятниках на севере региона, а затем проникновение их на юг было обусловлено контактами с носителями некоторых культур шнуровой керамики и шаровидных амфор Карпатского бассейна. Основную же концентрацию на юге кубков, кувшинов и мисок следует связывать с влиянием ряда культур раннебронзового века Балканского полуострова. Здесь же обнаружены практически все амфорки, банки на поддонах и без поддонов.

Достаточно отчетливое географическое распределение керамики на территории Юго-Запада СССР позволяет наметить основные зоны взаимодействия ямных племен с соседями и объяснить своеобразие местного керамического комплекса, сложившегося в результате внешних контактов. Одновременно следует учитывать и внутренний фактор, т. е. взаимовлияние степных скотоводов со своими ближайшими соседями — позднетрипольскими усатовскими племенами. Такое комплексное взаимодействие скотоводческих племен с ближайшими и более отдаленными инोकультурными регионами и обусловило то своеобразие керамики Днестровско-Прутско-Дунайского междуречья, которое отличает его от других регионов ямной культурно-исторической области. Результатом этих контактов стало формирование здесь таких специфически

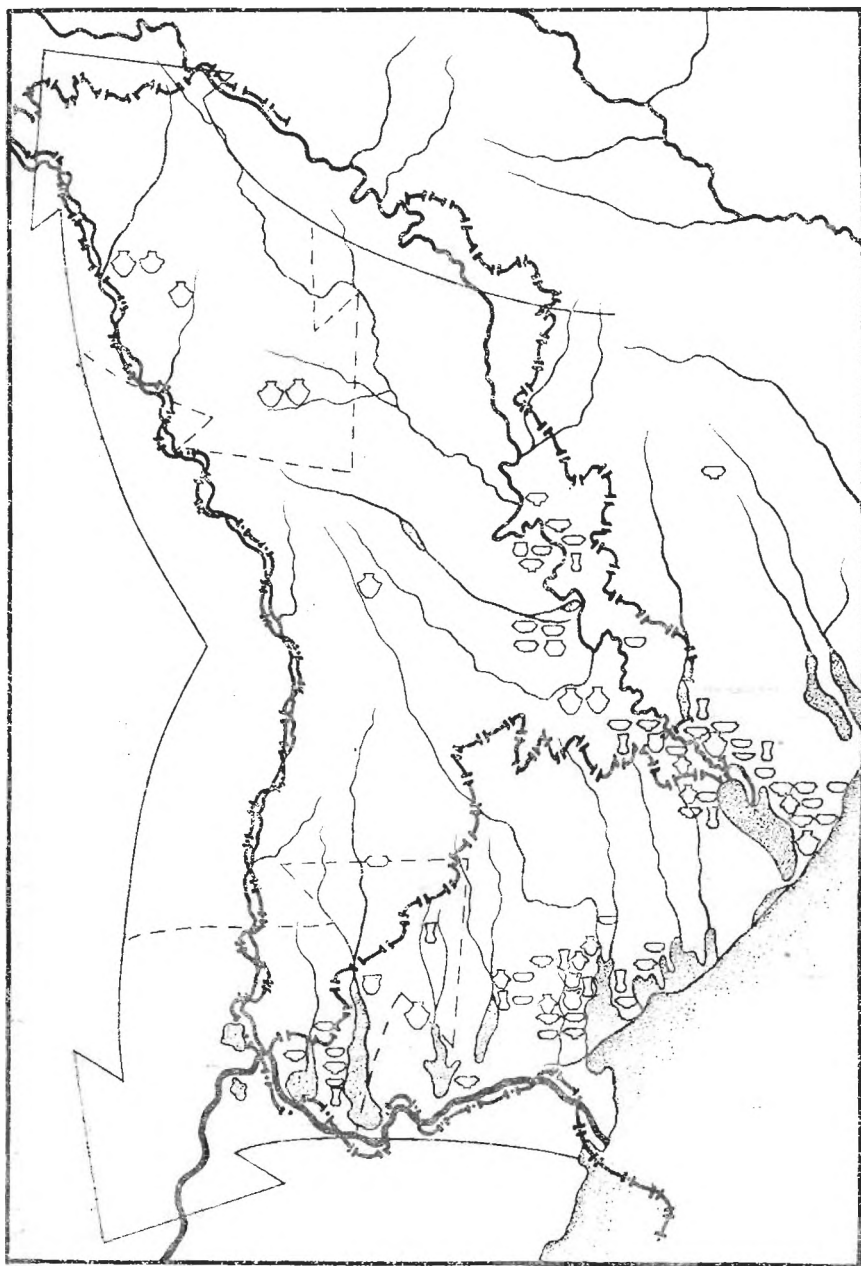

Рис. 23. Карта местонахождений различных форм керамики

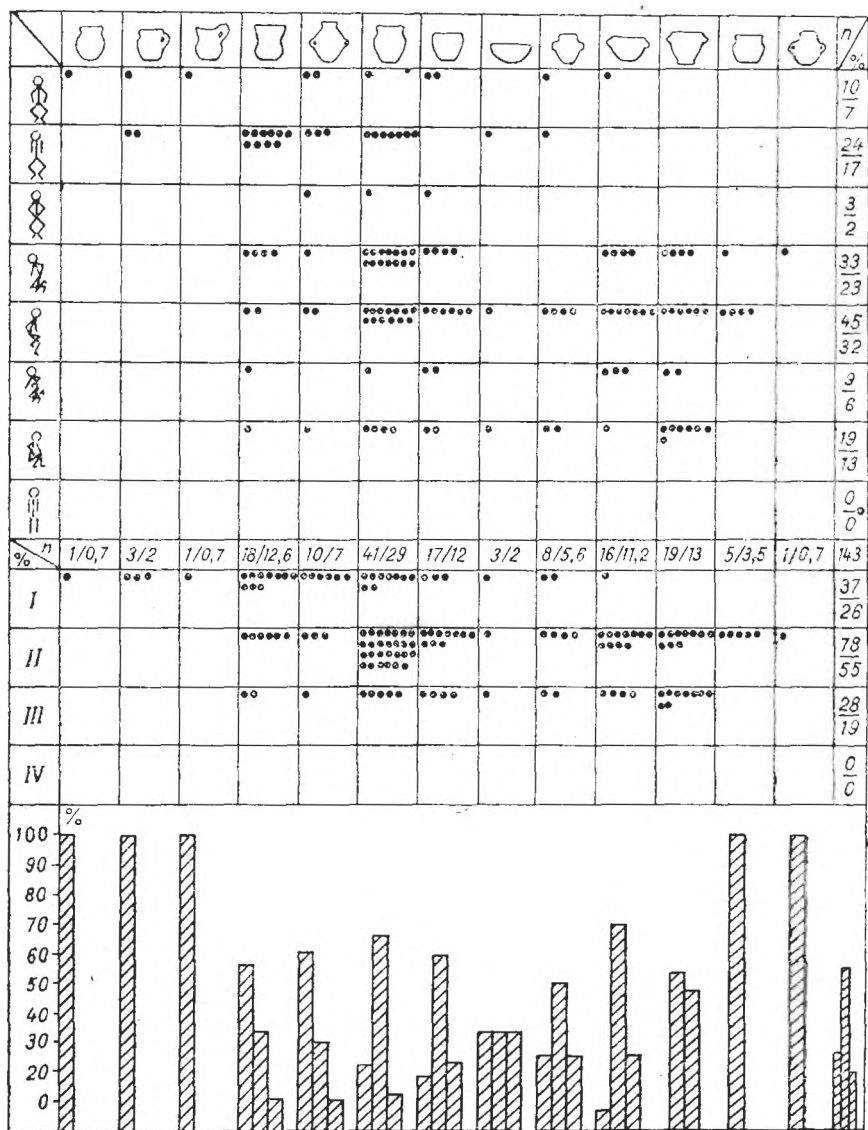

Рис. 24. Корреляция групп захоронений и типов керамики

местных форм, как амфорки и банки на поддонах и без поддонов. Появление кольцевого поддона и ручек-налепов с вертикальными проколами на некоторых формах керамики тоже следует отнести к особенностям местного керамического комплекса.

Вместе с тем обязательно следует учитывать и хронологический фактор. В частности, обращает на себя внимание близость форм и орнаментации части банок без поддонов, горшковидных

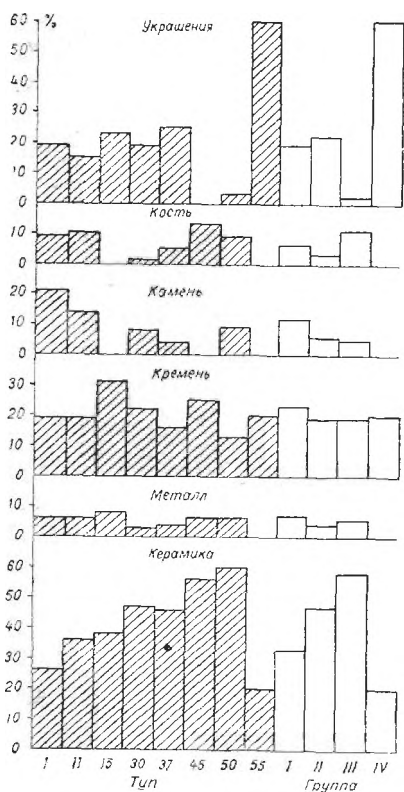

Рис. 25. Гистограмма распределения различных категорий находок по группам и типам

видные сосуды, чаши и амфорки более характерны для погребений групп II и III. Однако только в группе I были обнаружены кувшины, круглодонный сосуд и аскос, а в группах II и III — банки на поддонах и без поддонов*, банковидные сосуды и шаровидная амфора. Следовательно, между различными группами захоронений и некоторыми формами керамики, представленными крупными сериями, существует определенная взаимосвязь.

В этом отношении особый интерес представляет процентное распределение находок непосредственно по типам и группам. Из приведенной гистограммы (рис. 25) отчетливо видно постепенное увеличение находок сосудов от группы I (31%) к группам II (47%) и III (58%). В группе IV находки ограничились невыразительными фрагментами керамики во впускных захоронениях. Показательно, что количество погребений с сосудами также неук-

сосудов и чаш с некоторыми типами сосудов катакомбной культуры. Прямые аналогии прослеживаются между катакомбной керамикой и незначительной группой банковидных сосудов, обнаруженных в позднейших захоронениях (Братченко, 1976, 23—46). Все эти данные позволяют сделать вывод о взаимовлиянии и сосуществовании на определенном хронологическом этапе племен позднейшей и катакомбной культур. Следовательно, при обосновании тезиса о своеобразии данного района нельзя упускать из виду и фактор катакомбного влияния на позднейшие памятники ямной культуры.

Проведенная корреляция показала, что большинство выделенных форм керамики было зафиксировано в каждой из трех первых групп захоронений, в то время как в основных погребениях группы IV керамика отсутствовала (рис. 24). Например, кубки и шнуровые амфоры чаще встречаются в группе I, чем в группах II и III, а горшко-

* Единственную находку банки без поддона в захоронении группы I, вероятно, следует отнести к случайности или к ошибочному определению типа.

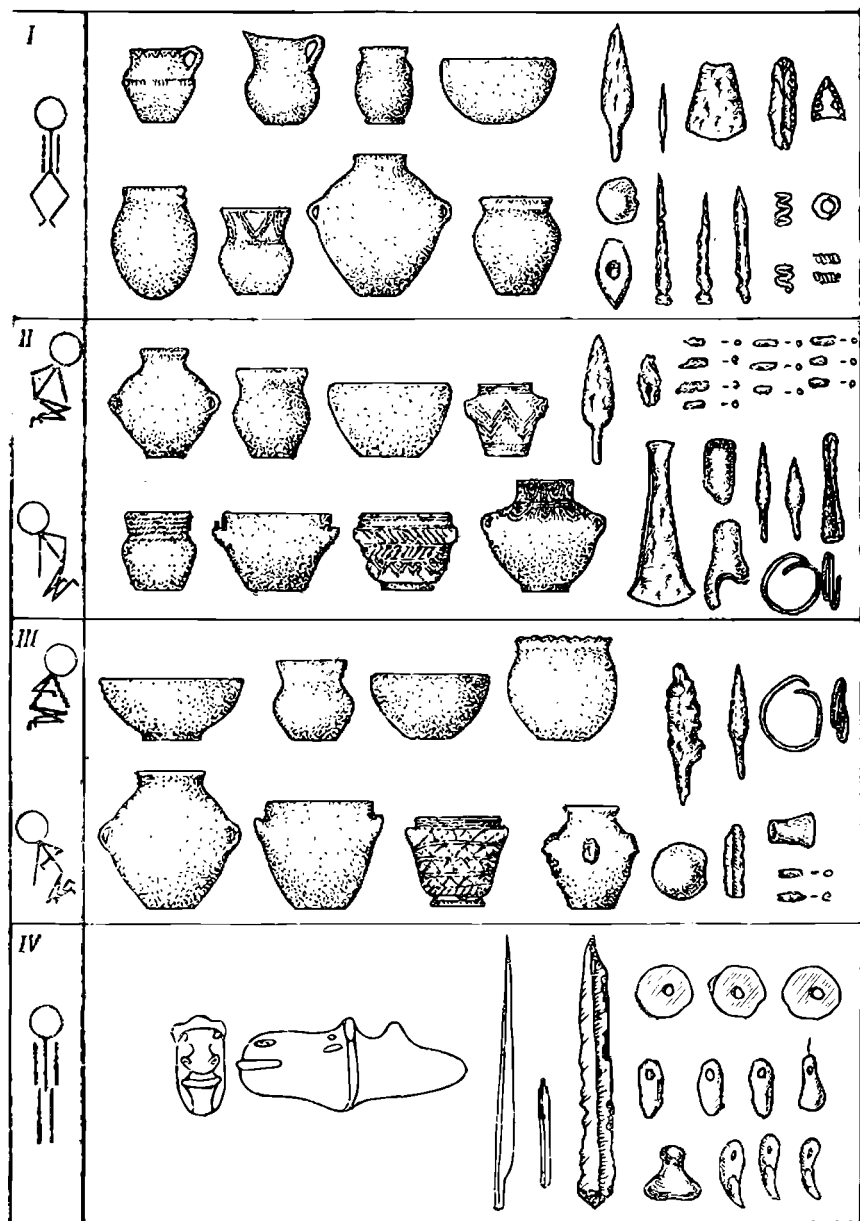

Рис. 26. Распределение находок по группам (в инвентарь группы IV включены синхронные материалы из парного энеолитического захоронения 1/7 2-го суворовского могильника: скипетр, медные шила, кремневая пластина, раковины Унго)

лонно возрастало от типа 1 (27%) к типу 50 (61%). Распределение изделий из металла и кремня по группам почти одинаковое, хотя некоторое их преобладание наблюдается в погребениях группы I. Здесь же чаще других встречаются орудия труда и оружие из камня, а в группе III — из кости. Украшений больше всего в основных погребальных комплексах группы IV (60%).

Полученные данные позволяют сделать вывод, что если число находок сосудов постепенно увеличивалось от группы I к группам II и III, то количество изделий из кремня и камня — несколько уменьшалось. Кроме того, обращает на себя внимание падение числа украшений, но преобладание находок из кости в группе III.

Как уже отмечалось, между выделенными группами захоронений и некоторыми категориями погребального инвентаря прослеживается определенная взаимосвязь. Результаты отражены на *рис. 26*, иллюстрирующем погребальный инвентарь каждой из групп. Из рисунка видно, что группа I включает 9 типов керамики, различные изделия из кремня, камня и кости, а также украшения. Захоронения группы II насчитывают 10 различных форм керамики, орудия труда и оружие из различного сырья, украшения. Подобный же набор находок отмечен и в группе III, которая содержит 8 типов керамики. Основные погребения группы IV характеризуются отсутствием керамики и наличием значительного числа украшений.

Особую категорию погребального инвентаря составляют **антропоморфные стелы**. Древнейшие из них, открытые в погребальных памятниках ямной культуры, представляют собой отесанные каменные плиты овальной, прямоугольной или миндалевидной формы различных размеров. В верхней части стел имеется выступ, обозначающий голову, а нижняя часть заострена или почти не обработана. К настоящему времени на территории Юго-Запада СССР известны 32 антропоморфные стелы, обнаруженные в закрытых погребальных комплексах ямной культуры, где удалось установить положение погребенного (*рис. 27*). Особый интерес вызывает их положение в захоронении и связь с погребальным обрядом. Стелы были встречены в следующих погребениях региона:

Григориополь, 1/19 (основное для насыпи IV) — две стелы находились в каменной закладке и перекрывали яму поперек;

Кетросы, 1/3 (основное) — стела перекрывала яму с другой плитой;

Каушаны, 1/1 (впускное) — стела стояла на ребре над ямой;

Каушаны, 2/2 (основное) — стела использовалась для закрытия входа в катакомбное погребение, которое частично разрушило данное захоронение;

Балабан, 13/6 (впускное) — стела перекрывала яму;

Марьяновка, 2/6 (основное) — стела перекрывала погребальную камеру вдоль;

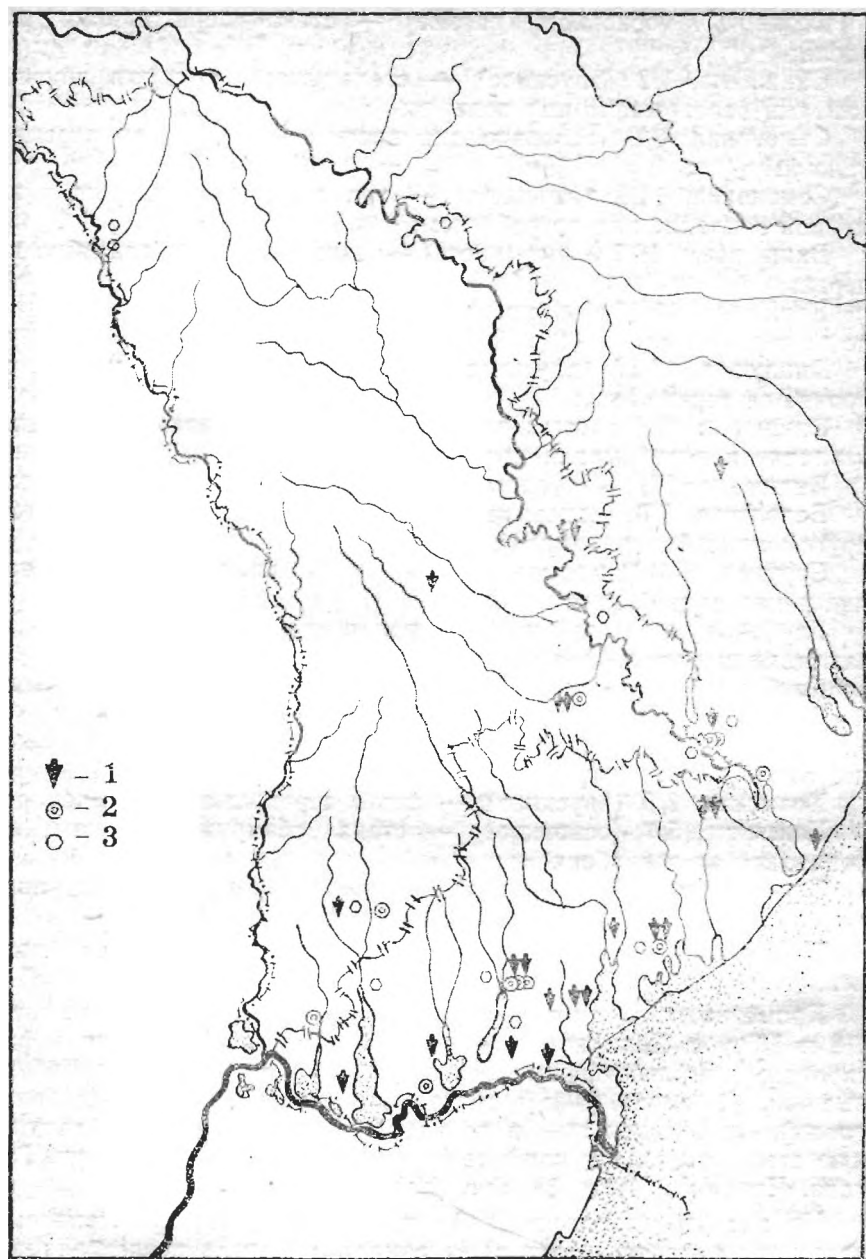

Рис. 27. Карта местонахождений антропоморфных стел (1), деревянных колес (2), каменных обкладок курганов (3)

Яски, 2/4 (основное, парное) — стела перекрывала яму вдоль;

Санжейка, 1/2 (впускное) — стела вместе с двумя другими плитами перекрывала яму поперек;

Семеновка, 8/8 (основное для насыпи II) — стела перекрывала яму;

Семеновка, 14/2 (впускное) — три стелы обнаружены в каменной закладке над погребением;

Вишневое, 19/7 (впускное) — стела перекрывала яму поперек;

Вишневое, 19/17 (впускное) — стела лежала у ямы, на уровне ее перекрытия;

Вишневое, 19/26 (впускное) — две стелы лежали у ямы, на уровне ее перекрытия;

Вишневое, 20/1 (основное) — стела находилась в каменной закладке и перекрывала яму поперек;

Вишневое, 20/8 (впускное) — стела перекрывала яму вдоль;

Белолесье, 7/3 (основное для насыпи II) — стела вместе с другой плитой перекрывала яму поперек;

Струмок, 5/3 (основное) — стела находилась в каменной закладке над погребением;

Глубокое, 1/7 (впускное) — три стелы лежали в каменной закладке над погребением;

Глубокое, 1/11 (впускное) — стела перекрывала яму вдоль;

Шевченково, 3/13 (впускное) — стела перекрывала яму;

Парапory, 1/1 (впускное) — стела зафиксирована в каменной закладке над погребением;

Холмское, 2/5 (впускное) — стела перекрывала яму поперек;

Холмское, 5/7 (основное?) — стела обнаружена в каменной закладке над погребением;

Утконосовка, 1/6 (впускное) — стела перекрывала яму поперек;

Плавни, 25/1 (основное) — две стелы перекрывали яму поперек.

Кроме находок отдельных антропоморфных стел в погребениях 1/8 и 1/7 у с. Холмское (основные для насыпи III) были зафиксированы антропоморфные заклады, перекрывавшие погребальные камеры вдоль. Они состояли из трех известняковых плит, уложенных поперек ямы и по виду напоминающих антропоморфную стелу, поскольку крайние из них имели головной выступ (Гудкова, Черняков, 1981, 38, рис. 2/1).

Не касаясь типологической классификации рассматриваемой категории находок — это тема самостоятельного исследования — следует отметить, что все стелы были документально зафиксированы в перекрытиях погребальных камер, причем 13 из них наряду с необработанными плитами находились в каменных закладах. В то же время форма подавляющего числа изваяний — заостренность и грубая обработка нижней части — свидетельствует

о их назначении для вертикальной установки в землю. На некоторых даже прослеживаются отметки, до которых они должны были вкапываться в грунт. Таким образом, использование стел в перекрытиях ямных погребений является по преимуществу вторичным. Исключение, с определенными оговорками, можно сделать лишь для двух закладов из Холмского, и для стелы из Утконосовки с двумя головными выступами (Шмаглий, Алексеева, 1972, 130—131). Вторичное использование антропоморфных изваяний в ямных погребальных комплексах неоднократно отмечалось в литературе (Формозов, 1969, 178; Телегин, 1967, 8; Häusler, 1966, 29—73). Положение стел в перекрытиях и каменных закладах над захоронениями без какой-либо закономерности указывает на их утилитарное назначение. Поэтому обоснованными представляются близкие точки зрения Д. Я. Телегина и А. Хойслера, относящих антропоморфные стелы к доянным энеолитическим памятникам и предполагающих, что они стояли возле энеолитических могильников, образуя своеобразные святилища. Последние, по их мнению, были разрушены племенами ямной культуры, использовавшими антропоморфные скульптуры в качестве строительного материала для своих захоронений (Телегин, 1967, 16; Häusler, 1966, 39).

Вопрос о культурной принадлежности стел региона неоднозначен и будет решен только в результате целенаправленного исследования при условии нового дополнения фонда источников и отдельного его анализа. Однако следует заметить, что 12 стел, то есть около трети, было обнаружено в основных погребениях кургана. Корреляция их с положением погребенного в захоронении показала, что 79% приходится на группу I, 18% — на группу II и 3% — на группу IV (рис. 17). Подобное распределение указывает на связь большинства из них, как будет показано далее, с одной из ранних групп ямного населения (группа I). Так косвенно подтверждаются предположения о разрушении ямными племенами антропоморфных памятников предшествующего им населения.

В качестве гипотезы можно выдвинуть версию о том, что каменные изваяния, изображающие божеств или определенных людей, стояли на вершинах небольших энеолитических курганов, в которых погребенные были захоронены вытянуто или скорчено с восточной ориентировкой на спине. Интенсивные и широкие археологические исследования последних десятилетий не привели к открытию в регионе следов каких-либо энеолитических святилищ степных племен с антропоморфными стелами. Следовательно, гипотеза об их существовании представляется маловероятной. А то обстоятельство, что большинство стел найдено во впускных ямных погребениях, говорит о постоянной и хронологически длительной традиции разрушения инородных памятников предшествующего времени. Нельзя не учитывать и факта вторичного использования одной из стел в каменной закладке над погребением 5/7 у с. Холмское с вытянутым костяком. Если данное захороне-

ние относится к энеолитическому времени, то вопрос о первоначальном назначении стел и их культурной принадлежности еще более усложняется.

В заключение хотелось бы особое внимание обратить на безусловный с точки зрения источников факт: большинство известных в регионе стел не связано с погребальными традициями ямной культуры, а использовалось в их памятниках в качестве строительного материала. Картографирование находок показывает: почти все они концентрируются в Нижнем Поднестровье и Буджакской степи (рис. 27). Отсутствие их на севере Днестровско-Прутского междуречья вряд ли следует считать случайным. Возможно, именно с учетом географического распространения стел надо подходить к решению вопроса об их культурной принадлежности и первоначальной датировке. Эта проблема еще ждет отдельной и детальной разработки.

Глава IV

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ПОДКУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ

Относительная хронология определялась при помощи корреляции основных и впускных погребений всех типов и групп. Одновременно были использованы стратиграфические колонки хорошо документированных многослойных курганов из различных районов Юго-Запада СССР. Учитывались также все случаи прямого наложения погребений в кургане (рис. 28).

Проведенная корреляция показала, что в большинстве случаев самыми ранними являются захоронения типа 1. В 32 курганах они были основными для 57 погребений типа 11, в 10 — для 11 погребений типа 15, в 23 — для 34 погребений типа 30, в 26 — для 39 погребений типа 37, в 16 — для 16 погребений типов 45 и 50 (по 8 в каждом случае) и в 3 курганах — для 3 погребений типа 55. В общей сложности захоронения типа 1 в 110 случаях служили основными и были перекрыты 160 погребениями других типов. Одновременно в ряде курганов захоронения типа 1 были впускными, то есть более поздними по отношению к другим. Так, в 17 курганах они 26 раз перекрывали захоронения типа 11, в 2 курганах 2 раза — захоронения типа 15, в 4 курганах 6 раз — захоронения типа 30 и в 5 курганах 11 раз — захоронения типа 55. В общей сложности погребения типа 1 в 28 случаях были впускными и 45 раз перекрывали более ранние захоронения других типов. Таким образом, среди погребальных комплексов типа 1 основных захоронений в 4 раза больше, чем впускных.

Захоронения типа 11 в 4 курганах являлись основными для 4 погребений типа 15, в 27 — для 40 погребений типа 30, в 30 —

	1	11	15	30	37	45	50	55	Осн.
1		3111113 1115232 13211231 33131211	1111121 11	11311121 3121112 1113211 2	31161211 1211221 1211211 111	11111111	11111111	111	160 110
11	11131111 1143113 11		1111	4111122 12211311 21131111 2111	11632111 21111111 12111111 112111	2221111	11111111 231111	121	142 102
15	11	311		131	1	1	1		15 11
30	3111	125452 3	1		12131111 31111233 1	11	1111		64 34
37									0 0
45									0 0
50									0 0
55	11432	5131123 52	1111	14112	112111		111		57 32
Впуск.	$\frac{45}{28}$	$\frac{107}{51}$	$\frac{20}{19}$	$\frac{88}{58}$	$\frac{113}{79}$	$\frac{21}{18}$	$\frac{33}{30}$	$\frac{7}{6}$	

Рис. 28. Корреляция основных и впускных погребений по типам. Количество цифр в квадрате равняется числу курганов, а их сумма — числу захоронений

для 41 погребения типа 37, в 7 — для 10 погребений типа 45, в 14 — для 17 погребений типа 50 и в 3 курганах — для 4 погребений типа 55. В общей сложности захоронения типа 11 были 102 раза зафиксированы как основные и перекрывались 142 погребениями других типов. В то же время эти захоронения служили и впускными по отношению к другим. Их взаимосвязь с погребениями типа 1 уже отмечалась. В 3 курганах они 5 раз перекрывали погребения типа 15, в 7 курганах 22 раза — погребения типа 30 и в 9 курганах 23 раза — погребения типа 55. Всего захоронения типа 11 в 51 случае были впускными и в 107 — более поздними по отношению к погребениям других типов. Следовательно, погребальные комплексы данного типа в два раза чаще служили основными, чем впускными.

Захоронения типа 15 немногочисленны: в 3 курганах они предшествовали 5 погребениям типа 30 и в 3 курганах — 3 погребениям

ниям типов 37, 45 и 50 (по одному разу в каждом случае). В одном кургане один раз они перекрывали захоронение типа 30 и в 4 курганах — 4 раза захоронения типа 55. В общей сложности тип 15 в 11 случаях являлся основным и в 19 — впускным, то есть почти в два раза чаще.

Погребения типа 30 в 16 курганах предшествуют 26 захоронениям типа 37, в 2 курганах — 2 погребениям типа 45 и в 4 курганах — 4 погребениям типа 50. В общей сложности они в 34 случаях служили основными и 61 раз перекрывались другими захоронениями. Одновременно погребальные комплексы типа 30 неоднократно являлись впускными. Их взаимосвязь с типами группы I уже отмечалась. В 5 курганах 9 погребений типа 30 перекрывали основные захоронения типа 55. Всего данные погребения в 58 случаях были впускными и 88 раз перекрывали более ранние захоронения других типов. Следовательно, погребения типа 30 почти в два раза чаще встречаются в качестве впускных, чем основных.

Тип 37 в подавляющем большинстве случаев представлен впускными захоронениями. Отмечено всего лишь 7 основных погребений, где костяк лежал скорченно на спине с наклоном влево, что составляет 4,8% общего числа погребений типа. Во всех этих случаях не было документально зафиксировано впускных погребений других типов. Однако в трех курганах с рядом впускных погребений различных типов — Григорьевка, курган 1; Холмское, курган 1 и Парапору, курган 1 — авторы раскопок определили в качестве основного захоронение типа 37. Ограниченный объем работы не позволяет рассмотреть здесь каждый случай в отдельности. Но проведенный детальный анализ стратиграфии каждого из перечисленных курганов вызывает ряд серьезных возражений в справедливости определения как культурной принадлежности, так и основного положения этих захоронений. Статистические данные указывают на почти безусловную вероятность ошибки: для типа 1 тип 37 являлся впускным в 26 курганах (39 погребений), для типа 11 — в 30 курганах (41 погребение), для типа 15 — в одном кургане (1 погребение), для типа 30 — в 16 курганах (26 погребений) и для типа 55 — в 6 курганах (7 погребений). В общей сложности захоронения типа 37 в 79 случаях перекрывают другие более ранние погребения и насчитывают 114 погребальных комплексов. Кроме того, следует учесть и 8 случаев прямого наложения указанных типов, объективно отражающих более позднюю хронологию типа 37 по отношению к отмеченным. Все это позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что по отношению к типам 1, 11, 15 и 30 тип 37 всегда впускной и может быть основным только для типов 45 и 50.

Корреляция наглядно продемонстрировала, что захоронения типов 45 и 50 во всех случаях впускные. В сделанной выборке не отмечено ни одного случая обратной стратиграфии.

	I	II	III	IV	Осн.
I		$\frac{160}{110}$	$\frac{45}{39}$	$\frac{7}{6}$	$\frac{212}{155}$
II	$\frac{29}{12}$		$\frac{6}{6}$	$\frac{0}{0}$	$\frac{35}{18}$
III	$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$		$\frac{0}{0}$	$\frac{0}{0}$
IV	$\frac{38}{18}$	$\frac{16}{11}$	$\frac{3}{3}$		$\frac{57}{32}$
Впуск.	$\frac{67}{30}$	$\frac{176}{121}$	$\frac{54}{48}$	$\frac{7}{6}$	

Рис. 29. Корреляция основных и впускных захоронений по группам

Интересная ситуация сложилась с погребениями типа 55: в 11 случаях они являлись основными для всех других типов и были перекрыты 57 другими одновременными захоронениями, а в 10 случаях были впущены в насыпь уже готового кургана и насчитывают 10 погребений. Показательно, что основные погребальные комплексы рассматриваемого типа несколько отличаются от впускных. Среди последних преобладает овальная форма ямы, гораздо слабее окраска охрой, не встречаются каменные закладки и т. д. Стратиграфия же многослойных и четко документированных курганов указывает, что впускные погребения с вытянутым на спине костяком — самые поздние по отношению к другим типам (за исключением отдельных захоронений группы III). Одновременно аналогичные погребения предшествуют многим архаичным погребальным комплексам группы I. Все эти данные позволяют выделить в группе IV два различных составных компонента: группу основных захоронений, которую следует связывать с энеолитическим временем, и группу впуск-

ных погребений, относящуюся, видимо, к катакомбной культуре. Только отсутствие инвентаря и четко зафиксированных катакомб привело к ошибочному отнесению их к ямной культуре.

Большой интерес представляет и сведение полученных результатов корреляции по группам, то есть общая корреляция групп (рис. 29).

Группа I 110 раз предшествовала группе II, насчитывающей 160 впускных погребений, 39 раз — группе III (45 погребений) и 6 раз — группе IV (7 погребений).

Группа II 12 раз являлась более ранней, чем группа I, включившая 29 захоронений, 6 раз перекрывалась группой III (6 погребений) и ни разу не предшествовала группе IV.

Группа III во всех случаях отмечена как более поздняя по отношению к другим.

Группа IV 18 раз предшествовала группе I, насчитывающей 38 погребений, 11 раз — группе II (16 погребений) и ни разу — группе III.

В общей сложности относительная хронология между группами распределилась следующим образом:

группа I 155 раз была основной по отношению к другим и в стратифицированных курганах перекрывалась 212 погребениями II, III и IV групп;

группа II 18 раз предшествовала другим и являлась более ранней по отношению к 35 захоронениям остальных групп;

группа III ни разу не служила основной и в 45 случаях, включивших 51 погребение, зафиксирована впускной по отношению к прочим группам;

группа IV в 32 курганах предшествовала другим, включившим 57 захоронений.

Таким образом, если учесть соотношение между группами I и IV, то следует прийти к выводу, что в целом группа IV предшествует группе I, поскольку входящие в нее погребения в три раза чаще перекрываются скорченными на спине костяками. Основные захоронения группы IV, вероятно, одновременны с древнейшими погребениями группы I. Случаи обратной стратиграфии между группами I и II — свидетельство сосуществования в определенный хронологический период этих групп погребального обряда. На основании данных относительной хронологии можно четко определить нижнюю границу, представленную основными погребениями групп I и IV, и верхнюю, представленную группой III и впускными захоронениями группы IV. Впускные погребения группы I и группа II занимают между ними промежуточное положение, причем группа I в целом предшествует группе II.

Вопрос четкой датировки древнейших подкурганых захоронений региона — один из наиболее сложных и слабо аргументированных источниками. В настоящее время на основании имеющихся в нашем распоряжении различных серий керамического инвентаря, а также объективных данных стратиграфии курганов

можно только в общих чертах наметить датировку выделенных групп и некоторых типов погребений. Для территории Юго-Запада известны пока лишь 4 радиоуглеродные даты:

Утконосовка, 1/3 (коллективное, тройное, тип 11) — 2820 ± 120 до н. э. (Ки-100/7);

Вишневое, 17/37 (тип 45) — 1850 ± 120 до н. э. (Ки-1439);

Вишневое, 19/7 (тип 11) — 2540 ± 70 до н. э. (Ки-1219);

Вишневое, 19/11 (тип 1) — 1820 ± 60 до н. э. (Ки-1220) (Телегин, 1977, 10—11; Субботин, 1984, 111).

К сожалению, серия очень незначительна и потому вычислить неизбежный в радиоуглеродной датировке процент ошибки в исследуемый период не представляется возможным. Однако с определенной долей осторожности указанные даты необходимо использовать.

Привлечение к анализу значительной серии погребальных комплексов Юго-Запада СССР подтверждает в целом ту хронологическую колонку, которая была предложена для Северо-Западного Причерноморья на материалах великодолинских курганов (Субботин и др. 1974, 200). Более крупная серия источников позволяет уточнить эту предварительную периодизацию. На основании анализа более чем тысячи погребальных памятников региона культурно-хронологическая колонка представляется следующим образом (рис. 30).

I. Стратиграфия курганов и относительная хронология показали, что древнейшими подкурганными захоронениями являются основные погребальные комплексы типов I и II с восточной ориентировкой, а также группы IV. Погребальный инвентарь захоронений ограничивается характерными для энеолита украшениями (ожерелья из зубов животных, раковин Унио, медных и костяных бус), кремневыми отщелками. Богатый инвентарь из парного захоронения 1/7 2-го суворовского могильника позволяет уточнить эту датировку и отнести группу скорченных на спине погребенных с восточной ориентировкой к доусатовскому энеолиту. Особенно ценной находкой в закрытом погребальном комплексе Суворово можно назвать скилетр, реалистически изображающий голову лошади. До настоящего времени он остается единственной датирующей находкой для данной группы памятников. О глубокой древности комплекса свидетельствуют находки аналогичных каменных скипетров, обнаруженные в слоях разнотурбурных древнеземледельческих обществ (например, Березовская ГЭС, Сэлькуца, Феделешень, Суводол и др.). По мнению исследователей, скипетры в виде стилизованных лошадиных голов относятся к сравнительно узкому хронологическому периоду и датируются серединой IV тыс. до н. э. (Даниленко, Шмаглій, 1972, 3—20; Даниленко, 1974, 95). Подобный вывод подтверждает находка фрагмента схематического скипетра на трипольском поселении Верхние Жоры I в Молдавии. Фрагмент скипетра был обнаружен в закрытом комплексе среди развала жилища и дати-

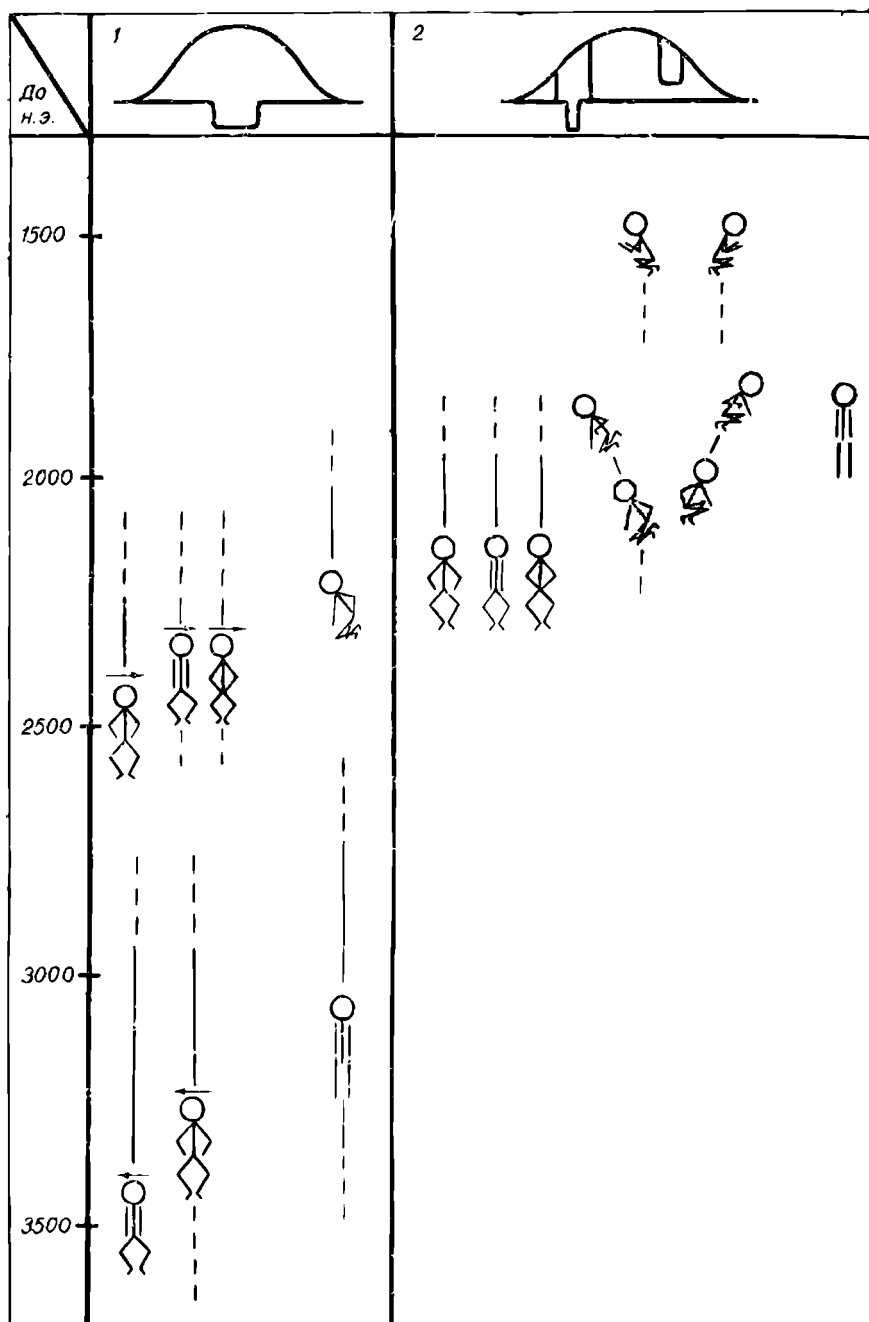

Рис. 30. Абсолютная и относительная хронология выделенных типов:
1 — основные, 2 — впускные захоронения

руется этапом Триполья Б1 — Кукутень А2—3 (раскопки В. И. Сорокина в 1981 г.) (Сорокин, 1982). В связи с тем, что в настоящее время имеется значительная серия радиоуглеродных дат для памятников Триполье Б1 — Кукутень А (Dumitrescu, 1974; Монаш, 1978), подтверждающих датировку серединой IV тыс. до н. э., к этому периоду и следует относить зооморфные каменные навершия и, следовательно, и суворовское захоронение. Интересно, что из 147 основных погребений группы 1 только 29 были ориентированы в восточном полушарии, причем лишь 8 — строго на восток. Эти захоронения всегда являлись самыми архаичными в кургане и ни разу не были основными для второй или третьей насыпи. Напротив, удалось документально зафиксировать 4 случая, когда основные захоронения кургана с восточной или северо-восточной ориентировкой перекрывались основными погребениями для второй насыпи, ориентированными на запад (Новые Дуруиторы, курган 4; Чимишлия, курган 1; Белолесье, курган 7 и Яски, курган 6). К сожалению, все основные погребения с восточной ориентировкой оказались безынвентарными, однако их центральное положение в кургане, архаичность погребального обряда, как и в суворовском захоронении, позволяют предположительно отнести их (если не все, то хотя бы основную часть) к доусатовскому энеолиту и датировать серединой — второй половиной IV тыс. до н. э.

Большой интерес представляют и основные захоронения курганов, для которых характерно вытянутое положение погребенных на спине. Сейчас сложно установить их соотношение с только что описанной группой, поскольку прямой стратиграфии данных памятников ни разу отмечено не было. Керамика и здесь тоже пока не обнаружена. Находки же украшений из раковин Унио, а также подвесок из кости и меди, зубов животных аналогичны инвентарю предыдущей группы и свидетельствуют о происхождении захоронений в энеолитическое время. С определенной долей вероятности эту группу захоронений можно отнести ко второй половине IV — началу III тыс. до н. э. Новые открытия аналогичных погребальных комплексов позволят уточнить предложенную датировку.

II. Вторую культурно-хронологическую группу составляют основные погребения типов 1, 11 и 15 с западной ориентировкой. Все они относятся к ямной культуре. Для данной группы погребений имеется три радиоуглеродные даты: от середины III тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. Все они получены для впускных захоронений и одна из них (для коллективного погребения 1/3 у с. Утконосовка), по мнению Д. Я. Телегина, случайна, поскольку выпадает из основной серии дат для ямной культуры (Телегин, 1977, 13). В этой связи необходимо отметить, что основные погребальные комплексы с западной ориентировкой объективно являются более ранними, чем впускные, хотя в отдельных случаях некоторые из них могут быть одновременными. По-

добное стратиграфическое положение позволяет определить датировку основных погребений группы I серединой — последней четвертью III тыс. до н. э. Показательно, что второй половиной III тыс. до н. э. (от 2580 ± 95 до 2110 ± 160) датируются по С—14 и погребения с охрой из Хамаджии (Румыния) и Кетегихаза (Венгрия), которые также соответствуют группе I предложенной классификации (Долуханов, Тимофеев, 1972, 53). Доминирование архаичных украшений, изделий из кремня, камня и кости над немногочисленными сосудами тоже косвенно подтверждает предложенную датировку.

III. Третью хронологическую группу представляют впускные погребения ямной культуры (группа I) и основные — позднеямной культуры (тип 30 группы II). Относительная хронология памятников, значительное количество изделий из кремня, камня, кости и редкие сосуды (в основном горшковидные) позволяют отнести группу к последней четверти — рубежу III—II тыс. до н. э.

IV. В четвертую хронологическую группу входят погребения позднеямной культуры. Она включает впускные захоронения группы I в курганах при основных погребениях группы II, а также все погребения группы II. Находки своеобразной керамики, имеющей аналогии в ряде культур эпохи ранней бронзы Балканского полуострова и Карпат, а также в катакомбном керамическом комплексе, определяют хронологические рамки группы концом III — началом II тыс. до н. э. Стратиграфия курганов и относительная хронология показали, что самыми поздними в группе являются погребения типа 37.

V. Пятая хронологическая группа связана с финальным этапом позднеямной культуры и включает захоронения группы III, где у костяков одна рука прямая, а другая — согнута и кистью положена у локтя прямой руки (типы 45 и 50). Такие позы погребенных, вероятно, генетически связаны с типами 30 и 37 и отличаются от них только положением на боку и несколько иным расположением рук. Аналогичная керамика и погребальный инвентарь подтверждают это предположение. Почти все захоронения инвентарны и обнаружены в верхних горизонтах кургана. Радиоуглеродная датировка подобного погребения 17/37 у с. Вишневое (1850 ± 120 до н. э.), а также характерный керамический комплекс позволяют датировать эти типы XIX—XVIII вв. до н. э.

VI. К шестой группе относятся захоронения катакомбной культуры и других культур эпохи бронзы. Она состоит из впускных погребений группы IV и захоронений группы III, где костяк резко скорчен на боку, обе руки согнуты и положены кистями у груди или у лицевой части черепа. Из-за отсутствия выразительного погребального инвентаря, неразработанности признака положения костяка в захоронениях некоторые исследователи оши-

бочно отнесли их к ямной культуре. В целом хронологические рамки группы охватывают первую половину II тыс. до н. э.

В заключение следует особо остановиться на культурном определении выделенных групп и типов захоронений. Проведенный анализ позволяет отнести все основные погребения группы I с восточной ориентировкой (или, по крайней мере, подавляющую их часть) к степному энеолиту. К тому же периоду относятся и все основные захоронения группы IV. Ямная культура представлена в регионе большинством погребальных комплексов группы I, а поздняя — группой II, впускными захоронениями группы I при основных группы II и группой III, причем последняя относится к ее позднему этапу. В зависимости от позы погребенных и стратиграфического положения в кургане все рассмотренные парные и коллективные захоронения относятся к ямной или позднеямной культуре. К тому же культурно-хронологическому периоду принадлежат и обнаруженные в регионе кенотавы. Что же касается группы расчлененных захоронений, то обнаруженная там керамика и расположение их в верхних горизонтах курганной насыпи свидетельствуют о распространении этого элемента погребального обряда в позднеямное время, скорее всего на его финальном этапе. Знаменателен следующий факт: в Днестровско-Прутско-Дунайском междуречье не было отмечено ни одного достоверного случая совершения впускного погребения группы I при основном захоронении группы III. Все впускные погребения группы IV относятся к катакомбной культуре, а группы III (за исключением типов 45 и 50) — к различным периодам эпохи бронзы. Нельзя не отметить и распространенность выделенных для поздней культуры типов 30, 37, 45 и 50 как в катакомбной, так и в ряде других культур эпохи бронзы. Не исключено, что истоки появления этих поз в данных культурах следует искать именно в поздней культуре исторической общности.

* * *

Представленная культурно-хронологическая колонка вследствие крайней немногочисленности четких датированных источников лишь намечает основные хронологические периоды в древнейшей истории степной полосы Юго-Запада СССР и носит предварительный характер. Эту колонку, основанную главным образом на археологических данных, следует рассматривать как одну из первых попыток анализа уже имеющихся в настоящее время материалов. Привлечение в будущем данных естественных наук (значительных серий радиоуглеродных и, желательно, палеопочвенных и дендрохронологических дат, а также результатов металлографического и структурного анализа металлических изделий) и сравнение их с археологическими классификациями, безусловно, позволит детализировать или уточнить предложенные культурно-хронологические этапы.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ПЛЕМЕН (вместо заключения)

Детальный анализ погребального обряда древнейших подкур-
ганных захоронений Юго-Запада СССР позволил выделить здесь
восемь основных и наиболее устойчивых типов в положении по-
гребенных и объединить их в четыре группы. Контрольное срав-
нение полученных результатов с материалами других локальных
вариантов ямной культурно-исторической области показывает, что
и в этих географических регионах почти все захоронения эпохи
энеолита — ранней бронзы входят в выделенные для Юго-Запада
типы и основные группы в положении погребенных (рис. 2)
(Häusler, 1974, taf. 1—75; 1976, taf. 2—46). Находки совершенно
идентичных по погребальному обряду захоронений в ряде райо-
нов степей Восточной Европы свидетельствуют об общих тради-
циях в материальной и духовной культуре различных объедине-
ний древнейших скотоводов. Единобразие погребального обря-
да, вероятно, обусловлено еще и тем фактом, что в условиях эко-
логически однородной степной полосы вряд ли могли существо-
вать устоявшиеся географические границы между выделенными
Н. Я. Мерпертом вариантами ямной культуры.

Степи Северного Причерноморья характеризуются умеренно-
теплым и засушливым климатом с непродолжительной мягкой
зимой, жарким летом с малым количеством осадков, частыми су-
ховеями и засухами. Существенное влияние на климат оказывает
море, в прибрежной полосе которого летом несколько прохладнее,
а зимой теплее по сравнению с глубинными районами. Как уста-
новлено, наиболее благоприятные условия для кочевого скотовод-
ства в степи складываются в том случае, если в определенной ее
части зимой или вовсе не бывает снега, или же его покров на-
столько незначителен, что не мешает животным самим добывать
корм. Способствуют развитию скотоводческого хозяйства и огром-
ные естественные запасы корма, наличие типчаково-полынной и
полынно-злаковой растительности, пригодной для разведения ло-
шадей и овец (Артамонов, 1977; 9; Збенович, 1974, 111). Однако
морфологический анализ палеопочв, проведенный для низовьев
Днепра, показал, что на протяжении IV—II тыс. до н. э. климат
в Северном Причерноморье был более сухим и холодным, чем
сейчас. Природная растительность отличалась скудостью и один
квадратный километр пастбища обеспечивал не более 50 овец.
Некоторое смягчение климата произошло только в конце III —
начале II тыс. до н. э. (Золотун, 1972, 89—90). Таким образом,
благоприятные природные факторы, с одной стороны, стимулиро-

вали развитие скотоводства в степях Северо-Западного Причерноморья, а суровые погодные условия, с другой, приводили к необходимости постоянных поисков новых, еще не истощенных районов корма. Указанные причины, вероятно, и определили форму скотоводческого хозяйства. С некоторой долей осторожности можно говорить о существовании у степных племен региона кочевого скотоводства.

Основным косвенным доказательством данного положения является отсутствие здесь поселений ямной культуры. Несколько десятилетий назад открытие их в Нижнем Поднепровье стало подлинной научной сенсацией, но до настоящего времени они остаются единственными для ямной культуры и сосредоточены только в этом районе. Концентрация ямных поселений именно в Нижнем Поднепровье обусловлена, наряду с системой культурных связей района, историческими традициями и природными условиями (Лагодовська и др., 1962, 168—204; Мерперт, 1974, 109). Полностью отрицать теоретическую возможность обнаружения ямных поселений на Юго-Западе, вероятно, не стоит. Однако следует подчеркнуть, что такая вероятность представляется минимальной: несмотря на интенсивные археологические исследования и сплошные разведки, в Днестровско-Прутско-Дунайском междуречье не найдено даже остатков временных стоянок степных племен, не говоря уже о поселениях. В глубинных же районах, вдали от морского побережья, больших рек и пойменных почв, исторически закономерен подвижной характер жизни скотоводческих племен, который и отражают сотни курганов и тысячи древнейших подкурганных захоронений. Поэтому речь в данном случае идет не о недостаточном внимании археологов к поискам поселений, а о действительном отсутствии последних. И подобный факт, по-видимому, следует рассматривать как своего рода негативное свидетельство существования кочевого скотоводства у древнейшего степного населения.

Другим важным аргументом служат находки однотипных колес от повозок или остатков последних в различных районах Каспийско-Черноморских степей. Судя по обнаруженным фрагментам, повозки имели массивные формы и вполне надежно могли заменить кочевнику дом. Указанная категория находок в определенной степени символизирует освоение степных пространств, а также основной вид экономики и образ жизни скотоводческих племен. С каждым годом число найденных повозок неуклонно возрастает. На территории Юго-Запада СССР они впервые были зафиксированы в начале 70-х гг., но в настоящее время здесь уже известно 11 их местонахождений, причем только в южной части региона: в Нижнем Поднепровье и Буджакской степи (рис. 27). Ряд исследователей полагает, что погребения с повозками или колесами являются исключительно захоронениями родовой знати и свидетельствуют о социальной дифференциации общества (Кузьмина, 1972, 132—137; 1974, 68—87; Гудкова, Черняков, 1981, 48—49). Однако их встречаемость не только в захоронениях со

сложной конструкцией погребальной камеры и «богатым инвентарем», но и над конструктивно простыми и безынвентарными комплексами (например, в ничем не выделяющихся из общей массы погребениях с колесами 11/13 из Каушан, 10/18 из Тараклин, 2/10 из Холмского и др.), вряд ли подтверждает эту, возможно, справедливую в своей основе гипотезу. Открытие повозок в захоронениях всех трех первых групп (рис. 17) показывает, что ими пользовались различные объединения степного населения, и подтверждает, в первую очередь, подвижный образ жизни первых скотоводов, а уже потом свидетельствует о социальном положении погребенных.

Наконец, в 26 одиночных захоронениях, 2 коллективных и 4 кенотафах обнаружены кости животных. К сожалению, остеологические определения произведены только в десяти случаях, но они вызывают особый интерес. Установлено наличие остатков лошади (семь особей), козы (овцы) (две особи), быка (одна особь). Делать какие-либо далеко идущие выводы, опираясь на столь ограниченную серию остеологических источников, было бы преждевременным. Только обработка значительных остеологических коллекций позволит дать обоснованное заключение о составе стада у древнейших скотоводов. Но уже сейчас можно говорить о том, что находки костей лошади, козы (овцы) и быка не только не противоречат, но даже подтверждают предположение о кочевом характере скотоводства. Знаменательно и отсутствие здесь костей свиньи — тоже своего рода аргумент в пользу подвижных форм скотоводства.

Вполне возможно, что распространение единого погребального обряда в гигантской степной полосе Восточной Европы явилось результатом кочевого образа жизни древнейшего скотоводческого населения.

На основании накопленных археологических источников реконструкция основных исторических процессов на территории Юго-Запада СССР представляется следующей.

Первыми, судя по стратиграфическим данным и немногочисленному, но выразительному инвентарю, в исследуемый район проникли энеолитические племена, в погребальном обряде которых наблюдается два различных положения костяка. Не исключено, что в тот период здесь обитали две группы населения. Погребальный инвентарь энеолитических комплексов из Суворова и Кайнар позволяет отметить первое проникновение небольших скотоводческих племен в регион к середине IV тыс. до н. э. Данный процесс, вероятно, продолжался в течение второй половины IV — начала III тыс. до н. э. Незначительное количество подобных погребений показывает, что освоение новых территорий в энеолите носило эпизодический и ограниченный характер. Следовательно, для утверждения о широких и разрушительных вторжениях по отношению к тому времени нет достаточных оснований.

Ряд источников свидетельствует, что в середине III тыс. до н. э. в Северо-Западное Причерноморье начинают проникать с восто-

ка первые племена ямной культуры. Основных захоронений, относящихся к этому периоду, также немного, что свидетельствует о постепенном и длительном периоде освоения региона. Вскоре новое скотоводческое население вступает в контакт с позднетрипольскими усатовскими племенами. Отсутствие достоверных сведений об обратной стратиграфии усатовских и ямных захоронений вовсе не означает какого-либо хронологического разрыва между названными памятниками. В материальной и духовной культуре обеих групп племен отразилось множество фактов их взаимодействия и взаимообогащения. В результате исторических связей усатовские изделия начинают появляться в ямных комплексах, а степные — в позднетрипольских, четко выделяясь в инокультурной среде. Особенно ярко взаимовлияние прослеживается в погребальном обряде, где у усатовцев грунтовые могильники сменяются курганными, а иногда и те, и другие сосуществуют как пережитки древних традиций (Мерперт, 1974, 140). В результате исторических связей со степным населением состав у усатовских племен начинает резко отличаться от предшествующего — среднетрипольского (Цалкин, 1970, 166—204). Взаимосвязь двух различных групп населения нашла отражение и в керамическом комплексе каждой из них (Збенович, 1974, 102—103, 139).

Приведенные факты, как представляется, могли иметь место только при условии длительного сосуществования и в основном мирного развития ямного и усатовского населения. Сложившуюся в причерноморских степях «стратиграфическую ситуацию» можно объяснить только идеологическими представлениями древнего населения. Не исключено, что среди прочих причин основную роль здесь сыграли культовые ограничения, которые могли запрещать усатовским племенам использовать иноплеменные погребальные сооружения. У ямных же племен подобного условия могло не существовать и они широко практиковали захоронения во всех известных им курганах. Конечно, такое предположение ни в коей степени не отрицает явного хронологического расхождения между усатовскими и поздняямными захоронениями. В то же время большинство основных захоронений группы I с западной ориентировкой, скорее всего, синхронно усатовским.

В конце III тыс. до н. э. проникновение ямных племен в регион активизируется, что выразилось в общем увеличении погребений данного периода. Освоив степные районы Юго-Запада СССР, древнейшие скотоводы продолжили движение на запад. Находки в погребальных памятниках того времени сосудов с несомненным влиянием раннебронзовых культур Подунавья, Балкан и Карпат подтверждают высказанное предположение о различных направлениях продвижений скотоводов — не только вперед — на запад, но и назад — на исконные места обитания (Шмаглий, Черняков, 1970, 107). В указанный период, вероятно, происходит определенное обострение отношений между усатовскими и ямными племенами — об этом свидетельствуют топография и укрепления позднетрипольских поселений (Шмаглий,

1960, 302—308). Однако исчезновение позднетрипольской и других раннеземледельческих культур вряд ли стоит связывать исключительно с появлением первых скотоводов. То обстоятельство, что они постоянно возвращались из отдаленных районов (доказательство — серии разновременных источников, отразивших влияние целого ряда синхронных культур), ни в коей степени не означает одновременности их проникновения на указанные территории. Весь источниковедческий материал говорит об обратном: о постепенном и чрезвычайно длительном процессе инфильтрации в новые районы и медленном освоении последних. Слишком большой хронологический период, приходящийся на то возможное количество древнейших подкурганных захоронений, которое имеется в степях Юго-Запада СССР, не позволяет связывать их только с тремя или четырьмя крупными нашествиями или волнами расселения. Кроме того, следов взаимовлияния скотоводческих и земледельческих племен не было бы отмечено, если бы их отношения ограничились только кратковременным периодом уничтожения одной группы населения другой. Материалы региона подтверждают точку зрения Н. Я. Мерперта: единого вторжения скотоводов никогда не было, а имело место постепенное продвижение, длящееся веками (Мерперт, 1965, 16; 1973, 58). Основной причиной передвижения племен эпохи энеолита — ранней бронзы, вероятно, следует считать не военные походы (кстати, следов «добычи» не обнаружено ни в одном погребении), а поиски новых земель, пригодных для скотоводства — основной экономической базы кочевников.

Выделение Н. Я. Мерпертом географических вариантов ямной культуры в целом справедливо и закономерно. Даже внутри юго-западного варианта в настоящее время можно условно выделить Бельцкую степь с прилегающими к ней северными районами как зону контактов населения восточноевропейских степей и Карпатского бассейна, и Буджакскую степь, где особенно наглядно проявились влияния культур Подунавья и Балканского полуострова. Другими словами, налицо два региона с определенными различиями в распределении керамического материала комплекса. Здесь, вероятно, произошло разделение движения скотоводов на юго-западное и северо-западное направления. Однако их своеобразие следует объяснять не различными путями развития, что в условиях этой степной полосы было просто невозможно, а взаимодействием пришлых скотоводческих племен со своими ближайшими соседями и с местным населением. Именно в таких «пограничных» районах возникали новые характерные черты материальной культуры, в первую очередь в керамике.

С учетом сказанного термин «буджакская культура», не говоря уже о «нерушайской», вряд ли можно считать удачным, поскольку он ограничивает распространение данных памятников исключительно пределами Буджакской степи. Между тем типичные для исследуемого времени сосуды — банки на поддонах и без поддонов — были обнаружены в ряде районов Молдавии в Подне-

строе. Более приемлемым представляется их название, отражающее принадлежность к позднеямному времени юго-западного варианта. Деление аналогичных памятников других регионов на ямные и позднеямные позволит четко установить их синхронизацию и основные хронологические пласты для всей ямной культурно-исторической области. Узколокальное же название синхронных и однокультурных памятников различных регионов приведет только к дальнейшему усложнению и без того запутанной терминологии. В этой связи вполне приемлемым и исчерпывающим представляется определение наиболее ранних подкурганых комплексов как юго-западной группы степных энеолитических захоронений. Из-за их немногочисленности, но довольно широкого географического распространения название их по какому-либо географическому топониму не будет соответствовать их археологической характеристике.

Следует кратко остановиться и на исторической судьбе ямных скотоводческих племен. Преобладание на позднем этапе их развития положения костяка с наклоном на бок, а также появление в керамическом комплексе форм и орнамента катакомбной культуры свидетельствуют о той роли, которую сыграли катакомбные племена в истории ямной культуры. Соотношение ямных и катакомбных групп в различных районах Каспийско-Черноморских степей сложилось по-разному. Однако огромное и многообразное население ямной культурно-исторической области не было и не могло быть уничтожено катакомбными племенами. Последние сыграли огромную роль в истории восточноевропейских степей, знаменуя ее новый период, ставший одновременно финальным в истории ямных племен. Решающее положение занимают все усиливающиеся центробежные тенденции. Они были обусловлены периодом сосуществования ямных племен с различными катакомбными группами, проникавшими на территорию Юго-Запада СССР. При этом, вероятно, происходила взаимная ассимиляция при доминирующем влиянии со стороны катакомбных племен. Взаимные связи, общие элементы и смешанные формы в материальной культуре обеих групп населения явились здесь результатом исторического сближения, но вряд ли генетического родства (Круц, 1972, 173). Наличие типичных катакомбных наконечников стрел в костяках ямной культуры отражает в определенной степени характер их сосуществования (Тоцев, 1979, 36—37). Так происходит исчезновение тех объединяющих и качественно своеобразных черт, которые позволяли говорить о ямной культурно-исторической общности на Юго-Западе СССР. Здесь позднеямные племена со временем были полностью ассимилированы и подверглись культурной трансформации со стороны племен катакомбной культуры.

Таким образом, характеризуя в целом юго-западный регион древнейших скотоводческих племен, следует отметить, что по признакам материальной и духовной культуры у него гораздо больше сходства, чем различий, со всем восточноевропейским мас-

сивом распространения первых скотоводов. В культурно-исторической общности древних скотоводов отмечен практически одинаковый погребальный ритуал с постоянным, четко установленным положением погребенного.

Для Юго-Запада СССР определяющей чертой развития стало соприкосновение ямных и усатовских племен, а кроме того, взаимодействие пришлых скотоводов с синхронными культурами Балкан и Карпат. Все рассмотренные материалы показывают, что этот район развития древнейших скотоводческих культур не являлся локально замкнутой территорией со своей своеобразной культурой, а оставался составной, неразрывной частью огромного массива ямной культурно-исторической области. Его определенное своеобразие отразило те сложные и часто противоречивые процессы, которые происходили в период энеолита — ранней бронзы в среде древних скотоводческих объединений Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников С. М.* Раскопки курганов у пос. Тараклия.— АО в 1980 г. М., 1981.
- Агульников С. М.* Курган эпохи бронзы у с. Капланы.— В кн.: Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев, 1984.
- Алексеева И. Л.* Раскопки Беляевского кургана в 1966 году.— МАСП, № 7. Киев, 1971.
- Алексеева И. Л.* О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья.— МАСП, № 8. Киев, 1976.
- Алексеева И. Л., Дворянинов С. А., Чернов С. И.* Раскопки курганов в Арцизском районе Одесской области.— АО в 1976 г. М., 1977.
- Алексеева И. Л.* Вопросы хронологии и периодизации ранней поры палеометаллической эпохи Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Антонович В. Б.* О раскопках курганов, произведенных в поречьях Днестра, Буга, и Ингула. Рефераты заседаний VI археологического съезда. Одесса, 1884.
- Антонович В. Б.* Замечания по поводу раскопки, произведенной Ф. И. Кнауэром.— ЧИОНЛ, кн. 4, отд. I. Киев, 1890.
- Антонович В. Б.* Выводы о раскопках, произведенных Кнауэром.— ЧИОНЛ, кн. 6, отд. I. Киев, 1892.
- Артамонов М. И.* Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками.— ПИДО, № 7—8, М.—Л., 1934.
- Артамонов М. И.* Возникновение кочевого скотоводства.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии, вып. I. Л., 1977.
- Борзисяк И. А.* Раскопки кургана на ст. Етулия в 1979 г.— В кн.: Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев, 1984.
- Братченко С. И.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Ванчугов В. П., Загинайло А. Г., Тоцев Г. Н.* Охранные раскопки у с. Траповка Одесской области.— В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Одесской области. Одесса, 1976.
- Георгиев Г. Ил., Мерперт Н. Я., Катинчаров Р. В. и др.* Эзеро — раннебронзового селище. София, 1979.
- Геродот.* История.— В кн.: Памятники исторической мысли, вып. I. Л., 1972.
- Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г.— Труды XII археологического съезда, т. I. М., 1905.
- Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г.— Труды XIII археологического съезда, т. I. М., 1907.
- Городцов В. А.* Классификация погребений Одесского кургана.— Отчет Исторического музея в Москве за 1915 г. М., 1917.
- Городцов В. А.* Бронзовый век на территории СССР.— БСЭ, 1-е изд. М., 1927, т. VII.
- Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии, ч. I. Херсон, 1903.
- Гудкова А. В., Черняков И. Т.* Ямные погребения с колесами у с. Холмское.— В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
- Даниленко В. М., Шаглый М. М.* Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи.— Археологія, 1972, № 6.

- Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.
- Дворяникова С. А., Петренко В. Г., Рычков Н. А. К изучению ориентировки ямных погребений. — В кн.: Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.
- Дергачев В. А. Памятники эпохи бронзы. — Археологическая карта МССР, вып. 3. Кишинев, 1973.
- Дергачев В. А. Памятники позднего триполья. Кишинев, 1980.
- Дергачев В. А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975—1976 гг.). Кишинев, 1982.
- Дину М. К вопросу о культуре шаровидных амфор на территории Молдовы. — Dacia, 1960, IV.
- Добровольский А. В. Раскопки кургана в предместье Одессы Слободка—Романовка.—ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915.
- Долуханов П. М., Тимофеев В. И. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода).— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. Спб., 1908.
- Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
- Зирра В. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР.—МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960.
- Золотун В. П. Результати палеогрунтових досліджень курганів поблизу Каховки в 1968 р. — Археологія, 1972, № 6.
- Качалова Н. К. Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга.—САИ, вып. В4—12. М., 1974.
- Кетрару Н. А. Археологические исследования в Кагульском районе в 1958 г.— В кн.: Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, 1969.
- Кетрару Н. А., Николаева Н. А., Подольский Н. Л. и др. Курганы у с. Старые Кукошесты Единецкого района МССР.—АО в 1974 г. М., 1975.
- Клейн Л. С. Рецензия на сборник «Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра». — СА, 1975, № 1.
- Кнауэр Ф. И. О курганах, раскопанных в Южной Бессарабии.—ЧИОНЛ, кн. 3, отд. I. Киев, 1889.
- Кнауэр Ф. И. Вторая археологическая раскопка около села Сараты (в Южной Бессарабии).—ЧИОНЛ, кн. 4, отд. II. Киев, 1890, с. 30—41.
- Кнауэр Ф. И. Результаты археологической экскурсии в Аккерманский уезд, предпринятый весной 1891 г.—ЧИОНЛ, кн. 6, отд. I. Киев, 1892.
- Кнауэр Ф. И. Раскопки в Аккерманском уезде Бессарабской губернии.—Труды XI археологического съезда, т. II. М., 1902.
- Кривцова-Гракова О. А. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле.—МИА, № 115. М., 1962.
- Круц С. И. Население территории Украины эпохи меди—бронзы. Киев, 1972.
- Кузьмина Е. Е. Находки колес в ямных погребениях и вопрос об этногенезе индо-иранцев, их религиозных представлений и социальной структуре общества.—Тези пленарних і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України). Одеса, 1972.
- Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей.—ВДИ, № 4.
- Лагодовська Е. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. И. Михайлівське поселення (Херсонська область) Київ, 1962.
- Манзура И. В. Исследование курганов у пос. Светлый.— В кн.: Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев, 1984.
- Марина З. П. Раннеямные погребения на левобережье Днестра.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
- Мелюкова А. И. Курган эпохи бронзы у с. Олапешты.—КСИА, № 89. М., 1962.
- Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Бутор.—АО 1972 г. М., 1973.

- Мелюкова А. И.** Раскопки курганов у с. Бутор Григориопольского района.— **АИМ** в 1972 г. Кишинев, 1974.
- Мелюкова А. И.** Исследования Западно-Скифской экспедиции.— **АИМ** в 1973 г. Кишинев, 1974 а.
- Мерперт Н. Я.** О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке.— **КСИА**, вып. 105. М., 1965.
- Мерперт Н. Я.** Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы.— Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968.
- Мерперт Н. Я.** Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт Н. Я.** О племенных союзах древнейших скотоводов степей Восточной Европы.— В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф.** Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии.— **КСИА**, вып. 115. М., 1969.
- Надеждин Н. Я.** О месторасположении древнего города Пересечино, принадлежащего народу угличам.— **ЗООИД**, г. 1. Одесса, 1844.
- Никитин В. И.** Курган к югу от с. Соколовка.— В кн.: Археологические памятники Понинулья. Киев, 1980.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А.** Курганы у с. Думены Рышканского района.— **АО** в 1975 г. М., 1976.
- Обалдуева Т. Г.** Курган эпохи бронзы на р. Когильник.— **Известия Молдавского филиала АН СССР**, № 5 (25). Кишинев, 1955.
- Олфсон Т.** Примечательнейшие курганы Бессарабской области в Бендерском уезде.— **ЗООИД**, т. 2. Одесса, 1850.
- Патоква Э. Ф.** Усатовское поселение и могильники. Киев, 1979.
- Рафалович И. А., Кетрару Н. А.** Из истории археологии и краеведения Молдавии.— В кн.: **Проблемы географии Молдавии**, вып. 1. Кишинев, 1966.
- Самоквасов Д. Я.** Могилы русской земли. М., 1908.
- Свешников И. К.** История населения Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тыс. до н. э. Киев, 1974.
- Свешников И. К.** Культура шаровидных амфор.— **САИ**, вып. В1—27. М., 1983.
- Серова Н. Л.** Исследование кургана у с. Етулия.— **АИМ** в 1974—1976 гг. Кишинев, 1981.
- Синицын М. С.** Курган в с. Чорноморка під Одесою.— **Матеріали з археології Північного Причорномор'я**, вип. 3. Одеса, 1959.
- Синицын М. С.** Развитие археологии в Одессе.— **ЗООА**, т. 1 (34). Одесса, 1960.
- Смирнов К. Ф.** Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области.— **МИА**, № 60. М., 1959.
- Субботин Л. В., Шмаглий Н. М.** Болградский курганный могильник.— **МАСП**, № 6. Одесса, 1970.
- Субботин Л. В., Черняков Н. Т., Ядвичук В. И.** Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья.— **МАСП**, вып. 8. Киев, 1976.
- Субботин Л. В., Дворянинов С. А., Добролюбский А. О. и др.** Раскопки курганов у оз. Сасык.— **АО** в 1978 г. М., 1979.
- Субботин Л. В.** Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры устья Днестра (по данным раскопок Семеновской экспедиции).— В кн.: Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев, 1980.
- Субботин Л. В.** Два кургана эпохи бронзы в Буго-Днестровском междуречье.— В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.
- Субботин Л. В., Дзигозский А. Н., Майоров В. Н.** Охранные раскопки кургана у с. Огородное.— В кн.: Северное Причерноморье. Киев, 1984.
- Телегин Д. Я.** Енеолітичні стели і пам'ятки нижньоміхайлізського типу.— **Археологія**, 1967, № 4.
- Телегин Д. Я.** Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Юга Украины.— **СА**, 1977, № 2.

Тереножкін О. И. Кургани в долині р. Молочної.— Археологічні пам'ятки УРСР, вип. VIII. Київ, 1960.

Тоцева Г. Н. О культурно-хронологическом соотношении ямных и катакомбных погребений в Северо-Западном Причерноморье.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

Третьяков Д. К. Остатки человеческих скелетов из кургана на Слободке-Романовке в Одессе.— ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915.

Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.), т. 1. Одесса, 1886.

Уваров А. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 2. Спб., 1856.

Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству (Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР). М., 1969.

Хлобыстина М. Д. Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке.— КСИА, вып. 19. М., 1982.

Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.

Чеботаренко Г. Ф. Раскопки курганов в Чадыр-Лунгском районе Молдавской ССР.— Тези пленарних і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України). Одеса, 1972.

Черняков И. Т. Начало изучения эпохи энеолита и бронзы в Северо-Западном Причерноморье.— МАСП, № 8. Киев, 1976.

Черняков И. Т. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

Шапошникова О. Г. Ямна культура.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ, 1971.

Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н. О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула.— В кн.: Древности Понтийского моря. Киев, 1977.

Шилов В. П. Калиновский курганный могильник.— МИА, № 60, М., 1959.

Шкадышек М. Ф. Погребения каменного века в Одессе.— ЗООИД, т. XXXII. Одесса, 1915.

Шмаглей Н. М. О топографии поселений городско-усатовского типа.— ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960.

Шмаглей Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966).— МАСП, вып. 6. Одесса, 1970.

Шмаглей Н. М., Черняков И. Т. Раскопки курганов эпохи бронзы в Татарбунарском районе Одесской области в 1965 г.— СА, 1970 а. № 1.

Шмаглей Н. М., Черняков И. Т. Археологические исследования в зоне строительства Нижнеднестровской оросительной системы.— АИУ в 1968 г., вып. 3. Киев, 1971.

Шмаглей Н. М., Алексеева И. Л. Антропоморфная стела из ямного погребения в Нижнем Подунавье.— Тези пленарних і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України). Одеса, 1972.

Шмаглей Н. М., Черняков И. Т. Нові дослідження курганів на південному заході УРСР. МАУ, вып. 6. Київ, 1972.

Эбергирдт Я. Памятники старины и археологические находки Бессарабии.— Сегодня бессарабские новости. 1915, № 315; 1916, № 1—5.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1961.

Яровой Е. В. Охранные раскопки кургана у с. Бурсучены.— АО в 1978 г. М., 1979.

Яровой Е. В., Агульников С. М. Курганный могильник у с. Градище.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Донецк, 1979.

Яровой Е. В. Курган ямной культуры у с. Хрустовая.— АИМ в 1974—1976 гг. Кишинев, 1981.

Яровой Е. В. Курган эпохи ранней бронзы у с. Яблони.— АИМ в 1979—1980 гг. Кишинев, 1983.

Яровой Е. В. Охранные раскопки кургана у с. Кетросы.— ПДМ. Кишинев, 1983а.

Яровой Е. В. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута.— В кн.: Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев, 1984.

Ястребов В. Н. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии.— ЗООИД, т. XVII. Одесса, 1894.

Berciu D., Morintz S., Roman P. și al. Cultura Cernavoda II.— SCIV, 1973, XXIV/3.

Buchvaldek M. Die Schnurkeramik in Böhmen. Praha, 1966.

Buchvaldek M., Koutecký D. Vykletice. Praha, 1970.

Gimbutas M. The prehistory of Eastern Europe, p. 1.— American School of Prehistoric Research (Harvard University), Bul. № 20. Cambridge, 1956.

Gimbutas M. Notes on the Chronology and Expansion of the Pitgrave culture.— In: L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961.

Gimbutas M. Proto-Indo-European culture during the fifth, fourth and third millennia B. C.— In: Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.

Gimbutas M. The beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500—2500 B. C.— JIES, 1977, V.

Gimbutas M. The kurgan wave 2 into Europe and the following transformation of culture.— JIES, 1980, VIII.

Dumitrescu V. Cronologia absolută a eneoliticului românesc în lumina datelor C-14.— Apulum, v. XII. Alba-Julia, 1974.

Häusler A. Antropomorphe Stelen des Eneolithikums im nordpontischen Raum.— In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin Luther Universität, Bd. XV. Halle, 1966, H. 1.

Häusler A. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Ural und Dnepr. Berlin, 1974.

Häusler A. Die Gräber der älteren Ockergrabkultur zwischen Dnepr und Karpaten. Berlin, 1976.

Mallory J. P. The chronology of the Early Kurgan Tradition.— JIES, 1976, IV.

Monach D. Datarea prin C—14 a etapei Cucuteni A2.— SCIVA, 1978, т. 29, № 1.

Neustupný E. Das Grab von Tusimice und einige Probleme der schnurkeramischen Kultur — Památky archeologické, № 56. Praha, 1965.

Roman P. Cultura Cotofeni. Buc., 1976.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ — Археологические исследования в Молдавии
АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ЗООАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАСП — Материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья
МАУ — Матеріали з антропології України
МИА — Материалы и исследования по археологии
МИА ЮЗ СССР и РНР — Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики
ПДМ — Первобытные древности Молдавии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом Обществе Нестора Летописца
SCIV — Studii și cercetări de istorie veche, București
SCIVA — Studii și cercetări de istorie veche și arheologie, București
JIES — Journal of Indo-European Studies

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ КУРГАННЫХ ПА- МЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДА СССР	5
Глава II. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДРЕВНЕЙШИХ СКОТОВОДЧЕС- КИХ ПЛЕМЕН	27
Методика исследования	28
Источники	33
Положение костяка в захоронении	38
Степень скорченности ног	49
Ориентировка	52
Погребальное сооружение	61
Степень окрашенности погребенных	66
Парные и коллективные погребения	69
Расчлененные погребения	74
Кенотафы	75
Глава III. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ	76
Глава IV. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ПОДКУРГАННЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ	100
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ СКОТОВОДЧЕС- КИХ ПЛЕМЕН (вместо заключения)	110
ЛИТЕРАТУРА	117
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	122
SUMMARY	123
RESUME	124